

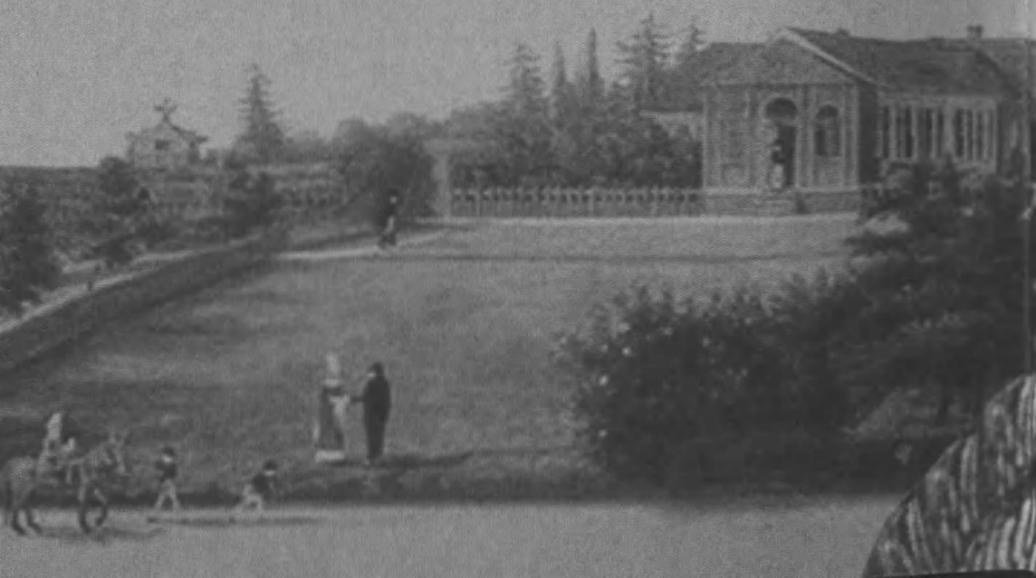
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Жильбер Мартино

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жильбер Мартино

Gilbert Martineau
LA VIE QUOTIDIENNE
À SAINTE-HÉLÈNE
AU TEMPS DE NAPOLEÓN

ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

УДК 94(44)“176/182”

ББК 63.3(4)52

М 29

Перевод с французского
М. В. ДОБРОДЕЕВОЙ

Вступительная статья
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО

Предисловие
ЖАКА ЖУРКЕНА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture — Centre national du livre

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры (Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
Gilbert Martineau. La vie quotidienne à Sainte-Hélène au temps de Napoléon / Avant-
propos par Jackues Jourquin. Tallandier. Bibliothèque Napoléonienne, 2005

© Tallandier Éditions, 2005
© Добродеева М. В., перевод, 2008
© Левандовский А. П., вступительная статья, 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008
© «Палимпсест», 2008

ISBN 978-5-235-03116-6

Автор этой книги — в своем роде человек удивительный. Прожив в качестве хранителя Французских владений на острове Святой Елены около сорока лет, он целиком посвятил себя выискиванию и изучению всего того, что сохранилось со времени пребывания там Наполеона и его маленькой свиты (1815—1821 годы).

Следует отметить, что ко времени выхода книги, лежащей перед нами, этот период жизни великого полководца — фактически период его агонии — оставался наименее изученным. Оно и понятно: для французских историков затерянный в океане маленький остров, хозяева которого не отличались гостеприимством, был малодоступен; что же касается хозяев Святой Елены, англичан, то они менее всего были заинтересованы в «вынесении сора из избы», прекрасно понимая, что обнаружение подлинных материалов о пребывании Наполеона на острове отнюдь не украсит их.

И все же в этих, крайне невыгодных для себя условиях Жильбер Мартино сумел сделать то, что не удавалось никому ни до, ни после него. Подобно опытному детективу, он проник в «святая святых» острова, не оставив без внимания ни единой щели, и на основе собранного материала воссоздал полную картину повседневной жизни императора французов и его окружения.

Мартино разделил свою книгу на шесть глав. Но фактически она отчет-

диво распадается на две части. Первая целиком посвящена жизни и смерти Наполеона, вторая — его антуражу в самом широком смысле слова. Но мастерство автора сказывается в том, что эта вторая, гораздо более объемная часть построена по принципу зримого или незримого присутствия в каждой из ее пяти глав неизменно все того же главного героя, сохраняя ощущение его прямой или косвенной связи со всеми видными лицами и событиями на острове.

Повествуя о смертельной болезни Наполеона, Мартино внимательно прослеживает все ее фазы вплоть до самого рокового дня 5 мая 1821 года. При этом характерно, что он и словом не обмолвился об отравлении венценосного узника, видно, не признавая широко бытующую версию. Вместо этого он убедительно показал, как происходило моральное умерщвление его героя, и ради этого возвел на одно из важнейших мест в книге своеобразного антигероя — губернатора острова Хадсона Лоу. Этому персонажу автор уделил лишь немногим меньше места, чем Наполеону, и заклеил его с чисто шекспировской широтой. Завистливость, тупость, жадность, нетерпимость, самовлюбленность, лживость — все возможные пороки присваивает автор хозяину Святой Елены, и все эти пороки обрушиваются на голову его пленника, который оказался не в силах выдержать столь мерзкий и непомерный груз.

Вокруг этих двоих так или иначе вращаются все остальные участники драмы. Главное место среди них занимают спутники Наполеона — Бертран и Монтолон с супругами, Лас Каз с сыном и камердинер Маршан. Все они порознь и в совокупности мало украшают жизнь своего шефа — недаром, по одной из версий, именно Монтолон участвовал в предполагаемом отравлении Наполеона.

За ними следуют иностранные комиссары — комиссары-наблюдатели: французский, австрийский и русский. На их характеристики Мартино не пожалел сарказма. Впрочем, в адрес русского комиссара, графа Бальмена, у него нашлось и несколько уважительных слов.

Фоном для всего этого является подробное описание природы острова, армии и флота, его охраняющих,

санитарных условий, продовольственных проблем и повседневной жизни местного населения, включая «белую знать», «цветных» рабов и китайцев.

В целом книга Мартино производит сильное впечатление, которое остается надолго. И все же нельзя не отметить одного теневого момента, связанного, видимо, с тем, что книга создавалась в течение длительного времени и по частям, а не сразу. В ней встречаются противоречия, повторы и, что хуже всего, неясные места. Впрочем, это не может влиять на общую оценку книги. Перед нами поистине кладезь уникальных сведений, связанных с агонией великого завоевателя, обессмертившего своим присутствием маленький остров, затерянный в океане.

*А. П. Левандовский,
8 декабря 2007 года*

Если бы бывший Император был сослан не на остров Святой Елены, а в другое, пусть даже очень удаленное место, последние годы его жизни наверняка были бы иными, и создать его легенду было бы много труднее. Хотя нет сомнений, что замкнутый мирок какого-нибудь другого Лонгвуда, состоящий из тех же людей, породил бы ту же мелочную низость и другой Хадсон Лоу выказывал бы такую же бессмысленную жестокость. Но Святая Елена добавила к этому жуткое ощущение замкнутости, отверженности от остального мира, а тамошняя природа, климат и окружение действовали губительно на тело и погружали в отчаяние душу.

Ибо последний период жизни бывшего Императора не ограничивается лишь его домом в Лонгвуде, который вскоре он откажется покидать, занятый постоянной борьбой за утверждение собственного статуса, дабы отстоять свое положение вопреки английским тюремщикам.

Его спутники постоянно поддерживают сношения с внешним миром, и посетители — случайные или нет — нередко проникают за строго охраняемую ограду парка.

Наполеон, как может, управляет своим маленьким двором, диктуя для потомков заново составленную историю собственной жизни и собственного царствования, но он не может не замечать те несколько тысяч человек,

которые его окружают, да и не хочет этого: его характер не позволяет ему замыкаться в неприятии внешнего мира. Однако это маленькое общество занято лишь самим собой и удручающе посредственно.

Только Жильбер Мартино, хранитель Французских владений на Святой Елене, проживший там без малого сорок лет, был способен поведать и сделать нам понятной эту удивительную историю. Этот крохотный островок, не слишком гостеприимный, но обитаемый, маленькая гавань в Южной Атлантике, за пять лет был превращен в крепость с помощью Королевского флота и солдат Его Величества, заставивших местных жителей, прозванных *Yamstocks* (едоки батата), их черных рабов и их китайских работников волей-неволей самим стать почти что пленными и помощниками тюремщиков.

Автор не интересуется хронологией (на эту тему существуют хорошие работы), он хочет дать нам почувствовать то, что никто другой не мог описать изнутри: бесконечное однообразие дней на сыром плато Лонгвуда и монастырское существование его обитателей, все действия которых в той или иной мере связаны с пленником, «чей характерный силуэт вырисовывается за решетчатыми ставнями».

В домах Джеймстауна, в коттеджах, расположенных в долинах, в солдатских лагерях, в резиденции губернатора, на дозорных кораблях и рыбацких лодках все вертится вокруг Наполеона. Решив держать в качестве пленника генерала Буонапарте, объявив его вне закона и не признавая его сувереном, английская олигархия, говоря словами Наполеона, сделала причастным к его заточению всех жителей острова, как родившихся там, так и приезжих.

Нечасто бывало, чтобы в трагическом эпизоде истории участвовало столько заурядных людей, не обладающих ни умом, ни великодушием, столько статистов, помимо воли оказавшихся в таком неприятном месте вокруг столь необыкновенного человека. Контраст этот не может не потрясать. Уникальные знания и талант позволяют Жильберу Мартино воссоздать то, о чем ранее никогда не рассказывалось. Воистину, это «жизнь Гулливера под властью лилипутов».

Причастность к обеим культурам, французской и английской, образование морского офицера, литературный вкус, восприимчивость и чувство юмора позволили ему описать условия умерщвления Наполеона, конечно, больного физически и лишенного должного ухода и лечения, но главным образом *умервляемого* морально удручающими материальными условиями и гнетущим окружением.

Перед кончиной Жильбер Мартино передал в дружеские руки свою неизданную рукопись как своего рода историческое завещание. Ее публикация, осуществленная благодаря любезному согласию его сына Мишеля Декуэн-Мартино, нынешнего хранителя Французских владений на Святой Елене, является существенным вкладом в изучение всего, что связано и с Наполеоном, и с островом Святой Елены.

Этот труд выходит в свет под тем же названием, что и первая работа Жильбера Мартино, опубликованная в 1966 году. Безусловно, содержание книги, существенно отличающейся от первой, является плодом наблюдений и размышлений автора о своем излюбленном предмете.

Жак Журкен

*Жерару и Николь Юбер
в знак дружеской привязанности*

*Там, у врат Индийского океана, Бонапарт
был лишен возможности перевоплощения,
то есть второго явления на земле.*

Вальтер Скотт

*Присутствие Бонапарта превратило этот
обетованный остров в зачумленную скалу.*

Шатобриан

*Если у французов остров Святой Елены вызывает
дурные воспоминания, то у нас, британцев, он
рождает воспоминания мучительные.*

Лорд Роузбери

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЛЕННЫЕ

Покинув Англию 9 августа на борту «Нортумберленда» в сопровождении целой армады, состоявшей из бригов «Зефир», «Икар», «Редпол» и «Феррет» и транспортных судов «Буцефал», «Гаванна» и «Цейлон», Наполеон и те, кто согласился разделить с ним изгнание, подошли к берегам Святой Елены 14 октября 1815 года.

Исчезли как мираж картины великих деяний прошедших пятнадцати лет, покончено с химерой великой европейской империи, рассеялись услужливые придворные и, наконец, сокрушена потрясающая мощь, коей все было доступно и все подвластно. Тот, кто стал пленником союзных держав и кого британцы именуют «генерал Буонапарте», правит теперь лишь горсткой сохранивших ему верность людей, по тем или иным соображениям последовавших за ним. Отныне его пристанищем станет этот мрачный утес, который он рассматривает в служивший ему при Аустерлице бинокль, опираясь на плечо своего лакея Луи Маршана, под удрученным взглядом прибывших с ним французов.

— Не слишком приятное место! — воскликнул он. — Лучше бы я остался в Египте. Я бы сейчас был властителем всего Востока.

Действительно, мрачно выглядит с моря эта темная глыба, оцетинившаяся пушками морская крепость,

всплывшая из волн, словно Паллада в полном вооружении!

— Точно дьявол наср... этот остров, пролетая из одного мира в другой! — воскликнула одна из дам, чей лексикон явно не отличался изысканностью.

Врата ада? Нет, но весьма подходящее место для каторги, ибо нужно признать, что со стороны рейда остров Святой Елены напрочь лишен привлекательности. «Вид его ужасен, — признает несколько месяцев спустя комиссар Людовика XVIII маркиз де Моншеню. — Кругом нет ничего кроме облезлых гор, лишенных какой бы то ни было растительности». А аббат Кокро, капеллан *La Belle Poule*, в 1840 году скажет даже больше: «Тягостно смотреть на это нагромождение скал, изрезанных глубокими расселинами, которые художник, желающий изобразить хаос, воспроизвел бы на своем полотне». Один британский писатель еще более категоричен: «Это логово сатаны на Юге». Высокая скалистая гряда скрывает горизонт и отбрасывает тень на море, отвесные изрезанные утесы, кажется, сливаются с серыми облаками, и в гигантской расселине виднеется жалкое селение Джеймстаун со своими полинявшими домами, чахлой растительностью и гордо развевающимся на ветру флагом Соединенного Королевства.

После неудобств пребывания на «Нортумберленде» — больше двух месяцев в море, половина из которых в тропиках, — человек ожидал увидеть нечто более привлекательное, может быть, поэтический пейзаж острова Эльба или мягкую живописность Средиземного моря; как нелогичны бывают мечты людей, даже побежденных, взятых в плен и измученных. А измучены были все, так как плавание это было тяжелым испытанием. Корабль уже весьма почтенного возраста, «Нортумберленд» был предназначен на слом, когда Адмиралтейство приказало спешно его вновь вооружить; для такого дальнего плавания он был плохо оснащен и вооружен, количество провианта — ничтожно, а теснота удручающая, даже унижительна, так как палубы кишели солдатами, женщинами и детьми: всего более тысячи человек совершали это утомительное плавание, ставшее еще более продолжительным из-за того, что адми-

рал хотел избежать нежелательных встреч. Император, любивший, как известно, движение, имевший обычное, работая, расхаживать по комнате, привыкший выезжать с инспекциями и давать аудиенции, должен был довольствоваться крохотной каютой, так как адмирал запретил ему пользоваться гостиной, которая вообще-то должна быть открыта для всех, а также соседней каютой.

— Скажите генералу, — ответил он обер-гофмаршалу, явившемуся к нему с этой скромной просьбой, — что устав не допускает предоставления кому бы то ни было адмиральской каюты, тем более военнопленному.

К неудобству жилья и злобному высокомерию тюремщиков добавилась докучная необходимость привывать к новым лицам, так как приближенные к Императору придворные и штабные офицеры были заменены лицами, появившимися лишь в последнее время: генералом де Монтолоном и его женой, графом де Лас Казом и его сыном; из прежних остались только обер-гофмаршал генерал Бертран с женой и ординарец генерал Гурго.

Ну а о гигиене нечего и говорить! Знаменитый пассажир вынужден был довольствоваться одним кувшином воды для своего туалета (а ведь он не мог жить без продолжительных ежедневных ванн!) и под палящим солнцем экватора обливался потом в своем гвардейском мундире.

А потому он с видимым облегчением услышал крик впередсмотрящего: «Земля!» Для свободного человека это слово означает возвращение в родной край, ко вновь обретенному семейному счастью или же просто окончание долгого и опасного плавания; но для тех, кто находится на борту «Нортумберленда» — это начало погружения в забвение, разрыв с прошлым, разлука — быть может, окончательная — с Францией, с семьей, с привычной жизнью. О, конечно, в глубине души еще теплится слабая надежда на перемену, на одно из тех неожиданных решений, великим мастером коих был владыка Тюильри, ибо в течение всех долгих лет изгнания самые химерические планы будут заполнять унылые вечера, не давая, правда, ничего кроме мимолетной

эйфории; но сейчас приближение к этому далекому и внушающему тревогу острову сулит возможность устроиться в удобном жилище, почти что среди своих, в стороне от британцев, возможность обрести даже некоторую независимость.

Прибытие на Святую Елену

Обогнув остров с юга, чтобы, пользуясь попутным ветром, войти в Джеймстаунскую бухту с запада, «Нортумберленд» встал на якорь 15 октября утром, и тотчас же адмирал и новый командующий гарнизоном полковник Бингэм сели в шлюпку, чтобы отправиться с визитом вежливости к управляющему Колонией от имени Индийской компании полковнику Уилксу. У адмирала в портфеле находились врученные ему инструкции, разрешавшие ему немедленно взять на себя управление островом и обустроить на суше «генерала Буонапарте». В этом документе лорд Батхэрст, государственный секретарь по делам войны и колоний, ответственный за управление Святой Еленой — и следовательно, за содержание в плену Наполеона, — добавлял: «Британский кабинет министров, полагаясь на всем известное усердие сэра Джорджа Кокбэрна, настоятельно рекомендует ему быть осторожным и воздерживаться от каких бы то ни было отклонений от полученных инструкций». Этого было довольно, чтобы сделать непреклонным солдата такой закалки, как Кокбэрн.

Этот блестящий офицер, ставший в сорок три года адмиралом, служил под началом Нельсона и стяжал известность, овладев городом Вашингтон в 1813 году. Суровый, даже высокомерный, он не питал ни малейшей симпатии к Буонапарте и его свите, находя ее шумной, требовательной и бесцеремонной; однако за время плавания он все же переменил свое к ним отношение, поддавшись влиянию своего грозного пленника. Чтобы доставить ему удовольствие, он стал говорить сам и потребовал, чтобы прочие также говорили за столом по-французски; он позволял Императору сидеть во главе стола, вставал, когда тот выходил из-за стола, про-

гуливался вместе с ним по палубе. Но если долг не возбранял сих невинных знаков учтивости, то он никоим образом и не допускал слабостей, особенно с тех пор, как все трое, Кокбэрн, Бингэм и Уилкс ознакомились с инструкциями, подготовленными руководителями Индийской компании.

«Так как Наполеон Буонапарте сдался правительству этой страны, министры Его Величества, сознающие важность должного содержания в заключении человека, чьи действия оказались гибельными для мира, сочли остров Святой Елены в высшей степени подходящим для организации его заточения и предложили нам поселить его там, создав соответствующую обстоятельствам систему управления и надзора. И так как Индийская компания всегда готова всеми средствами служить им и подчинять свою власть национальным интересам всякий раз, когда это в ее силах, мы не отказались дать свое согласие на это предложение. Министры короля, ответственные перед своим государством и всеми прочими европейскими державами за содержание в плену Буонапарте, сочли необходимым поручить сию миссию генералу на службе Его Величества, им известному и ими выбранному, предоставить в его распоряжение военные части, дабы он мог исполнять возложенные на него обязанности, и передать ему управление островом на время исполнения им этой миссии. Будучи в высшей степени довольны тем, как исполняет свои обязанности полковник Уилкс, и даже не помышляя о том, чтобы отстранить его от оных, мы сожалеем, что сие непредвиденное событие лишает нас возможности долее пользоваться его услугами».

Когда трое мужчин к полудню вернулись на борт корабля, адмирал стал губернатором, Уилкс — его подчиненным. Он получил возможность совершенно свободно беседовать с Наполеоном и произвел на него благоприятное впечатление. Уилкс рассказывал об Индии, где он служил (позже он напишет ее историю*). Кок-

---

* *Historical sketches of South India*. Уилкс был вице-президентом *Asiatic Society*. Его беседы с Наполеоном были опубликованы в *Monthly Magazine* в 1901 году под названием «Полковник Уилкс и Наполеон». Впрочем, учитывая полную безвестность сего джентльмена, более уместным было бы название «Наполеон и полковник Уилкс».

бэрн, запершись в своей каюте, думает лишь о том, как найти достаточно просторное и удобное, с точки зрения надежности, жилище, которое можно было бы без больших затрат расширить и обустроить и где он сможет заточить своих пассажиров. 16-го, покинув корабль рано утром, он весь день занимается поисками, бороздя остров во всех направлениях. Тем временем Император и его спутники изнемогают от нетерпения, наблюдая за высадкой новых войск гарнизона и погрузкой снаряжения и товаров на плашкоуты, что на открытом рейде является делом совсем непростым. Кокбэрн возвращается к 6 часам, измученный ездой по опаленным солнцем дорогам, и сообщает, что, кажется, нашел подходящее жилище — резиденцию наместника губернатора полковника Скелтона. Речь идет о строении на плато Лонгвуд, где после некоторой перестройки и расширения смогут разместиться те, кого на Святой Елене уже называют «генерал и его семья». Но когда он уточняет, что работы займут не меньше четырех месяцев, французы раздражаются возмущенными криками, ибо понимают, что, по соображениям безопасности, их, конечно, оставят жить в тесноте на борту «Нортумберленда» вплоть до окончания работ. Желая выказать великодушие, адмирал, по словам Лас Каза, «не без тайной радости» сообщает, что он решил снять для них, на условиях «понедельной оплаты», гостиницу, весьма приятно расположенную в центре городка, поблизости от Замка, где он сам намерен поселиться. Разместиться там можно будет уже завтра, и, чтобы не привлекать внимания жителей, уже собравшихся на набережной, Наполеон решает, что высадка будет иметь место в 7 часов вечера, после ужина, что в тропиках означает ночь.

На следующее утро Бертран идет посмотреть, что представляет собой это временное жилище, и возвращается удрученный, ибо оно оказалось весьма скромным, по видимости чистым, но неудобным: там не было ни сада, ни двора, к тому же строение это было одноэтажным и, стало быть, ничем не защищенным от шума улицы, жары и любопытства прохожих. Какой контраст с расположенным по соседству и служившим

резиденцией губернатору Замок, который со своими рвами и великолепными залами для приемов был не лишен благородного достоинства! Кокбэрн, убежденный, как и все британцы, что жилище есть свидетельство социального ранга, всенепременно хочет сохранить за собой именно это здание, ибо оно является официальной правительственной резиденцией; и, с точки зрения политики, совсем неплохо, чтобы дом Портеса (Портес Хаус) — так называется гостиница, предназначенная для Наполеона (или *Boney*, как его прозвали англичане) — имел жалкий вид по сравнению с Заком. Этого требует установленный порядок, и это будет для Буонапарте первым уроком унижения, коему его подвергнут победители.

На берегу стало известно о высадке «корсиканского людоеда» 17-го вечером, и новость эта таинственным образом быстро распространилась по всему острову. Известие о его ссылке доставил корабль «Икар», который, отделившись из-за непогоды от «Нортумберленда», встал на якорь пятью днями раньше, чем основная часть конвоя. Островитяне были изумлены: обычно новости из Европы доходят сюда с таким опозданием, что для них они уже не имеют ни малейшего значения, и как на всех островах, в волнение приводят лишь известия, касающиеся местных интересов; но на этот раз разговорам не было конца, так как одновременно стало известно о бегстве с острова Эльба, поражении при Ватерлоо, окончательном отречении от престола и плене *Boney*. Тотчас же возникли самые абсурдные страхи, так как у этих простых людей Наполеон пользовался весьма сомнительной репутацией, которая складывалась из рассказов французских эмигрантов, коими изобиловали газеты, и жутких историй, услышанных от местных старушек. «Наполеон, — признается юная Бетси Балькомб, — был для меня огромным людоедом, способным на любые подлости и мерзости, настоящим исчадием ада»*.

---

* Родившаяся в 1802 году, она была дочерью Уильяма Балькомба, владельца дома Бриаров, где Наполеон жил с октября по декабрь 1815 года.

Одним словом, населением овладело смешанное чувство детского страха и любопытства. На Святой Елене вообще-то не слишком любят то, что нарушает монотонный, но спокойный ход колониальной жизни, что заставляет думать непривычным образом; а потому появление свергнутого императора, его свиты, военных рот, кораблей и нового губернатора, словно камень, брошенный в стоячую воду, взбаламутило весь этот крохотный мирок чиновников, плантаторов и солдат.

«Сгорая от нетерпеливого желания увидеть знаменитого пленника, — продолжает юная Бетси Балькомб, — мы решили спуститься в долину, чтобы присутствовать при высадке. Уже почти совсем стемнело, когда мы добрались до порта: и почти в тот же момент от «Нортумберленда» отчалила шлюпка, и когда она подошла к причалу, мы увидели, как из нее вышел человек, который, как нам сказали, и был Императором, но темнота не позволила нам рассмотреть его черты. Вместе с адмиралом и генералом Бертраном он прошел между выстроенных в два ряда солдат; но так как он был закутан в плащ, я сумела разглядеть лишь блеснувшую на его груди бриллиантовую звезду».

Она могла бы добавить, что блеск этой звезды, запечатлевшийся в ее детской памяти, внезапно осветил безвестный остров сиянием славы, той удивительной славы, что угаснет лишь с последним обитателем планеты, которую так великолепно воспел создатель *«Барабанщика Леграна»*, немецкий поэт Генрих Гейне:

«Вплоть до самых отдаленных веков юноши Франции будут вновь и вновь рассказывать о безжалостном гостеприимстве “Беллерофона”, а когда эти исполненные иронии и слез песни раздадутся по ту сторону Ла Манша, краска стыда вспыхнет на лицах всех порядочных англичан. Но день, когда зазвучит эта песнь, придет, и тогда не станет больше Англии. Этот вознесшийся в своей гордыне народ будет лежать во прахе: усыпальницы Вестминстера будут разрушены и обломки их обращены в пыль; останки покоящихся в них королей — развеяны по ветру, и память о них исчезнет навеки. А Святая Елена станет Святой Гробницей, и народы Востока и Запада будут стекаться к ней на расцветенных флагами кораблях и

укрепляться духом при воспоминании о мирском Христе, страдавшем под властью Хадсона Лоу, как о том поведано в Евангелиях от Лас Каза, О’Мира и Антоммарки».

В этот вечер 17 октября 1815 года для пестрой толпы, безмолвно теснящейся близ лестницы набережной, он был «генералом Буонапарте», побежденным при Ватерлоо, государственным пленником Его Величества короля Англии, которого группа офицеров эскортировала к его жалкой гостинице.

«Толпа собралась столь многочисленная, что сквозь нее едва можно было пройти, и, чтобы сдерживать ее напор, пришлось вдоль всего пути следования кортежа, вплоть до города, расставить часовых с примкнутыми к ружьям штыками», — записала Бетси Балькомб.

Белые и черные смотрели, как идет этот величайший в истории пленник, так, словно это был дикий зверь; ни жестов, ни криков сочувствия или враждебности. Только молчание! Для всех этих людей, как и для Вальтера Скотта, он был теперь лишен возможности перевоплощения и второго явления на земле.

Любопытно заметить, что Джеймстаунская набережная сейчас выглядит иначе, чем в 1815 году, и что все те, кто утверждают, что ступали на лестницу, по которой поднимался Император, ошибаются. Существуют три лестницы, идущие с востока на запад: самой старинной, центральной, сейчас пользуются рыбаки; две другие лестницы построены позже, но именно здесь причалила шлюпка, доставившая Императора с борта «Нортумберленда». И вопреки утверждениям некоторых авторов, Император не шел по той части набережной, где теперь ходим мы. В то время дорога, ведущая к городу, вела внутрь огороженной зубчатыми стенами территории восточнее ворот. Она шла вдоль стены с внутренней стороны, вровень с выходящими на море зубцами, и вела к подъемному мосту, который и сейчас еще можно видеть близ устроенного во рву бассейна*.

---

* Сменявшие друг друга на Святой Елене колониальные чиновники не слишком заботились о сохранении исторического наследия: набережная, образовавшая вместе с крепостными валами и фортом прекрасный архитектурный ансамбль, была застроена домишками, складами, ангарами и даже бассейном.

Портес Хаус представлял собой невзрачную таверну, и лишь моряк, привыкший к тесноте корабельной жизни, мог решить, что многочисленная и разнородная свита, состоявшая из господ и слуг, мужчин и женщин, сможет разместиться в этих четырех стенах: три окна на первом этаже, пять — на втором, и только одна дверь, выходящая на узкое крыльцо, расположенное со стороны улицы. Кокбэрн, прибывший накануне, а до этого лишь однажды, в 1805 году, сделавший краткую остановку на острове, не мог быть ответственным за этот жалкий, а потому неудачный и бестактный выбор, равно как и Хадсон Лоу не мог быть в ответе за выбор Лонгвуд Хаус. Кто же тогда? Уилкс? Вне всякого сомнения, ибо он сопровождал адмирала во время его ознакомительной поездки и направлял его шаги.

Совершенно необъяснимым образом во всех трудах Уилкс предстает в образе элегантного седовласого джентльмена, высокого и изысканного, приветливого и остроумного, и каждый историк, добавляя к написанному предшественниками что-нибудь свое, бросает цветы к ногам этого учтивого человека, явившегося встречать Императора по его прибытии и любезно отвечавшего на вопросы его самого и его генералов. Одного его слова было бы довольно, чтобы отвергнуть Портес Хаус как слишком жалкий и тесный, а Лонгвуд Хаус — как слишком неудобно расположенный и сырой. Но он был в большей степени военным (в худшем смысле этого слова), чем дипломатом, и вместо того чтобы открыто высказать свое мнение, предпочел одобрить выбор нового губернатора, с которым он в течение нескольких недель должен был поддерживать отношения, и в то же время взять на себя обязанность приветствовать на борту «генерала Буонапарте». Однако с его стороны это вовсе не было знаком особого почтения, ибо в качестве губернатора он был обязан посещать почетных гостей, а полученные из Лондона инструкции представляли пленного как «генерала самого высокого ранга», который, согласно тонкостям колониального протокола, должен был ожидать визита полковника-губернатора. Что же касается резиденций, то как мог он счесть выбор неудачным? Портес Хаус в

1805 году, возвращаясь из Индии, почтил своим присутствием Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, и гостиница, которая подходила для одержавшего победу при Ватерлоо, тем более должна была подойти побежденному. Что же касается Лонгвуд Хаус, то он предназначался для лейтенанта-губернатора колонии и, если не считать Плантейшн Хаус («Колониального дома»), представлял собой *the second best choice* — второе по комфортабельности помещение на острове.

Французы могли бы сколько угодно возмущаться и протестовать, но в ответ им было бы сказано, что все формальности соблюдены. Пленников, особенно дам, сии аргументы отнюдь не привели в восторг, когда они очутились в общей зале Портес Хаус. Их уверяли в чистоте сего заведения, но оно кишмя кишело клопами, а по ночам с улицы доносились крики и ругань подвыпивших моряков и мяуканье диких котов, спускавшихся со скал в поисках пищи. Маршан, сошедший на берег раньше своего господина, устроил его комнату в соответствии с раз и навсегда заведенным порядком, как он это делал во время походов. Наполеон бросился на постель, но сон не шел к нему; тогда он позвал лакея, бодрствовавшего в своей каморке, велел зажечь факел и проговорил с ним до рассвета. Он стал жаловаться на неудобство этого жилья и заговорил о Лонгвуд Хаус:

— Я завтра же пойду посмотреть на это жилище, и оно должно быть в очень плохом состоянии, чтобы я счел невозможным поселиться в нем.

На рассвете, когда он, наконец, забылся сном, явился адмирал, чтобы отвезти его на плато и показать местоположение его будущего обиталища — тот самый Лонгвуд, от которого так много ожидали. Ему пришлось ждать, пока Император оденется; он вышел из себя и произнес несколько довольно грубых слов так, словно его вынудили дожидаться пробуждения не Императора, а марсового.

— Господин адмирал не слишком-то учтив, — проворчал Наполеон.

Нелегко научиться быть пленником, пусть даже и государственным, после того как столь долго был господином. Кто бы в Тюильри мог осмелиться утверж-

дать, что Император не волен распоряжаться своим временем! Наполеон однажды скажет об этом обергофмаршалу, когда тот, видя бесцеремонность англичан, сам решится на критику.

— В прежние времена вы бы не осмелились говорить со мной таким образом: тогда все, что я делал, было бесподобно!

Единоличное обладание абсолютной властью бесповоротно меняет человека, и Наполеон на Святой Елене, возможно, больше страдал от необходимости приспособливаться к жизни, полной жестоких унижений, чем от изоляции от мира и болезни: в основе его долгой борьбы против Хадсона Лоу лежала не только уверенность в том, что император является помазанником Божьим и власть его незыблема во веки веков, но и привычка к самовластному правлению и почти абсолютная убежденность в своей непогрешимости.

Дорога от Джеймстауна до Лонгвуда тяжела и неприветлива, но всадникам после долгой неподвижности на борту корабля она кажется приятной несмотря на удушную октябрьскую жару, означающую здесь начало лета. Кокбэрн и Наполеон впереди, следом за ними Бертран, Али и адъютант адмирала продвигаются военным шагом по дороге, называемой местными жителями *Side Path*, которая с трудом пробивается сквозь скалы и через четыре километра поднимается уже на высоту 600 метров. Немного в стороне от дороги манящий островок зелени, притаившийся в глубине долины, привлекает внимание французов: это владение Уильяма Балькомба, интенданта Индийской компании, именуемое *The Briars* — «Шиповник». С круглого холма, на котором расположен небольшой дом, две девочки наблюдают за караваном.

«Мы хотели знать, находится ли среди этих людей и Наполеон; нам посоветовали искать серый сюртук и маленькую шляпу, но мы не видели ни того ни другого».

Если неспешно продвигаться верхом, то можно хорошо рассмотреть пейзаж, который производит впечатление калейдоскопа на европейца, привыкшего к более спокойному рельефу, менее ярким цветам и не

таким резким контрастам. Идущая справа Джеймстаунская долина представляет собой нечто вроде прорубленного гигантским топором ущелья, где из-за недостатка места тесно прижимаются друг к другу дома, образующие столицу, а дальше виднеется водопад в форме сердца, от которого в октябре остается лишь слабая струйка и над которым растут чахлые кустики. Постоянно петляющая и очень утомительная для лошадей дорога ведет на вершину плато, где среди кupy деревьев возвышается Аларм Хаус, большой розовый дом, где вскоре будет устроено караульное помещение. На помосте стоит погруженная в свой бронзовый сон *alarm gun*, сигнальная пушка, та самая, что накануне изрыгала огонь, возвещая о прибытии человека, который еще несколько месяцев назад одним жестом своей затянутой в перчатку руки заставлял грохотать орудия на полях сражений. Внезапно за крутым поворотом появляется долина Саны, или Сены, или Герани; названия будут меняться до того майского дня 1821 года, когда с общего согласия в топографию острова Святой Елены войдет название Долина Могилы. Застывшие потоки лавы, черные камни, кусты на скалах, цепляющиеся своими длинными корнями за выжженную солнцем землю, высокие деревья с узорами лишайника на ветвях — вот что являет собой эта узкая долина, где находят себе пристанище лишь фазаны и козы. В верхней части плато близ Хатс Гейт находится место, именуемое *The Devil Punch Bowl* — «Чаша для пунша дьявола»; это удивительное сравнение как нельзя лучше подходит к мрачной котловине, исхлестанной бегущими над деревьями растрепанными облаками и теплыми дождями, которые стекают по листьям, покрывают зеленым налетом камни и делают дорогу труднопроходимой.

А вдали, прижавшись к плато Лонгвуд, вырисовываются на фоне неба низкие строения, слабо защищаемые от дуящего в спину ветра тонкими ветвями эвкалиптов. Кто может знать, о чем думал в тот момент Император? Догадывался ли он, что именно это место в нескольких сотнях метров от его будущей могилы станет последним этапом его удивительного пути? Или же

в нем все еще таилась живущая в каждом из нас и часто позволяющая обманываться вплоть до самого конца надежда на еще одно триумфальное возвращение?

Полковник Скелтон, лейтенант-губернатор, и его жена живут здесь летом. Им слишком хорошо знаком остров, чтобы не знать, что зимой жизнь на плато невыносима, а потому лишь в самую жару, с октября по февраль, они покидают свой дом в Джеймстауне, напротив дома Генри Портеса, в поисках прохлады, приносимой дуящими на высоте пассатами. В остальное время года печальный пейзаж пустеет: несколько лачуг и один-два дома ютятся у южного склона *Fisher's Valley* — «Долины рыбака», но на самом верху — ни малейшего признака жизни. Мадам Скелтон распорядилась приготовить изысканный обед. Она осыпала Императора любезностями, ибо гордилась возможностью продемонстрировать свое владение французским языком и была ошеломлена тем, что принимает за своим столом низвергнутого монарха. Но Наполеон, с его умением мгновенно оценивать обстановку, тотчас понял, сколь неудобно это жилище. Что на самом деле представлял собой этот перестроенный сарай? Гостиная, расположенная в выступающей части фасада, которая служит и прихожей, столовая, три спальни и службы, как это обычно изображается на планах колониальных домов. «Император, — говорит Маршан, — был отнюдь не в восторге от этого жилища, где не было ни тени, ни воды, где свирепствовали юго-восточные ветры и яростными порывами напоминали о себе в этот момент». Единственным достоинством было лишь огромное плато, где можно было скакать верхом и прогуливаться в коляске под сенью эвкалиптовой рощи.

Дом Бриаров

Было три часа, когда Наполеон тронул свою лошадь и попрощался с хозяевами; ярко светило жаркое солнце, когда он по той же дороге двинулся к Джеймстауну. По мере того как спускаешься вниз, буйная растительность вечно влажного плато сменяется кактусами,

а зелень долин — красноватыми вулканическими скалами, выжженными безжалостным солнцем, и Император, как и его обер-гофмаршал, не без страха ожидал возвращения в Портес Хаус, докучливых прохожих и раскаленного воздуха пыльной улицы. То ли этот страх, то ли желание быть отделенным хоть несколькими километрами от адмирала, а быть может, романтическая прелесть владения Бриаров заставляют его, увидев у подножия водопадов в форме сердца утопающий в зелени дом, выразить желание отправиться туда. Хозяин этих мест Уильям Балькомб прикован к постели подагрой, но семья его, расположившаяся на лужайке, трепещет от волнения, когда адмирал представляет гостей.

«Вблизи Наполеон казался ниже ростом, — пишет Бетси, — особенно рядом с сэром Джорджем Кокбэрном с его могучим сложением и аристократической физиономией; к тому же он уже несколько утратил тот величественный вид, что так поразил меня в первый раз. Он был смертельно бледен, однако черты его, несмотря на их холодность, бесстрастность и суровость, показались мне удивительно красивыми. Едва он заговорил, его чарующая улыбка и мягкость манер тотчас рассеяли наполнявший меня до того страх. Он опустился на один из стоявших тут стульев, обвел своим орлиным взором наше скромное жилище и сказал маме, что оно на редкость удачно расположено». Было четыре часа, и солнце уже исчезало за грядой скал, закрывавшей горизонт на западе, заливая долину косыми лучами света; беседка из виноградных лоз манила своей тенью, в бассейне резвились рыбки, а на деревьях щебетали птицы. Наполеон, очарованный этим местом, покоренный дышавшим здесь безмятежным покоем, попросил разрешения пользоваться легким строением, примыкавшим к дому; этот летний домик, построенный Балькомбом, чтобы его дети и их друзья могли там полдничать, представлял собой одну изящно отделанную в стиле Регентства комнату, площадью в несколько квадратных метров, с большими опускными окнами, выходящими на юг, восток и запад. Расположенная наверху пятиметровая мансарда будет служить спальней Лас

Казу и его сыну, которых Бертран вызвал из города, а Маршан и мамелюк Али будут спать у дверей, завернувшись в свои плащи, на тощих матрасах, принесенных с «Нортумберленда».

Те два месяца, что Наполеон проживет здесь как на биваке, некоторые будут склонны называть розовыми мгновениями изгнания. Последствия нервного потрясения, пережитого при Ватерлоо, отречения и бегства через западную часть Франции постепенно смягчались под благотворным воздействием забвения и великого лекаря — времени; покой этого дома, простого, но изящного, почтительная учтивость Балькомба, ласка детей, простодушная болтовня Бетси и тишина парка, нарушаемая лишь криками животных на ферме, — все это действовало как лекарство от душевных потрясений. Прежде всего нужно было заняться обустройством жилья: Маршан раздобыл у хозяев несколько стульев, кресло, стол, который будет также служить конторкой с письменным прибором; походная кровать стояла у окна, а восхитительная ваза для цветов работы ювелира Бьеннэ, украшавшего своими творениями празднества Империи, и серебряный несессер приводили Бетси в неописуемый восторг. А несколько миниатюр с изображением Римского короля и Императрицы на стене воспроизводили обстановку его палатки на биваках. Кухня тоже не отставала; правда, первый обед оказался неудачным, и поданные при свете кинкетов холодные блюда, доставленные из города, были съедены без всякого удовольствия; но уже на следующий день Маршан получил разрешение пользоваться летней кухней и вызвал эконома Пьеррона и повара Лепажа, доставивших серебряные приборы и столовое белье. Метрдотеля Чиприани Франчески оставили в городе, равно как и ливрейных лакеев братьев Аршамбо, Руссо, Джентилини и Сантини, чтобы было кому обслуживать императорскую свиту. Сколько самоотверженности в этих простых людях, еще не сломленных унынием и скукой! Они стараются угодить своему пленному господину с тем же неизменным усердием, с каким служили ему, когда он был владыкой Тюильри. Дабы сделать чуть более удобным это подобие бивака, приехавший

с визитом полковник Бингэм предложил воспользоваться услугами его солдат, чтобы на лужайке перед Павильоном построить шатер, который станет столовой и рабочим кабинетом. Ибо работа будет основным занятием Императора во время этого краткого пребывания у Балькомбов. Еще на борту корабля он начал диктовать Лас Казу «Итальянские кампании». Эта работа требовала ежедневных интеллектуальных усилий, но он воспринимал ее как отдых, во всем блеске являя свою поразительную память, историческое и критическое чутье и повествовательный дар. Он был верен обещанию, данному Гвардии в момент прощания в Фонтенбло: «Я напишу о тех великих деяниях, что мы совершили вместе»; и едва ступив на борт «Нортумберленда», принялся за описание своей лучшей кампании, каковое и намеревался теперь довести до конца. Его распорядок дня полностью подчинен этой работе: он встает рано, одевается, совершает небольшую прогулку в парке, около 10 часов завтракает, делает для разминки еще несколько шагов и садится за свои бумаги. Сначала Лас Каз перечитывает текст, сочиненный накануне и утром переписанный набело его сыном; Наполеон одобряет или вносит исправления, а затем диктует дальше. Около 5 часов он делает перерыв, чтобы перед ужином, подаваемым в 6 часов, прогуляться по аллее, которую французы уже окрестили аллеей философов. Окружающим его людям, которые жадно внимают каждому его слову, Наполеон часто говорит о своем прошлом, о своих удачах, о своих беседах со всеми сильными мира сего: сыплются бессчетные имена и даты, ибо память нуждается в гимнастике, чтобы не упустить ничего из прошедших событий. Засыпая в этом жалком колониальном домишке, он, быть может, забывает, что находится посреди океана, во власти своих злейших врагов, ибо за день он набросал столько портретов, нарисовал картину своего времени, раскрывая шаг за шагом пружины своего царствования и превознося великие свершения, коими он гордится: Государственный совет, Университет, орден Почетного легиона, Французский банк, Музей, дороги, каналы, порты. Потомкам есть над чем задуматься!

Вскоре Лас Каз предлагает ему параллельно диктовать свои воспоминания о Египте, о Консульстве и о возвращении с Эльбы, поручив записывать их генералам, а лакеев, Маршана и Али, сделать переписчиками, так чтобы у каждого было свое занятие. Он даже заговаривает об уроках английского, и до нас дошла запись, сделанная рукой знаменитого ученика.

— Когда вы станете благоразумны?

— Пока я на этом острове, никогда. Когда я ступлю на французскую землю, я буду спокоен. Моя жена придет ко мне. Мой сын будет большим и сильным. Мы сможем вместе с ним выпить за ужином бутылку вина. Матушка будет старой, а сестры станут уродливыми.

Как будто оставалась хоть какая-то надежда вновь увидеть Францию!

С наступлением темноты — а в тропиках темнеет рано — Лас Каз идет к Балькомбам, чтобы убедиться, что они одни, и тогда Император приходит провести вечер в лоне этой семьи. Хозяин дома лежит на кушетке, положив больную ногу на табурет, а жена и дети сидят вокруг него. Они ведут непритязательный разговор о романах, а девочки задают пустенькие и наивные вопросы и заливаются смехом, когда их гость отпускает острое словечко. И очарованный, Наполеон восклицает: «Да это настоящий костюмированный бал!»

Иногда они играют в вист, или же юная Бетси поет знаменитую шотландскую песню *Ye Banks and braes*, а Император, развеселившись, напевает *Vive Henri IV*, но потом заявляет, что английская музыка никуда не годится и только итальянцы умеют сочинять оперы. Снаружи — неподвижный жар тропической ночи; рабы ходят взад и вперед по веранде, разнося угощение и напитки; лишь звон цикад нарушает тишину ночи да большие ночные бабочки вьются вокруг факелов; все как в романе «Поль и Виргиния», который очаровал Наполеона в ту пору, когда Бернарден де Сен-Пьер покорял французское общество. Низвергнутый монарх, даже в своем мещанском жилище, чувствует себя окруженным неким почтением, и у себя дома он все еще государь, имеющий свой маленький двор: о трапезах

объявляют традиционным «Ваше Величество, кушать подано», а офицеры ездят из Джеймстауна в дом Бриаров, создавая впечатление некой деятельности. Надзор, осуществляемый англичанами, не слишком навязчив: капитан, сержант и несколько солдат размещены у Балькомбов, а когда их присутствие начинает слишком докучать Наполеону, солдат отсылают в город, а капитана просят сменить мундир на штатское платье.

Меры безопасности

В этой части острова французы почти свободны, во всяком случае могут совершать прогулки, заходить в дома местных жителей и бродить по каменистым тропинкам, окаймляющим владения Бриаров. Одна из них карабкается, извиваясь, до водопада в форме сердца среди пышных зарослей алоэ, агавы, банановых деревьев и прочих благоуханных тропических растений. Однако адмирал, сидя в своем кабинете в Замке, плетет паутину, в которой пленники вязнут как мухи: далеко им уйти все равно не удастся, ибо они находятся под постоянным наблюдением.

Уже 17 октября, в самый день прибытия, был созван Совет в составе полковника Уилкса, полковника Скелтона, некоего Уильяма Доветона и некоего Роберта Лича, чтобы законодательно определить положение Императора. Гулливер оказался в руках лилипутов! Эти четверо безвестных чиновников Индийской компании разработали документы, превращающие остров в тюрьму, а скалу — в крепость.

Принцу-регенту* было угодно распорядиться, чтобы генерал Буонапарте и сопровождающие его французы находились в качестве пленных на острове Святой Елены. Настоящим распоряжением всем находящимся тут лицам настоятельно рекомендуется воздерживаться от оказания какой бы то ни было помощи в попытке бегства вышеупомянутого генерала Буонапарте и сопровождающих его французов и каких бы

---

* Будущему королю Георгу IV (1820—1830), сыну короля Георга III, признанного в 1811 году недееспособным. (*Прим. ред.*)

то ни было сношений с ними. Любое нарушение будет караться изгнанием и судебным преследованием.

За этой преамбулой следовали конкретные распоряжения:

«Во время заточения генерала Буонапарте и составляющих его свиту французов необходимо принять дополнительные меры предосторожности в области безопасности, особенно в ночное время; жители острова и прочие находящиеся тут лица уведомляются о том, что запрещены любые перемещения — кроме как в черте города — с 21 часа до рассвета тем, кто не знает пароля; часовым приказывается брать под стражу и отправлять к губернатору всякого нарушающего сие распоряжение.

Все имеющие в своем пользовании плавательные средства должны сообщить об этом властям, указав характер и назначение оных.

Его Королевское Высочество Принц-Регент приказал содержать Буонапарте на острове Святая Елена и уточнил, что ему угодно, чтобы вышеупомянутому генералу выказывали соответствующее его рангу уважение, а офицеры гарнизона брали при встрече с ним на караул и отдавали ему почести, положенные генералу на службе Его Величества, но не являющемуся главнокомандующим».

Благодаря «Мемориалу» Лас Каза и воспоминаниям Бетси Балькомб в рассказах о пребывании Наполеона в имении Бриаров появляются наивно-сентиментальные эпизоды. У Балькомбов был старый слуга, малаец по имени Тоби, который вот уже сорок лет как единолично распоряжался в саду: он называл Наполеона «добрый джентльмен» и никогда не упускал случая — обмен на несколько монет, само собой разумеется, — угостить его лучшими плодами из своего сада. Император предложил выкупить старика и отпустить его на свободу, но губернатор отказал в этой просьбе, опасаясь, вероятно, что это событие произведет нежелательное впечатление на цветное население острова. Так что Тоби остался рабом Балькомбов, но в местную историю вошел в качестве персонажа, изображаемого на гравюрах и лубочных картинках.

Однажды Наполеон от скуки перебирал свои сокровища: табакерки, украшенные бриллиантами золотые шкатулки, камеи, миниатюры и несессеры. Один из несессеров привел в восторг Лас Каза, и Император подарил его ему:

«Он у меня очень давно; я пользовался им в утро Аустерлицкого сражения. Он перейдет к Эмманюэлю. И даже когда ему будет восемьдесят лет, вещь эта не утратит интереса. Он сможет сказать: Император Наполеон подарил его моему отцу на Святой Елене».

Мелкие события семейной жизни и игры детей Балькомбов, о которых рассказывает Бетси, представляют Наполеона в новом свете. Он сбросил маску властителя, преодолел упадок сил и уныние, охватившие его после поражения в последней кампании, и превратился в старого веселого дядюшку. Чтобы поугагать маленькую любимицу всего дома, он взъерошивает волосы и, изображая людоеда, ревет, как дикий зверь; он позволяет Бетси грозить ему шпагой, прячет ее первое бальное платье, играет в прятки, раздает пирожные и сладости и шуточно разговаривает с девочкой на самые разные темы.

— Какой город является столицей Франции? — спросил он как-то Бетси, когда та изображала важную особу.

— Париж.

— А России?

— Санкт-Петербург, а раньше Москва.

— А кто ее сжег? — внезапно спрашивает он, уставившись на девочку свирепым взглядом.

— Я не знаю, месье.

Он расхохотался:

— Да нет, вы прекрасно знаете, это я ее сжег!

Дерзость девочки иногда переходит все границы. То она сует под нос Наполеону английскую карикатуру, изображающую тощего француза, глотающего лягушек, то игрушку, представляющую собой человечка, карабкающегося по лестнице, на ступеньках которой написаны названия завоеванных стран, и в конце падающего головой вниз на скалу Святой Елены. Пользуясь робостью маленького Лас Каза, который боится этой

дикарки, она бьет его по щекам или же, когда Наполеон работает с горячим воском, толкает его под руку, и он обжигается.

В то время как Наполеон, низвергнутый с вершин власти, беседует, диктует или играет с детьми, адмирал сэр Джордж Кокбэрн получает точные инструкции относительно его содержания. Кавалер ордена Бани, герой сражения при Сент-Винсенте и Американской войны надеется извлечь выгоду из своего усердия, а особенно из своей готовности как можно быстрее удовлетворить требования государственного секретаря по делам Войны и Колоний лорда Батхэрста и премьер-министра лорда Ливерпуля, с которыми он имел секретные беседы*. Он не оставит ничего на волю случая и, как настоящий моряк, всегда будет готов встретить шквал, откуда бы он ни налетел. Хотя полковник Уилкс формально остается губернатором, инструкции Индийской компании связывают ему руки:

«Так как назначенный на пост губернатора офицер еще не вернулся с континента и так как решено безотлагательно доставить Буонапарте на этот остров, контр-адмирал Джордж Кокбэрн, командующий морскими силами, ответственными за надзор за ним на Святой Елене, должен по поручению правительства Его Величества временно, то есть до прибытия нового губернатора, осуществлять надзор за вышеупомянутым Буонапарте. Поскольку ответственность полностью возложена на сэра Джорджа Кокбэрна, необходимо, чтобы он был в состоянии в данный момент отдавать любые распоряжения, кои сочтет необходимыми, и в соответствии с настоящим письмом всем предписывается исполнять его приказания, за каковые он несет полную ответственность».

Таким образом, режим строгого надзора является полностью созданием Кокбэрна и Уилкса, а Совету

---

* Его миссия на Святой Елене обеспечила ему блистательную карьеру: он стал вице-адмиралом в 1819 году, затем командующим военно-морскими силами в Северной Америке и на Антильских островах. Адмиральский чин Кокбэрн получит в 1837 году, в 1841-м станет Первым Лордом Адмиралтейства, а в 1851-м, за два года до смерти, — Адмиралом Флота. В 1833 году он опубликует рассказ о своем участии в ссылке императора под названием *Bonapart's voyage to St. Helena*.

остается лишь возвести его в систему с помощью соответствующих постановлений*.

«Войска, предназначенные для надзора за генералом Буонапарте, находятся в ведении губернатора; однако соответствующие директивы предписывают ему действовать лишь с согласия адмирала.

Генерала всегда должен сопровождать офицер, назначенный губернатором или адмиралом. Если же он выходит за пределы территории, охраняемой часовыми, то офицера должен сопровождать ординарец.

Но когда в порт заходят корабли, генерал не имеет права покидать эту территорию до тех пор, пока корабли находятся в поле зрения. В это время ему также запрещены какие бы то ни было сношения с местными жителями; это ограничение распространяется и на его свиту, которая должна оставаться рядом с ним. В прочих случаях все, что касается его людей, находится в ведении губернатора и адмирала.

Генерал будет уведомлен о том, что за любой попыткой бегства последует принудительное заключение, а его свите недвусмысленно объяснят, что в случае заговора с целью осуществления этого замысла они будут разлучены со своим господином и взяты под стражу.

Все письма, адресованные генералу и членам его свиты, должны передаваться адмиралу и губернатору, которые будут читать их, прежде чем разрешить вручить их адресату. Таким же образом будут поступать с письмами генерала и его спутников**.

Письма, прибывающие на Святую Елену не через государственного секретаря, могут быть вручены генералу лишь в том случае, если они написаны лицом, живущим на острове.

Генерал будет уведомлен о том, что губернатору и адмиралу приказано информировать правительство

---

* Уилкс с серьезным видом уточняет, что основной причиной установления строгого режима была склонность британцев к гуманности и человеколюбию.

** Сначала корреспонденция досматривалась в Лондоне государственным секретарем по делам Войны и Колоний лордом Батхэрстом, а затем — на Святой Елене, и иногда снимались копии. Это имело следствием значительные и тягостные для французов задержки: они получали письма через три или четыре месяца после их отправления.

Его Величества о пожеланиях и жалобах, кои он захочет высказать; для передачи оных не требуется соблюдения никаких особых предосторожностей. Документ, в коем излагается его желание или жалоба, будет вручен им в незапечатанном виде, так что они смогут совместно ознакомиться с ним, сопроводив его необходимыми с их точки зрения замечаниями.

Вплоть до прибытия нового губернатора адмирал несет полную ответственность за личность генерала Буонапарте, и Его Величество не сомневается в готовности нынешнего губернатора действовать в полном с ним согласии».

Разделение власти между адмиралом и губернатором Уилксом выглядит странным и наводит на размышления: похоже, речь шла не о том, чтобы полностью подчинить одного из этих офицеров другому, а о том, чтобы намеренно избежать четкой и недвусмысленной ситуации, — прием, милый сердцу британской дипломатии. Если бы, согласно этому документу, назначен был один адмирал, то Уилкс мог бы спокойно отойти от дел, дожидаясь отставки, что было бы приятнее, чем эта странная должность тюремщика; а попытайся Уилкс сохранить хоть какую-то власть, контр-адмирал Кокбэрн тотчас сослался бы на свой более высокий ранг. Чтобы дамоклов меч наказания, и всенепременно сурового, денно и ночью грозил им обоим, лишая их сна и радости жизни, нужно было возложить ответственность на обоих, ибо, пока они старались оттеснить один другого — не говоря уже о взаимной слежке, — правительство Его Величества могло быть уверено, что эти его подданные превзойдут самих себя в усердии.

Им будет оказывать помощь начальник гарнизона полковник Бингэм, в чьем распоряжении имеется пятьдесят офицеров и семьсот человек из Индийской компании, а также войска, доставленные на остров морскими силами адмирала, то есть восемь рот пехоты и один отряд артиллерии. Таким образом, государственный преступник будет бдительнейшим образом

охраняться, а обычный вид маленького острова будет нарушен присутствием тысячи ста военных и экипажей кораблей: красные мундиры пехотинцев и синие тужурки моряков Королевского флота будут оживлять яркими пятнами привычно тусклые краски улиц и пейзажей, но пикеты, часовые на гребнях скал, на тропинках и перекрестках дорог будут напоминать о том, что речь идет не об обычном расквартировании войск, а об охране человека, о котором граф Гнейзенау, глава штаба армии Блюхера, напишет в письме к Хадсону Лоу в 1817 году: «Тысячи раз думал я об этой удивительной скале, где вы являетесь сторожем мира в Европе. От вашей бдительности и от вашей твердости зависит наша безопасность: ослабь вы хоть немного ваше пристальное наблюдение за самым хитрым негодяем в мире, и наш покой оказался бы под угрозой». Получая подобные письма — к тому же от людей столь высокого ранга, Лоу станет почитать себя историческим персонажем. Это дорого обойдется как его друзьям, так и его противникам. Гнейзенау и Европа могли наслаждаться наконец обретенным миром: адмирал Кокбэрн и полковник Уилкс усердно готовили почву для нового губернатора, который, в антракте между вступлением в поздний брак и получением знаменитого ордена Бани, вносил последние штрихи в полицейскую систему, которая делает его самым знаменитым тюремщиком в истории.

ЛОНГВУД ХАУС

*Далеко ли от поля Ватерлоо до Святой Елены?
Дорога коротка, легка; корабль скоро доставит вас туда.
Это приятное место для человека, которому
вообще-то нечего делать.*

Редьярд Киплинг

В конце ноября 1815 года пребывание в имении Бриаров, ко всеобщему удовольствию, подошло к концу. В своем деревянном домишке Наполеон страдал от жары, от близости слуг и соседей и от удаленности своих придворных. В Джеймстауне Бертраны и Монтолоны, размещенные в тесных квартирах и к тому же не имевшие никаких занятий, начали искать поводы для ссоры: дамы обзывали друг друга «шлюхами», а пребывающие в опасной праздности слуги позволяли себе чесать языки с местными жителями. Адмирал же спешил переселить всех в Лонгвуд и организовать постоянную и надежную систему наблюдения, которая позволила бы удалить из города этих неутомонных и опасных болтунов, каковыми являлись в его глазах люди из свиты Буонапарте, и запретить им любые контакты с заходящими в порт судами.

20 ноября он решает дать бал: нет ничего более естественного, ибо здесь все без ума от увеселительных прогулок и вечеров, позволяющих допоздна танцевать при свечах на террасе Замка. Океан тихо плещет под луной, молчаливые, аккуратные и почтительные китайцы, бесшумно передвигаясь, разносят напитки, стоящие на подносах с гербом Компании, музыканты в алых мундирах услаждают слух нежной музыкой, жен-

щины без устали кокетничают, а безукоризненно одетые мужчины отвечают им расшаркиваниями и поклонами.

Адъютант тотчас рассылает пригласительные билеты, и один из них адресован генералу Буонапарте, так как Кокбэрн несколькими днями ранее наивно спросил у Гурго:

— Как вы думаете, генерал придет, если я устрою бал?

Наполеон, взглянув на приглашение, пожал плечами и сухо проронил:

— Передайте билет адресату. Последний раз я слышал о нем у Пирамид и на горе Фавор.

Прочие все-таки отправились на вечер. Мужчины оделись в парадные мундиры, графини Бертран и де Монтолон блистали своими парижскими туалетами и ослепительными бриллиантами и изумрудами, сохранившимися из прошлого, которое, увы, ушло безвозвратно. Жалкое провинциальное общество немеет от царственной грации Фанни Бертран, которая всего несколько лет назад была вице-королевой Иллирии; драгоценности Альбины де Монтолон затмевают украшения, купленные в лавочке еврея Соломона. Такого рода успех имеет свою оборотную сторону, и за ужином французов не достаивают почетных мест, в то время как жену полковника Уилкса адмирал усаживает по правую от себя руку. На следующий день Гурго жалуется Наполеону, который тотчас же делает выговор своему гофмаршалу: прежде чем принимать приглашение, следовало удостовериться в том, что французам будет оказан достойный прием. Это был первый урок для тех, кто полагал, что на Святой Елене и в изгнании титулы, звания и должности при императорском дворе будут цениться так же, как в Тильзите и Вене.

Подобное обращение породило опасения относительно того, что готовило им будущее. Ждать пришлось недолго, ибо адмирал, сочтя обустройство Лонгвуд Хаус достаточно продвинутым, чтобы «генерал Буонапарте» мог туда переехать, перешел к действиям. Конечно, оставалось еще много сделать,

чтобы французская колония могла там достойно разместиться, но малярные и столярные работы можно продолжать и после их вселения. Когда Императору доложили, в каком состоянии находится жилище, он вышел из себя — особенно при упоминании о краске, запах которой он не переносил, и круглосуточном стуке молотков. Наполеон стал говорить о неудобствах, коими чреват сей поспешный переезд. Но Кокбэрн был не из тех, на кого действуют слова: генерал обязан исполнять приказание, а если он не желает подчиняться, то в имение Бриаров будет прислан отряд в сто человек, который встанет лагерем у него под носом. Уязвленный Император назначил переезд на 10 декабря, воскресенье. Адмирал, несколько смущенный, появился около двух часов. Его встретили учтиво, без малейшего признака враждебности, и прежде чем сесть в седло, Наполеон пошел попрощаться со своими хозяевами. Он вручил Балькомбу золотую шкатулку со своим императорским вензелем и пригласил его приезжать в гости в Лонгвуд вместе со всем семейством. Бетси расплакалась. Стоя у окна, она смотрела, как удаляется маленький кортеж.

— Вы будете навещать меня в Лонгвуде, мисс Бетси, — утешил ее Наполеон.

В три часа Маршан, который выехал раньше своего господина, услышал дробь барабанов кордегардии, приветствовавшей всадников. Адмирал услужливо помог Императору сойти с лошади, а затем любезно показал ему приготовленное для него жилище. Пролог трагедии был сыгран; декорациями следующих актов станут этот плоский, унылый пейзаж и тесный дом, которому суждено будет войти в историю. Любопытство путешественников, стихи поэтов, озлобленность дворов, яростное сопротивление изгнанника, не желающего позволить похоронить себя заживо, сделают знаменитым это место, и два эти слова — Лонгвуд Хаус — войдут в череду побед и достопамятных мест Империи и станут символом одновременно величия и падения, легендой величайшего из людей Нового времени.

Обстановка

Странное здание, построенное без определенного плана, которое нельзя назвать ни красивым, ни откровенно уродливым, одним словом, дом, наилучшим образом подходящий для тюрьмы, который, однако, не осмеливаются называть этим именем. Комнаты, предназначенные для Императора, расположены со стороны фасада и, стало быть, находятся под наблюдением британцев; по периметру грязного двора стоят сараи, которые будут служить буфетной, кухней, бельевой и помещением для хранения серебряной посуды, откуда слуги — французские и английские — смогут наблюдать за тем, что происходит у «генерала»; наконец, в стороне находятся строения, где разместится «семья», то есть Монтолоны, Лас Казы, Гурго, а позже — священники Буонавита и Виньяли и врачи — О'Мира и Антомарки. Это не считая надзирающего английского офицера, невидимого, но постоянно присутствующего.

В дом, точнее в личные апартаменты Наполеона, ведет перекрытое круглым навесом крыльцо в несколько ступенек; дальше находится бильярдная, просторная и хорошо освещенная продолговатая комната, стены и потолок которой были наскоро обшиты деревом плотниками с «Нортумберленда». Следующая комната — гостиная, довольно скромных размеров, с красивым камином из черного камня, близ которого Наполеон, со шляпой под мышкой, стоя принимает британцев, дабы не позволить им бесцеремонно усестя в его присутствии, что было бы ему в высшей степени неприятно. Здесь, лежа на стоящем между двух окон ложе, под портретом Римского короля, в присутствии безграмотных лекарей 5 мая 1821 года в исполненной величия бедности и библейском одиночестве завершит он свой фантастический земной путь и будет предан земле чужими руками. Третья комната, куда тусклый свет проникает лишь через балконную дверь, будет столовой; двери из нее ведут в два кабинета, которые станут спальнями, и в крошечный коридор, который переделают в ванную комнату. Мебель, в спешке собранная со всего острова, выглядит до крайности убого,

а когда Лондон наконец-то придет для замены мебели достойного качества, Хадсон Лоу и его помощники бесстыдно присвоят себе все, что придется им по вкусу.

Другое крыло дома — одна большая комната и несколько кабинетов, прежде чем стать библиотекой, будут отданы Монтолонам. Лас Каз и его сын должны довольствоваться чердачной комнатой над кухней, куда надо карабкаться по крутой лестнице. Гофмаршал, возмущенный теснотой и неудобством этого жилья, предпочел поселиться в двух километрах отсюда в Хатс Гейт — уютном в зелени колониальном доме; там он сможет с горечью вспоминать о том, какие обеды устраивал он от имени Императора и короля в Париже: эти обеды, которые посещали все знатнейшие и достойнейшие лица Империи, обходились казне в два миллиона в год.

Окружение

После отречения, пребывания в Мальмезоне, беспорядочно стремительного бегства на запад в направлении Рошфора, унижительной сдачи англичанам и изнурительного плавания на «Нортумберленде» под одной крышей объединились наконец все те, кто из преданности или корысти согласился разделить с Императором тяготы изгнания. Чтобы лучше понять, какие повседневные испытания сулило пребывание на этой странной скале, нелишне будет бегло перелистать позолоченный альбом их бытия с того момента, когда в холодный вечер месяца брюмер звезда Наполеона засияла среди туч, затянувших небо над Сен-Клу.

С 1807 года генерал Бертран является адъютантом Императора, каковая обязанность как нельзя лучше подходит этому высокому беррийцу, выпускнику Военной школы, не столько умному, сколько исполненному всяческих сведений. Затем он становится кавалером ордена Почетного легиона, губернатором Иллирийских провинций Империи, командующим корпусом в Великой Армии, а после смерти Дюрока назначается на почетную должность обер-гофмаршала дворца. Облаченный в сверкающий мундир (сейчас уже поблек-

ший, он выставлен в витрине его прекрасного дома в Шатору), он управляет официальными банкетами, раздает милости, тратит, не считая, и живет рядом с государем в самом Тюильрийском дворце. Он еще молод — ему лишь сорок два года, — но он сутулится и уже не выглядит высоким, слегка лысоват, держится скромно и незаметно. В нем человек, рожденный для военной науки, умеющий находить гениальные технические решения, берет верх над солдатом; он лучший военный инженер в Европе, уверяет Наполеон, а доброта и преданность берут в нем верх над политическим чутьем.

Его жена Фанни, урожденная Диллон, происходит из семьи ирландских католиков, очень предприимчивых и влиятельных в Англии. Ее отец в пору Революции стал служить Франции и погиб во время Террора; его сестра вышла замуж за префекта Империи Ла Тур дю Пэна, а с 1815 года перешла в стан роялистов. Но главное достоинство Диллонов заключалось в их отдаленном родстве с семьей императрицы Жозефины, что давало им некоторое влияние при дворе. Фанни была высокого роста, элегантна, а украшавший ее лицо крупный нос свидетельствовал о сильном характере или о принадлежности к хорошему роду; при помощи ума, воли или обычных слез она командует мужем, которого ей выбрал Император и которому, как говорят, она предпочла бы принца или герцога. Облаченная в придворный туалет, она обретает величественность королевы, а воспоминания о годах, прожитых в Иллирии, о празднествах, приемах, о вице-королевском экипаже, запряженном шестеркой лошадей, делают еще более горьким ее пребывание на Святой Елене*.

Тридцатидвухлетний Шарль-Тристан де Монтолон учился некогда в богатом пансионе вместе с Жеромом и Луи Бонапартами и с Евгением Богарнэ, благодаря которому ему удалось попасть в близкое окружение

---

* Однажды графиня Фанни в сопровождении Лас Каза отправилась к Балькомбам. Когда они возвращались в Лонгвуд, лошади не смогли одолеть крутой подъем, и ей пришлось выйти из кареты и пройти пешком, в парадном туалете, шесть километров под палящим солнцем. Как тут не вспомнить о великолепных экипажах в Тюильри!

новой императрицы. Его военная карьера сложилась не так гладко и не так успешно, как у Бертрана. В двадцать шесть лет полковник в штабе Бертъе, где было полно таких щеголей, ненавистных Наполеону, он оставляет службу «по причине здоровья» и в 1809 году добивается назначения камергером Жозефины; принимая во внимание его характер, его бешеное честолюбие, его граничащую с ленью беспечность, вполне можно предположить, что бивакам он предпочитает прихожие и будуары, ибо сие позволяет приблизиться к тем, кто в данный момент обладает властью и влиянием. Действительно, вот он уже посланник Франции в Вюрцбурге, и похоже, его ждет дальнейшее возвышение, но его увлечение некой хорошенькой особой оказывается непростительным прегрешением в глазах Императора. Он тайно вступает в брак с дважды разведенной прелестной Альбиной, но наказание следует незамедлительно: Монтолона отзывают и он лишается своей великолепной должности*. Почетные обязанности, возложенные на него Его Величеством, несовместимы с этим поспешным браком, плоды коего к тому же появляются на свет слишком рано. Во время вторжения Союзных войск Монтолон, командовавший в качестве полковника Луарским корпусом волонтеров, тотчас начинает бомбардировать Бурбонов прошениями, напоминая о долгой и верной службе Семонвилей — своей родни со стороны тестя, — и получает чин бригадного генерала. Узнав о возвращении Наполеона с острова Эльба, он, как и многие другие, вновь стал служить ему в мундире камергера и был произведен в генералы в июне 1815 года *in extremis*. Не исключено, что присоединение к «Узурпатору» было, увы, не совсем бескорыстным. В пору Реставрации властям пришлось расследовать обстоятельства исчезновения некоторых денежных фондов в Пюи-дю-Дом, куда вышеупомянутый Монтолон

---

* Его любовные письма к той, что была тогда Альбиной Роже, были выставлены на продажу в 1981 году. Они свидетельствуют о бурной страсти. «До встречи с тобой я не знал, что можно найти счастье вдали от толпы. Хижина бедняка с тобой и Наполеоном мне милее, чем дворец вдали от вас обоих».

бежал, оставив в момент приближения врагов свой департамент Луара. Опорочивать своих политических противников — дело обычное, и Реставрация не брезговала этим средством. Произведенный в генералы незадолго до Ватерлоо, Монтолон не мог отрицать своего участия в Ста днях, а потому настоятельно просил включить его в число сопровождающих Императора на Святую Елену и получил на то согласие. Его общество было приятно Наполеону, который, питая некоторую слабость к старинному дворянству, сделал его тестя маркиза де Монтолон-Семонвиль, заядлого интригана, графом Империи. Элегантный, холеный, довольно высокого роста, с вьющимися волосами, он был красив несколько слащавой красотой; он обладал приятными манерами, однако мнения свои выражал с некоторым высокомерием, в коем было нечто от прежней Франции. Этим он вызвал раздражение англичан, сразу же прозвавших его *Veritas*.

Альбина-Элен де Монтолон является одним из самых любопытных персонажей в Лонгвуде хотя бы потому, что ходили упорные слухи о ее близости с Наполеоном. Она происходила из семьи Вассаль или Ле Вассаль, получившей дворянство при Людовике XVI. Альбина была замужем сначала за неким господином Биньоном, затем за бароном Роже, и с момента ее развода прошло всего несколько дней, когда она встретила Монтолону. Это была любовь с первого взгляда, и какой-то мэр, неосведомленный или снисходительный, совершил обряд бракосочетания, так что, несмотря на нарушение всех правил, даже Наполеон не мог объявить этот брак недействительным. На портретах молодой графини мы видим приветливую, изящную, веселую женщину, лукавую и кокетливую, возможно, чуть-чуть легкомысленную. В разношерстное, порой унылое лонгвудское общество она вносит дуновение свежести, жизнерадостности и готовности исполнять капризы хозяина дома. Она неплохо поет, играет на пианино и знает обожаемые Наполеоном итальянские арии, которые он сам часто напевает, безбожно фальшивя. А потому все делают вид, что восхищаются ею, даже когда она выказывает свое полное невежество.

— Будет вам сердиться, — улыбается Наполеон, — вы же не в Сорбонне.

— Чем ближе оказываешься к суверену, тем больше начинаешь любить республику, — шепчет она на ухо Гурго.

Апартаменты, отведенные супружеской паре, отделены от императорских только буфетной, а парк у них общий; поэтому когда Наполеон прогуливается под деревьями или идет в конюшни, он останавливается, чтобы перекинуться несколькими словами с графиней или поиграть с детьми. Отсюда, вероятно, и то предположение, которое он оказывает этой чете по сравнению с Бертранами, решившими поселиться отдельно в Хатс Гейт.

Третий офицер, генерал Гурго, гордо носит синий мундир ординарца Императора. Когда-то ему было поручено доставить английскому принцу-регенту знаменитое письмо: «Я, как Фемистокл, пришел, чтобы занять место у очага британского народа». С тех пор он мечтает играть первую роль при дворе низверженного монарха. Слова эти могли бы сойти за шутку, ибо известно, что семья Гурго состояла в родстве с Дюгазонами, которые в театральном мире оставили свою фамилию сценическому амплуа*. Дедушка Гурго, прославивший свое семейство на подмостках, был жизнерадостным марсельцем; трое из его сыновей стали актерами, а младший, отец нашего генерала, был королевским скрипачом. Генерал Гурго вырвался из этой шумной среды, поступил в Политехническую школу и стал служить в артиллерии, коей Император обязан славным началом своей карьеры. Пройдя Аустерлиц и Сарагосу, он стал, наконец, в 1809 году офицером-порученцем. Снедаемый честолюбием и желанием отличиться, он плел бесконечные интриги, чтобы приблизиться к государю, который, как он полагал, не сможет не заметить красивого офицера с несколько театральными манерами и при этом отчаянно храброго. Гурго достиг своей цели,

---

* Дюгазон, Луиза-Розали — актриса и певица в Комической опере. Она дала свое имя двум сценическим амплуа: «дюгазоны» (молодые возлюбленные) и «матери дюгазоны» (молодые матери). (Прим. пер.)

когда в служебной записке был с весьма лестной характеристикой рекомендован на возделенную должность: «Образован и талантлив, хорошо воевал, наблюдателен и способен дать отчет об увиденном, умеет рисовать, говорит по-испански и по-немецки». Он последовал за армией и Императором в Россию, был ранен под Смоленском, первым вошел в Кремль, обнаружил спрятанную там русскими бомбу и, наконец, стал бароном Империи. После поражения, во время мучительного отступления, он преодолевает вплавь Березину, спасает, как он говорит, жизнь своему государю, окруженному казаками, и получает созданную специально для него должность офицера по поручениям. В марте 1814 года он удостоивается эполет полковника и ленты командора ордена Почетного легиона. Освобожденный от своей должности после церемонии прощания в Фонтенбло, он, как множество других, присоединяется к Бурбонам. Людовик XVIII делает его кавалером ордена Святого Людовика, из-за чего он не был принят в Тюильри, когда явился туда после возвращения Наполеона с острова Эльба. По-прежнему склонный к театральным жестам, легко переходя от дерзкого бахвальства к унынию, Гурго настаивает, бушует, впадает в ярость, плачет — он плачет часто — и угрожает покончить с собой под окнами Императора, который в конце концов уступает и возвращает ему его должности. Он участвует в военных действиях в Бельгии и получает чин бригадного генерала 21 июня 1815 года за несколько часов до отречения Наполеона. Его судьба, как и судьба генерала де Монтолона, неотделима от судьбы низвергнутого Императора не только потому, что во второй раз вернуться к Бурбонам уже невозможно, но еще и потому, что в новой ситуации он видит средство еще более приблизиться к этому необыкновенному человеку, который, даже побежденный, наполняет мир своим именем. Его чувства — это восхищение и зависть статиста к исполнителю главной роли. Чувство это так сильно и так демонстративно, что в конце концов начинает докучать Наполеону.

— Я же ему не жена, — кричит он как-то выведенный из себя, — и не могу с ним спать!

Гурго, однако, не может избавиться от привычки твердить одно и то же и сохранять уверенность в истинности того, что он в данный момент говорит; и обида его усугубляется тем, что вновь прибывшие оттесняют его от государя, его, прослужившего пять лет в генеральном штабе! Темперамента импульсивного и сангвинического, он с трудом переносит вынужденное воздержание и, не имея в качестве развлечения ни радостей семейной жизни, ни семейных ссор, он хотел бы полностью принадлежать Императору и чтобы Император принадлежал ему одному. Он вызывает раздражение тем, что постоянно выставляет напоказ свои заслуги и свои таланты, а потому в момент разрыва выведенный из себя Наполеон не делает ничего, чтобы удержать близ себя одного из своих старейших и самых преданных спутников.

Граф де Лас Каз, четвертый из главных действующих лиц, — личность совсем иного склада: у него ампула наперсника, Брута в расиновской трагедии, человека, который умеет слушать, одобрять, побуждать к разговору, умело заставляя забывать о своем присутствии. По сравнению со своими коллегами, любителями поговорить, а иногда и похвастаться, Мари-Жозеф-Эмманюэль-Огюст-Дьёдонне де Лас Каз, сын маркиза де Лас Каз, сеньора Коссада, Пюилорана, Ламота и Дурна, со своими мягкими манерами, маленьким ростом, сутулой спиной, близорукостью и обликом мелкопоместного провинциального дворянина, выглядит довольно скромно среди этих рубак и артиллеристов. Он был капитан-лейтенантом, когда началась Революция; не поддавшись очарованию новых идей, он последовал за законными принцами; когда роялистская армия была распущена, он оказался без средств к существованию в Лондоне, тогдашнем средоточии политической эмиграции, и чтобы заработать себе на пропитание, был вынужден давать уроки, но при этом не прекращал заниматься изданием своего «Исторического, генеалогического и хронологического атласа». Вернувшись во Францию в 1802 году, он стал служить Империи, заявил о желании получить орден Почетного легиона, в коем ему было отказано из-за того, что в Лондоне он получил

из рук герцога Ангулемского орден Святого Людовика. В 1809 году он получил титул барона, а затем должность камергера. В рекомендательной записке дается его довольно привлекательный портрет: барон де Лас Каз, бывший морской офицер, автор «Исторического атласа», опубликованного под именем Ле Сажа; благодаря собственному состоянию и состоянию своей жены мадам де Кергариу, имеет 30 тысяч ренты; человек очень образованный и благовоспитанный, пользующийся прекрасной репутацией, он был представлен Его Величеству и долго добивался чести быть включенным в штат придворных. В 1810 году он стал камергером, потом докладчиком в Государственном совете, исполнял различные обязанности, в том числе и в Национальной гвардии; перед катастрофой 1814 года стал капитаном первого ранга и государственным советником. По возвращении Наполеона с острова Эльба он вновь становится камергером и сопровождает Императора из Елисейского дворца до острова Экс в своем великолепном мундире морского офицера и просит о награждении орденом, даруемым храбрецам, которого он так страстно желает. Просьба его, наконец, удовлетворяется, и он настоятельно требует разрешить ему сопровождать Императора в изгнание.

— Вы знаете, куда это может вас завести? — спрашивает Наполеон.

— Сир, я не делал никаких расчетов, но мое самое пылкое желание будет удовлетворено, если вы согласитесь на мою просьбу.

Преданных людей становится все меньше, а потому Наполеону нравится эта решимость, и он дает свое согласие. Лас Каз, взяв с собой некоторое количество денег, прощается с женой, помещает своего сына в лицей и присоединяется к ожидающим отплытия в Рошфоре.

Он родился в 1766 году и является старейшиной французов на Святой Елене. Начиная с 1815 года историки пытаются понять, что побудило этого пятидесятилетнего человека последовать за свергнутым с престола монархом, оставив семью, карьеру, родину и будущее: ведь он был так мало замешан в событиях

Ста дней, что вполне мог рассчитывать на благосклонность Бурбонов. Будет ли когда-либо найден точный ответ на этот вопрос? Сам Лас Каз был весьма сдержан в объяснении причин своего неожиданного решения и лишь весьма туманно сказал о нем в предисловии к первому изданию своего знаменитого «Мемориала Святой Елены» в 1822 году: «В силу самых необыкновенных обстоятельств я долгое время находился рядом с самым необыкновенным человеком, какого только можно сыскать в истории. Восхищение побудило меня последовать за ним, не зная его; а узнав его, я готов был остаться при нем навсегда». Все это литература, слова, выдуманнные писателем, удачные, но туманные, в коих нет и намека на правдоподобное объяснение. Так что остается судить о человеке по имеющимся фактам и, глядя на его портрет, пытаться понять его. Известно, что он был маленького роста, и один британский писатель прав, утверждая, как хороший психолог, что Лас Каз в своем «камергерстве» дошел до того, что стал меньше ростом, чем его государь. Он скорее худощав, у него длинное, узкое лицо, на котором выделяется словно постоянно что-то вынюхивающий нос, а седые бубли не скрывают широкого лба. Что из этого следует? А то, что другие спутники Императора упорно именуют его «Иезуитом»; что то усердие, с коим он ведет свой дневник и, несмотря на удручающие условия жизни, заставляет своего сына Эмманюэля перебеливать свои записи, позволяет назвать его «монахом в миру»; что под серьезной маской скрывается дальновидный делец, желающий поскорее извлечь выгоду из своего *бестселлера*. Он хочет получить как можно больше от своего изгнания, продлившегося лишь тринадцать месяцев. Этим и объясняется его стремление к регулярным рабочим встречам, разговорам и записям под диктовку и его умение составлять почти стенографические отчеты, которые профессор Дюнан назвал «шедевром организованного энтузиазма». Арестованный за намерение вести тайную переписку и заключенный в тюрьму на Святой Елене, прежде чем быть отправленным в Кейптаун, а затем в Европу, Лас Каз озабочен прежде всего тем, чтобы любой ценой сохранить

драгоценную рукопись, а потому шлет Хадсону Лоу одно письмо за другим: «Попад в западную, устроенную, по всей видимости, моим лакеем, я был похищен из Лонгвуда, а на все мои бумаги был наложен арест». Вне всякого сомнения 900 страниц, терпеливо переписанных юным Эмманюэлем и представляющих собой черновик «Мемориала», являются самым ценным достоянием маленького камергера, поскольку прежде всего он пишет о них и лишь потом возмущается способом, избранным для своего ареста и высылки с острова.

А это значит, что он последовал за Императором на Святую Елену прежде всего как литератор. Более тщательное расследование подтвердило бы это, но побудительные мотивы отнюдь не являются неизменными, ибо если «Мемориал» принес его автору известность и благосостояние, то одновременно он пробудил к несчастью и изгнанию Наполеона интерес, еще не совсем угасший к моменту публикации книги: ее будут читать в городах и деревнях, во дворцах иностранных государей и в хижинах, и повсюду, благодаря удивительному дару Лас Каза как бы растворяться в тени своего гениального собеседника, будет слышен громовой голос бывшего владыки Европы, как если бы, чудом преодолев огромное расстояние, читатель оказался в замкнутом пространстве Лонгвуда.

Для всех прочих он — «Иезуит», или же, из-за своей всегдашней готовности слушать, «Экстаз». Но для Наполеона этот бывший камергер, уравновешенный и серьезный, образованный и сдержанный, — лучший из собеседников, ибо он мгновенно схватывает не только мысль, но даже и намеки; человек кабинетный и привычный к работе с документами, он отличается большим усердием, переводит английские газеты и толково рассуждает о морских делах, коими занимался в Государственном совете. А кроме того, есть дневник, о существовании которого Наполеон знает от одного из лакеев, иногда переписывающего его по вечерам при свечах. Но кто же в Лонгвуде не ведет дневник? Чем больше их будет опубликовано, тем больший интерес это вызовет; очевидно, Наполеон намеренно распределил свои исторические занятия следующим обра-

зом: с военными он занят своим мемуарами и опытами о Цезаре, Ганнибале, Карле XII и прочих великих полководцах и, конечно, о собственных военных кампаниях; о политических делах своего царствования он говорит с одним лишь Лас Казом, который, несмотря на яростную критику историков, черпающих сведения исключительно из записок Бертрана, Гурго и Монтолона, остается самым серьезным свидетелем последних лет Императора.

Лонгвудские слуги, или, как их еще называют, «прислуга», заслуживают того, чтобы поговорить о них подробнее, так как в этом доме, где все живут попеременно, как на биваке, они находятся в тесном контакте со своим господином. В пору всемогущества Наполеона они были лишь незаметными статистами, занимавшими специально отведенные для них апартаменты; теперь же, на Святой Елене, они становятся кто наперсником, кто тайным осведомителем, кто собеседником, кто переписчиком, и кое-кто из них позже не без таланта расскажет об этом в своих подробных дневниковых записях.

Луи Маршан — первый камердинер его величества. Он родился в 1791 году в Париже, а с 1811 года стал слугой во внутренних апартаментах, в то время как его мать нянчила Римского короля. Он видел роскошь двора, великолепие путешествия Наполеона и Марии-Луизы в Голландию и смятение, охватившее всех после отречения; а после измены Констана, первого камергера и первого перебежчика, он получил назначение на вожденную должность. На острове Эльба он сумел своей скромностью, усердием, терпением и умом завоевать уважение и доверенность Императора. Во время Ста дней и последовавших за ними тяжких испытаний он не изменил себе и служил Императору на мрачных дорогах изгнания с такой же почтительной преданностью, как и среди роскоши Тюильрийского дворца. Лишь благодаря ему в багаже Наполеона оказалось все, что обеспечит материальные удобства жизни изгнанника, которому необходимо поддерживать свой статус. Без Маршана ему, возможно, пришлось бы носить рубашки, выданные англичанами. В 1815 году Мар-

шану всего двадцать четыре года; с портрета на нас смотрит молодой человек с тонкими и благородными чертами лица, веселыми глазами и шапкой вьющихся волос. При Наполеоне он в известной степени представляет этот «столь любимый» народ, преданный и готовый на жертву, и одновременно — молодое поколение, предмет пристального внимания и забот имперского правительства. Обычно говорят, что для камердинера великий человек никогда не бывает великим, но вряд ли сыщется человек, более доступный и простой, чем Наполеон на Святой Елене. Могущество и слава остались позади, и не за горами время тяжелых испытаний, когда герой на своем ложе становится сначала больным, потом умирающим, и его нужно переодевать, переворачивать, мыть и брить, не говоря уже о более неприятных подробностях. Сколько любви и терпения понадобится Маршану, когда невежественные лекари будут назначать клистиры, прижигания, рвотное, ртутные соли, морские и ножные ванны, растирания и горячие салфетки. Наполеон оценит и прославит эту смиренную преданность одной фразой в своем завещании: «Услуги, оказанные мне Маршаном, это услуги друга». И молодой лакей удостоится великой чести, коей не удостоивался ни один человек, носивший ливрею: он станет вместе с двумя генералами, Бертраном и Монтолоном, исполнителем последней воли монарха.

Луи-Этьен Сен-Дени, именуемый Али, родился в Версале в семье служителя еще королевского режима, получил хорошее образование в конторе нотариуса, затем поступил на службу к Императору в качестве стремянного при торжественных выездах. Он принимал участие в военных кампаниях в Испании и в Германии и, как и Маршан, сопровождал их величества во время торжественного путешествия в Голландию, имевшего место сразу же после бракосочетания. В 1811 году Наполеон пожелал иметь при себе второго мамелюка — тот, кого он привез из Египта, был удален по причине его дурного нрава, — и Сен-Дени, облаченный в восточный костюм, получил новое имя Али. В военных походах он всегда имел при себе атрибуты своей должности — подзорную трубу и водку; но на Святой Елене благовоспитанность, сдер-

жанность и скромность приблизили его к Императору, и он был произведен в библиотекари. Закончив работу в апартаментах и классификацию книг, он иногда занимается перепиской то для одних, то для других (ибо в Лонгвуде пишут много), или же перебеливает надиктованное Императором, либо протесты, адресованные губернатору, либо записки, которые хотят преправить за границу и которые нужно писать микроскопическими буквами на маленьких клочках бумаги или ткани. Все книги Лонгвудской библиотеки имеют сделанную рукой Али бесценную пометку «Император Наполеон» и печать.

Чиприани Франчески, именуемый просто Чиприани, остается большой загадкой среди этого низшего персонала. Корсиканец, свойственник — в римском смысле этого слова — семьи Бонапарта; его жена и дочь служат в Риме у кардинала Феш и матери Наполеона, а сам он фанатически предан Императору. Его бурная карьера привела его в окружение Саличети в момент осады Капри; а в английских войсках служил в ту пору офицер по имени Хадсон Лоу, занятый по преимуществу разведывательной деятельностью. Одно время Чиприани занимался проблемами каботажного плавания в Средиземном море, а затем присоединился к Наполеону на острове Эльба и был отправлен с секретным поручением в Вену, когда там проходил Конгресс. Безусловно, он не являлся ни опасным шпионом, ни серьезным агентом; он был просто весьма хитрым человеком и любителем выпить, умел говорить и заставить говорить других; он устроил на Святой Елене разведывательную контору, причинявшую немало неприятностей британским властям; он умел потешаться над следящими за ним соглядатаями и даже одурачивать их и, возможно, перешел границы дозволенного, что и объясняет его жестокую кончину в 1818 году. Он умер за несколько дней от чудовищных болей в желудке, вызванных якобы перитонитом, хотя все это гораздо больше напоминало отравление каким-то ядом. Чтобы выяснить причины этой смерти, нужно было бы эксгумировать его останки, но его могилы, стоившей Императору чуть ли не состояния, более не существует, в то

время как на кладбище Плантейшн Хаус имеется множество захоронений того же времени. В довершение остается добавить, что этот беспокойный человек был по душе британцам. Лорд Батхэрст рекомендовал его Лоу, а тот нередко хвалил его и сокрушался после его смерти:

— Как найти ему замену?

Остальные слуги играют гораздо менее заметную роль: швейцарец Новерра исполняет различные обязанности в апартаментах; Пьеррон, брат шеф-повара Меттерниха, — эконоом; оба брата Аршамбо служат в конюшнях; Руссо ведает серебряной посудой; Джентилини, по которому сходят с ума англичанки, — выездной лакей с Эльбы и, наконец, Сантини, постельничий, маленький человечек, который умеет делать все — стричь волосы, чинить обувь — и который мечтает пристрелить Лоу как зловредное животное.

Разместить всех этих людей в строении («конуре», — шутит Наполеон) весьма скромных размеров совсем непросто. Император занимает самые удобные комнаты — прихожую, гостиную, столовую, две спальни, библиотеку и ванную. По окончании строительства новых зданий Монтолоны получают две большие комнаты. У Гурго есть спальня и кабинет с удручающе убогой мебелью: кровать, софа, умывальник и семь стульев. В довершение неприятностей говорят, что в этом крыле дома живет привидение, которое спокойно прогуливается по ночам и пугает Альбину де Монтолон. Поначалу Лас Каз и его сын должны взбираться по лестнице в отведенные им две комнатенки над кухней; затем их перемещают в южное крыло на первый этаж, но в самую нездоровую часть здания, открытую ветрам и дождям и насквозь пропитанную сыростью. Слуги живут в еще худших условиях: им отведена низкая, мрачная, как тюрьма, мансарда, где летом задыхаешься от жары, а зимой дрожишь от холода, где невозможно выпрямиться во весь рост и где перегородки сделаны из простых досок. «В коридоре потолок образовывали почерневшие стропила кровли, скрытые густой паутиной, клочья которой падали нам на голову, — записывает Али. — Все это помещение было омерзительно».

Комната Маршана расположена над спальней его господина, на западной стороне, а комната Новерра — на восточной стороне, над библиотекой; другие спят в некотором подобии сот, наскоро сделанных матрасами Кокбэрна, напоминающих корабельные каюты, куда свет проникает через слуховые оконца. По периметру внутреннего двора расположены служебные строения: помещение для хранения посуды, буфетная, бельевая и кухня, оборудованная жалкой чадящей плитой.

Кокбэрн с серьезным видом объявил этот дом не менее прекрасным, чем Сен-Клу. Однако Бертраны, с кислой миной осмотрев его, предпочли поселиться в двух километрах отсюда, в Хатс Гейт, в простом одноэтажном коттедже с верандой, что давало им бесценную возможность пользоваться независимостью и уединением.

Уязвленный этим решением Наполеон сухо ответил пришедшему с объяснениями Бертрану: «Как вам будет угодно; впрочем, Монтолон остается со мной».

Обустроившись, наконец, в этой новой и последней императорской резиденции, Наполеон тотчас же заводит такой же порядок, как если бы он находился на биваке где-нибудь в Польше или в Испании. Ему нужно незамедлительно утвердить себя в качестве монарха, хотя англичане упорно отказывают ему в этом, именуя его «генерал Буонапарте» или «сэр» и лишь изредка снисходя до обращения «Сиятельство»; а в момент крайнего недовольства Кокбэрн даже осмелится в ответ на ноту протеста французов сказать: «Вы меня вынуждаете официально заявить вам, что мне неизвестно ни о пребывании на этом острове императора, ни о том, что человек, имеющий этот ранг, прибыл, как вы это утверждаете, одновременно со мной на “Нортумберленде”». Кокбэрн даже потребует от посетителей, направляющихся в Лонгвуд, дать честное слово, что они будут обращаться к знаменитому изгнаннику как к обычному генералу. Наполеон же, как и следовало ожидать, утверждает нечто совершенно противоположное. Действительно, он отрекся от короны Франции и больше не является «Наполеоном, Импера-

тором французов», но он есть и останется «Императором Наполеоном», ибо титул сей был дарован ему народом и освящен во время коронации благословением римского понтифика. Пленник союзных держав, которые обращаются с ним как с мятежным генералом, он хочет утвердить в глазах британцев — помешанных на титулах или даже на видимости таковых — и в глазах всего мира некое подобие придворного церемониала. Это касается и внутреннего распорядка. Когда Гурго встает при появлении в гостиной мадам де Монтолон, он тут же сухо одергивает его: в его присутствии не следует вставать ни для кого из входящих. В подобном поведении многие увидели просто манию величия, но подобное мнение свидетельствует лишь о непонимании того, что представляет собой замкнутое и праздное общество, такое, как белое население на Святой Елене. В одной из следующих глав пойдет речь о британском населении острова; именно из-за него, из-за того интереса, который оно питает ко всему, что происходит в Лонгвуде, где живет, как ему известно, человек, диктовавший свою волю Европе, именно из-за него делает он все это: устанавливает придворный этикет, приказывает слугам носить императорскую ливрею, а генералам являться к нему облаченными в мундиры; так что вскоре те, что получают приглашение или удостоиваются аудиенции, становятся предметом зависти. Наполеон, которому это конечно же известно, убежден, что обезоружить врага — значит победить его, и что нужно любой ценой установить контакты с местным обществом, дабы защитить себя от произвола своих тюремщиков. Кроме того, этот тщательно разработанный церемониал тотчас ставит преграду как возможным проявлениям фамильярности со стороны британцев, так и попыткам французов незаметно перейти к неприкрытым отношениям военного лагеря.

Бертрана, обладателя высшего придворного чина, слуги, равно как и прочие придворные, будут именовать *Монсеньор*, ибо он сохранил титул обер-гофмаршала. Поскольку он не живет постоянно в Лонгвуде, то Монтолону даны полномочия действовать от его имени и распоряжаться хозяйственными делами; в глазах анг-

личан он является чем-то вроде *Lord Chamberlain*, оберкамергера. В ведении Гурго находятся конюшни, где стоят десяток сонных лошадей и находящаяся в ведении братьев Аршамбо карета; эти умелые возницы с бешеной скоростью мчатся по узкой и извилистой дороге, ведущей от Лонгвуда к Хатс Гейт, по которой Наполеон ездит к Бертранам; но обычно прогулки ограничиваются простирающимся за домом эвкалиптовым лесом. На Лас Каза возлагается ответственность за движимое имущество, являющееся достоянием Британской короны и переданное в пользование изгнанникам британским правительством; Маршан распоряжается личным имуществом Императора, но эта синекюра ему не по вкусу, и он охотно уступает ее Монтолону, который мечтает сосредоточить в своих руках все должности.

Чиприани под наблюдением Монтолона отвечает в качестве дворецкого за съестные припасы. С британской стороны Балькомб берет на себя организацию и реальное руководство снабжением, что является весьма неблагоприятной обязанностью на этом острове, где ощущается нехватка практически всего. Несколько английских матросов, наряженных в зеленую с золотом императорскую ливрею, с согласия адмирала помогают слугам и работают в конюшнях, на кухне и в буфетной; они получают 40 фунтов стерлингов в год и ливрею. Дени и Новерра обязаны нести дежурство и раз в два дня проводить ночь в крохотной прихожей перед ванной комнатой Императора; по первому звонку они должны спешить исполнить приказания последнего. Сантини дежурит днем в столовой и обязан открывать дверь, когда Император или генералы проходят через эту комнату в кабинет или гостиную. Джентилини, красавец с острова Эльба, отвечает только за сервировку стола.

Утром 11 декабря 1815 года Наполеон вместе с Гурго совершает осмотр окрестностей Лонгвуд Хаус, своего рода объезд владений, где в пределах двенадцатимильной ограды он может передвигаться без сопровождения британского офицера. Однако эта независимость и свобода весьма относительны, так как на гребнях хол-

мов и вдоль дорог виднеются красные мундиры часовых 53-го полка. «Дозволенное» пространство включало в себя лишь несколько прогулочных маршрутов, быстро наскучивших Императору. Границы проходили по дороге от Лонгвуд Хаус к Хатс Гейт и по дороге от Хатс Гейт к коттеджу мисс Мейсон на южном склоне долины Рыбака. Внутри этих границ вся дичь была «заповедной», и официальным распоряжением от 20 февраля 1816 года предусматривался штраф 5 фунтов стерлингов за каждую куропатку и 20 фунтов стерлингов за каждого фазана, убитого без разрешения «генерала Буонапарте». Кто в Европе мог бы осмелиться даже заикнуться о том, что генералу не оказывают должного почтения? Наполеон конечно же имел право скакать верхом по всем дорогам и тропинкам острова, но лишь в сопровождении британского офицера; он не принял этого условия и провел почти шесть лет в Лонгвуде, так и не увидев другой части острова, самой приятной, где ему не разрешили поселиться, — если не считать двух кратких поездок в Маунт Плезант на южном берегу в 1816 и 1820 годах.

Пикеты солдат и унтер-офицеров наблюдают за дорогой, ведущей в Лонгвуд вплоть до ворот владения; вечером, с наступлением темноты, они входят в сад и занимают позиции под окнами, после чего любые контакты возможны лишь при наличии пароля и в сопровождении дежурного офицера. Зато будет приведен в рабочее состояние воздушный телеграф, установленный предшествовавшим губернатором, и пост передающих сигналы солдат, размещенный в Лонгвуде, будет обеспечивать срочную связь с Плантейшн Хаус, чтобы сообщить: «генерал Буонапарте здоров», «болен», «просит разрешения...», «вышел за пределы границ», «отсутствует в течение некоторого времени» или же «бежал». Последний сигнал, голубой флаг, так никогда и не будет поднят.

Такой жесткий надзор не оставлял ему иного выбора, как, затворившись у себя, погрузиться в работу; он так неуклонно следовал принятому решению, что британцы сочли это вызовом. На протяжении долгих лет ритм его жизни останется неизменным за исключе-

нием нескольких серьезных стычек с губернатором — во время болезни или после отъезда Лас Каза и мадам де Монтолон.

Для лейтенанта Бонапарта, для Первого консула и для Императора работа была ежедневной манной небесной, его единственной религией; его современники, его министры и генералы превозносили мощь его интеллекта, его способность одновременно диктовать нескольким секретарям, его нескончаемые заседания советов, где все уже падали от усталости, а он продолжал ходить взад и вперед, спорил и принимал решения, сохраняя ясность мысли и бодрость. На протяжении всей жизни в умственной деятельности он был также стремителен, как и в своих кампаниях и походах: он быстро диктует, на лету схватывает прочитанное, мгновенно находит решение любой задачи, «ведя в бешеном темпе оркестр фактов, — пишет Поль Валери, — и сообщая реалиям человеческой жизни головокружительную и тревожную увлекательность феерического вымысла».

Если бы он был всего лишь «гордым гением действия», как говорит Шатобриан, скука и чрезмерная полнота сделали бы еще более невыносимым изгнание, лишившее его и власти, и возможности удовлетворять свою потребность в движении. Но подобно Диоклетиану, выращивающему салат, или Цинциннату, идущему за плугом, он сумеет перейти от изнурительных трудов правления к сельской жизни, сохраняя неизменным количество часов, отведенных на занятия, исследования и размышления; пример тому его никому не нужные планы реформ и модернизации, которые он иногда набрасывает в общих чертах.

— Мы готовимся выступить в поход, — иронизирует один из переписчиков. — Его Величество преобразовывает армию!

Когда он не мечтает о перевооружении кавалерии, он с увлечением занимается вопросами орошения долины Нила или алгебраическими расчетами, перестройкой системы образования, регламентацией игр и еще сотней других проблем — от физики до истории и литературной критики. Это тоже победы — победы, одержанные над скукой!

Обустроившись, Наполеон устанавливает распорядок дня, в котором равное количество часов отводится работе, развлечениям и беседам. В шесть или семь часов он просыпается, вызывает звонком камердинера и приказывает открыть окна и ставни.

— Впусти воздух, который нам дарует Господь, — говорит он, надевая белые шерстяные брюки и стеганный халат.

Надев домашние туфли из красной кожи, он садится за круглый столик, чтобы выпить черный кофе, пока камердинер готовит все для утреннего туалета. Спартанская обстановка этой комнаты, должно быть, напоминает изгнаннику о походных палатках, в которых ему доводилось ночевать в самых различных частях Европы. В углу стоит железная кровать, служившая ему в военных походах, рядом — круглый столик красного дерева, за которым он завтракает, между окон — простой письменный стол, покрытый зеленым сукном; у камина с одной стороны диван, загороженный красивой ширмой, покрытой китайским лаком, с другой — большой несессер работы Бьеннэ, ювелира из предместья Сент-Оноре; несессер этот бросает на стены отблеск исчезнувшей роскоши. На стене и на камине — миниатюры с изображением Марии-Луизы и Римского короля, памятные безделушки, среди которых часы великого Фридриха Прусского, канделябры и курильница.

Выпив кофе, Наполеон приступает к утреннему туалету. Он всегда был и остался очень аккуратным, даже педантичным в вопросах гигиены, как впрочем, и во всем остальном. Выбрав обе щеки, он осматривает себя при другом освещении под внимательным взглядом слуги, который должен отвечать на вопросы: не осталось ли еще мест, которых не коснулась бритва, не торчат ли где-нибудь несбритые волоски? Затем он обливается над серебряным тазом, но ванну утром принимает редко. Он очень тщательно чистит зубы, опрыскивает лицо одеколоном, а торс ему растирает одеколоном лакей.

— Три сильнее, как осла, — нередко шутит он.

Эти растирания идут ему на пользу, и он часто говорит о них тем, кто допущен к его утреннему туалету.

— Бертран, вы растираете себя таким образом?

— Нет, сир.

— И зря. Это предохраняет от многих болезней.

В этот момент слуга объявляет о приходе врача. После измены своего постоянного врача Мэнго Наполеон на «Беллерофоне» согласился принять услуги тридцатитрехлетнего ирландца О'Мира, британского судового врача. Морские власти дали свое согласие на то, чтобы этот офицер стал «врачом генерала»; таким образом он остается служить в Королевском флоте, но должность эта — хоть и не бесславна, но и небезопасна. И Хадсон Лоу, и французы попытаются сделать его своим осведомителем; в конечном счете его выдворят со Святой Елены и вычеркнут из списков офицеров Королевского флота; но он забудет об этом материальном уроне, опубликовав два тома своих воспоминаний «Голос с острова Святой Елены». Эти воспоминания — первоклассный источник, который свидетельствует против Лоу в той же мере, в какой защищает Наполеона. Они дадут ему некоторое состояние и вызовут горячее одобрение многих людей, в том числе и лорда Байрона, всегда готового сражаться — даже без надежды на успех — за справедливое дело:

And the stiff surgeon who maintained his cause
Hath lost his place and gained the world applause*.

Наполеон тотчас же подвергает ирландца допросу: что делают губернатор и адмирал, что говорят на острове, какие ходят сплетни, каково общественное мнение? Обязанности врача по отношению к своему знаменитому пациенту весьма просты: здоровье его пока еще удовлетворительно, если не считать простуд, иногда случающихся болей в желудке и сенной лихорадки, тогда еще мало известной, свирепствующей на Святой Елене. Есть еще Сантини, привратник, произве-

---

* Несгибаемый врач, который защищал его, лишился своей должности, но заслужил восхищение мира.

денный в парикмахеры, который приходит исполнить свои обязанности в комнату господина, а тот подшучивает над ним по-корсикански:

— Ты что, разбойник, хочешь отрезать мне ухо?!

Сантини добросовестно исполняет свою работу, но хоть он и вкладывает в нее душу, таланта ему явно не хватает. Гравюры того времени изображают «Стриженого Малыша» — таково прозвище Наполеона — с прической, стиль коей вряд ли был последнему по вкусу. Окончив туалет, Наполеон одевается и, в зависимости от погоды, выходит на прогулку или остается дома. Запершись, чтобы диктовать своему секретарю, он облачается в халат, повязывает голову ярким платком, точно как на картине Штойбена: ворот рубашки широко расстегнут, левая рука — в кармане белых брюк, в правой руке — лист бумаги, а облаченный в мундир генерал Гурго с пером в руке старается запечатлеть на бумаге торопливую речь Императора. Работа идет либо в смежном со спальней кабинете, либо в бильярдной, где достаточно места, чтобы разложить карты и планы и спокойно изучать их; в углу стоят два прекрасных глобуса, которые и сейчас еще можно там увидеть. Если погода благоприятствует, то он отправляется на верховую прогулку; он надевает охотничий костюм с узорными серебряными пуговицами, белый жилет, короткие белые штаны и ботфорты; из-под костюма выглядывает лента Почетного легиона, а сбоку сверкает орденская звезда. Если речь идет лишь о пешей прогулке, то ботфорты заменяются туфлями с золотыми пряжками и белыми чулками. А позже, чтобы работать в парке, он станет надевать обычную одежду плантатора, приводящую в восторг карикатуристов по ту сторону Ла-Манша, немало зарабатывающих на своих рисунках: куртка и белые нанковые брюки, широкополая соломенная шляпа с черной лентой — сейчас их можно увидеть в музее в Мальмезоне, а также кожаные туфли и бильярдный кий, который он использует для замеров и в качестве трости.

Перед выходом из дома, по старинной привычке, он кладет в карманы носовой платок, маленький бинокль, коробочку с лакричными леденцами и, конечно, неиз-

менную табакерку. Из драгоценностей при нем только золотые часы на цепочке, сплетенной из волос императрицы; однажды он подарит их Бертрану, с грустью заметив, что часам этим довелось пробить немало славных часов.

Верховые прогулки в сопровождении Гурго, лишенные какой бы то ни было новизны, по дорогам, где они знают каждый камень, быстро ему наскучат; установленные границы позволяют доскакать либо до унылого Дедвудского плато, где стоит британский полк и высится черный силуэт горы Барн, голой и враждебной, и бродят лишь дикие козы, либо до Аларм Хаус, где живет сэр Томас Рид, заместитель и верный пес Лоу, и где постоянно шныряют шпионы губернатора. Обрато они обычно едут мимо коттеджа мисс Мейсон; там живет эксцентричная и даже немного помешанная англичанка, чье преувеличенно почтительное отношение к Наполеону вызывает насмешки поселенцев. Иногда, чтобы быстрее вернуться в Лонгвуд, они спускаются в долину и едут вдоль жалкой речки, где воздух наполнен болотной сыростью. Там находится коттедж фермера Робинсона; его дочь Мэри-Энн, никогда не видевшая ранее таких лихих наездников, делает реверанс и подносит им цветы. Наполеон смеется и подтрунивает над Гурго, на которого красotka, не смущаясь, смотрит во все глаза.

— Она обращает больше внимания на вас, чем на меня, потому что вы не женаты. Бедные девушки только и думают о том, как бы выйти замуж!

Так как на Святой Елене любой пустяк становится предметом толков и пересудов, то и в Европе тоже станут говорить об этой девушке. Император называет ее «Нимфой», а долину, где она живет, — «Долиной Нимфы», и вскоре появятся наивные картинки, изображающие девушку с букетом в руке, простодушно улыбающуюся царственному посетителю и его спутникам.

По возвращении его величества с пешей или верховой прогулки ему подают завтрак, причем с неукоснительным соблюдением строжайшего протокола: если трапеза имеет место в спальне, в узком кругу, то тафельдинер доносит блюда до ванной комнаты и там перепо-

ручает их лакею, а тот передает их Маршану, который имеет честь подать их Императору. Часы показывают десять, и Император, который, раздеваясь, обычно бросает свои вещи на стулья и на пол, снова облачается в халат. Приглашены обычно бывают Лас Каз и один или двое придворных; если приглашены четверо из его свиты, это значит, что господин пребывает в хорошем расположении духа. Если позволяет погода, стол накрывают в обвитой зеленью беседке или в тени развесистого дуба. Помещение, где готовится пища, и скудость снабжения, к отчаянию поваров, позволяют приготовить лишь самые непритязательные блюда. Первый повар Лепаж задыхается у плиты, которую, за неимением другого горючего, топят каменным углем, и лишь с прибытием второго повара Шанделье появилась плита, сделанная на немецкий манер, с чугунной греющей поверхностью и с железным ящиком в виде духовки. К счастью, Наполеон любит простые блюда: супы, обязательно очень горячие, — куриный бульон или консоме по-королевски, благотворные свойства коих он превозносит, мясо, лучше всего курица или баранина, и овощи, фасоль и чечевицу. Даже с рюмкой слегка разбавленного водой бордо трапеза занимает не более десяти минут: привычки походной жизни неистребимы. Но подобная умеренность не может удовлетворить тех, кто некогда готовил сказочные обеды в Тюильри и иных резиденциях. А потому на обед подают щавелевый суп с приправой или какой-нибудь другой «освежающий» суп, хорошо прожаренную нежную баранью грудинку под светлым соусом, жареного цыпленка или две бараньи отбивные и овощи, хотя порой они и бывают чересчур жесткими. Ужин состоит из супа, двух разновидностей первого блюда, жаркого и двух легких блюд, сладкого и пирожного. Однажды Наполеон попросил приготовить ему «солдатский суп», что привело в волнение всех поваров. «Мой собрат, который некогда был военным, не осмелился приготовить его для своего августейшего господина так же, как он это делал в полку, — пишет Карэм. — Он приготовил легкую хлебную похлебку с добавлением фасоли. Но Императору она не понравилась;

он приказал позвать повара и сказал ему: “Ты же служил в армии и прекрасно знаешь, что это не солдатский суп; так вот завтра приготовь мне его, как надо”. И повар приготовил суп с большим количеством хлеба и фасоли, такой густой, что ложка в нем могла бы стоять. Император съел немного, остался доволен, но больше этого блюда не заказывал».

Выпив кофе, такой же обжигающий, как и суп, Наполеон встает и направляется в бильярдную, где он обычно работает со своими помощниками. В зависимости от погоды и настроения он либо начинает диктовать, либо уходит к себе, чтобы поспать. Если Император решает работать, то по очереди вызывает Лас Каза и тех офицеров, которые обязаны делать разыскания и готовить заметки. В этом просторном зале гулко раздаются его шаги, но не потому, что зал так велик, а потому что пол настелен прямо на балки, на которые опирается надстройка дома. Заложив руки за спину, он ходит взад и вперед, ибо так ему лучше думается, и тишина нарушается только звуком его шагов и скрипением перьев. Иногда он вращает глобус, на котором запечатлены этапы его блистательной карьеры: сейчас он пытается объяснить ее, проанализировать и даже оправдать. Тягостная работа для генералов, затянутых в тяжелые расшитые мундиры со стоячими воротниками. Но генералы должны повиноваться знаменитому приказанию: «Пишите!» А снаружи жизнь почти что замирает под знойным летним солнцем, чьи жгучие лучи бросают мерцающие отблески на просмоленные крыши. Или же юго-восточный ветер нагоняет тучи, которые изливаются потоками дождя, и густой туман обволакивает тогда и сад, и дом, и людей. Но будь то зима или лето, все та же мучительная тишина гнетет этих людей, привыкших к шуму походной или бурной парижской жизни; здесь же не услышишь ничего кроме воркования голубей, щебета канареек, ржания лошадей или крика ребенка. И это после грохота сражений, которые вела армия, прошагавшая через всю Европу и занимавшая столицы разных стран, после шума биваков, где звучали приветствия и марши, такие как *Pour l'Empereur*, *La Carabinière* или *La Canardière*, в то время

как адъютанты неутомонным роем наперегонки спешили исполнить приказания Императора и его маршалов! Каким далеким и в то же время каким близким должно было все это казаться им.

Святая Елена. Далеко ли от нее Император Франции?
Я не знаю. Я не могу сказать. Ведь блеск корон ослепляет.
Короли усаживаются обедать; королевы готовятся танцевать.
Следом за хорошей погодой нужно ожидать снега.

(Р. Киплинг. «Колыбельная Святой Елены»)

Иногда Наполеон останавливается, вздыхает и приставляет служивший ему при Аустерлице старый бинокль к проделанным в ставнях отверстиям. Но не для того чтобы увидеть, как Мюрат бросает в атаку свою конницу, обращая в бегство белые мундиры, а для того чтобы разглядеть проезжающего рысью кавалериста Хадсона Лоу, или учения британского полка, или китайца, несущего на коромысле ведра с водой. Закончив диктовать, Наполеон принимает ванну. Вот уже час, как лакеи и китайцы суетятся вокруг допотопного аппарата, где вода течет по трубкам, обвивающим спиралью нагреватель, а затем тонкой струйкой стекает в глубокую медную ванну; а так как Император требует, чтобы вода была чуть ли не кипящей, Маршан нервно подгоняет своих узкоглазых помощников:

— Больше воды, больше жару!

Эти ежедневные и продолжительные ванны являются настоящим лекарством: тело, погруженное в воду по самую шею, расслабляется, нервы успокаиваются, и Наполеон забывает о времени. Он беседует с Лас Казом, Маршаном или с кем-нибудь из генералов, если не завтракает в это время или не листает какую-нибудь книгу*. Затем Маршан помогает ему одеться: белая рубашка, черный галстук, белые чулки и туфли с пряжками, белый жилет и фрак, шляпа с кокардой, после чего он идет в гостиную, где генералы в ожидании его

---

* Этот обычай выводил из себя Хадсона Лоу, возмущавшегося подобным расточительством: «Зачем генералу Буонапарте нужно часами варить себя в горячей воде и так часто повторять эту процедуру, в то время как 53-й полк не имеет достаточного количества воды для приготовления пищи!»

появления болтают с дамами. В первые годы — в 1816-м и 1817-м — среди посетителей было множество иностранцев: кроме офицеров и влиятельных лиц Колонии, это прежде всего мореплаватели и высокопоставленные чиновники, направляющиеся в Индию или возвращающиеся оттуда, которые придают большое значение этой аудиенции. Некоторые из английских путешественников, уже повидавшие чудеса Ганга или направляющиеся в эту сказочную страну, заезжают по пути посмотреть на диво другого рода, писал Шатобриан. У врат Индии, привыкшей к завоевателям, находится завоеватель, скованный цепями. Обер-гофмаршал выдает приглашение на аудиенцию, скрепленное печатью с императорским гербом: «Обер-гофмаршал Двора...» Губернатор же добавляет к этому унижительный пропуск, подобный тому, что можно видеть в одной из витрин Лонгвуда, — бумагу, вроде той, что дает разрешение на посещение уголовника в тюрьме, напечатанную в местной типографии «Соломон, Гидеон и Мосс...»: «Начальник охраны разрешает предъявителю сего, господину такому-то, посетить резиденцию генерала Буонапарте такого-то числа...» Этот документ вручается офицеру охраны, который на следующее утро передает его губернатору.

Что побуждает всех этих людей добиваться странной чести быть представленными низвергнутому монарху? Любопытство — обычная слабость англичан. Все эти путешественники и помыслить не могут возвратиться в Европу, не увидав человека столетия, но уже не на троне, в великолепном одиночестве Тюильри, а в этом огромном сарае, расходы на содержание которого они подсчитывали в дороге. Человек, заставлявший трепетать добрую старую Англию, теперь получает от нее свой одеколон и нюхательный табак — ради этого стоит потратиться на путешествие. А поскольку эти посетители, все как один, ведут «путевой дневник», который публикуют по возвращении, то как же можно упустить возможность вставить между рассказом о «Кафрах мыса Доброй Надежды» и «Прибытием в Спитхэд» главу, названную «Интервью с Буонапарте. Его внешность, его манеры и его положение на Свя-

той Елене». Так вот он каков, этот человек, чьи деяния сотрясали Европу и, более того, угрожали Британским островам! Его рассматривают с нескрываемым любопытством и болезненной пристальностью исследователей или охотников на крупных хищников. В целом впечатления не слишком лестны: одни находят, что он выглядит как тучный испанский монах, другие замечают его почерневшие зубы и «французский цвет лица», и все эти наблюдения исполнены неприязни и недоброжелательности. Многие из этих ценных для истории заметок, полных срисованных с природы деталей и прекрасно написанных, увидят свет; но ни в одной из них, за очень редким исключением, не сыщется ни слова сочувствия к пленному врагу, которого медленно убивают скукой и мелочными придирками. Аудиенции эти, имевшие место в течение двух лет, доставляли Наполеону удовольствие: в интеллектуальной пустыне, куда он был заброшен, появлялись люди по большей части образованные; они приносили с собой свежие впечатления от таинственного и манящего Востока, чьи образы некогда опьяняли молодого генерала Бонапарта, который, считая Европу кротовой норой, мечтал отправиться по следам Александра Македонского в Азию в поисках славы, обрести каковую ему суждено было по ту сторону Альп. Эти разговоры оживляли его ум и память, будили его любознательность, и он с удовольствием и интересом расспрашивал и высказывал свое мнение. А есть люди, которых он принимает почти как друзей: семью Уилкса, который, прежде чем стать губернатором на Святой Елене, жил в Индии и прекрасно знал эту восхитительную страну, Скелтонов, которые первыми согласятся отправлять послания в Европу, генерала Бингэма с супругой и преемника Кокбэрна адмирала Малькольма и его жену.

А дабы эти приемы не приобрели характера визитов деревенских соседей, Наполеон учредил строгий церемониал. Облаченный в ливрею служитель, Сантини или Новерра, ожидает гостей в саду и сопровождает их до бильярдной; там один из офицеров, а иногда и все придворные, в мундирах, приветствуют их от имени Императора и сообщают, что его вели-

чество готов принять их. Обер-гофмаршал появляется в дверях гостиной и приглашает войти. Несмотря на свою уверенность и привычку бывать в свете, эти иностранцы робеют перед ожидающим их человеком, смущенные тем положением, в какое он поставлен, и лишь от Наполеона зависит, будет ли общение легким или, напротив, принужденным. Леди Малькольм, жена адмирала, говорит графине Бертран, как ее пугает мысль оказаться лицом к лицу с героем, который в течение двадцати лет держал в своих руках бразды европейской политики, но Наполеон, зная, что женщины с удовольствием говорят о самих себе, быстро успокаивает ее своими расспросами:

«Страдала ли она от морской болезни? Это ее первое морское путешествие? Было ли ей весело? Любит ли она вышивать?»

Обычно он стоит у камина, со шляпой в руке; только дамам дозволяется сесть с ним рядом на софу. С тех пор как адмирал Кокбэрн позволил себе довольно бесцеремонно усестись в его присутствии, он предпочитает давать эти аудиенции стоя, хотя порой и изнемогает от усталости. Со своими любимцами, Балькомбами и Малькольмами, он ведет долгие беседы, повергающие их в изумление: его эрудиция, знание людей и событий, его память, его суждения об истории, о древней и современной литературе — полная для них неожиданность, ибо британцы всегда представляли «Буонапарте» вульгарным и претенциозным мужланом, грубым и невежественным солдафоном*.

Для леди Малькольм, шотландки, он прочел целую лекцию об Оссиане, каковую одобрил бы самый взыскательный литературный критик. Если он так старается предстать перед ней в благоприятном свете, значит, он от души восхищается ею; эта накрашенная, нескладная, разряженная как райская птица женщина своей чуткой и благородной душой угадывает в этом толстом изгнаннике прирожденного монарха. Вернувшись домой, она

---

* Недавно одна английская дама, посетившая Лонгвуд, остановилась, пораженная, посреди комнаты, где находилась библиотека, и воскликнула: «Библиотека? Значит, здесь были книги? Стало быть, он умел читать? Он же был всего лишь “капралом”?»

тщательно записывает все фразы их разговора и свои собственные впечатления:

«У него коротко остриженные тусклые, темно-коричневые волосы, редкие надо лбом, но густые на затылке; глаза светло-голубые или серые, нос крупный, верхняя губа слегка коротковата, зубы мелкие, ровные и белые, но улыбка лишь изредка позволяет их увидеть; подбородок круглый, нижняя часть лица полная, шея очень короткая. Сложен он пропорционально, но несколько полноват; руки у него пухлые и короткие, с удлинненными пальцами и ухоженными ногтями; ноги, от бедра до ступни, изящной формы».

Великолепный портрет, по точности не уступающий полицейскому описанию! Возможно, лучше других изображающий Наполеона в последние годы жизни.

По окончании аудиенции Наполеон прощается и уходит, предоставляя офицерам проводить посетителей. Около четырех часов генерал Гурго, отвечающий за конюшни, приказывает запрягать коляску. Графиня Бертран и мадам де Монтолон садятся рядом с Наполеоном, Бертран и Лас Каз устраиваются впереди, а Гурго скачет рядом верхом. Шестеркой лошадей правят загонщики братья Аршамбо, которых не пугают местные дороги, ибо они и не такое видели; экипаж мчится с бешеной скоростью по Лонгвудскому плато, вокруг леса или в Дедвуд, а если Бертраны не участвуют в поездке, то по дороге в Аларм Хаус заезжают к ним. В этом не слишком уютном месте графиня Бертран со вкусом обставила очаровательный дом, утопающий в зелени больших деревьев и камелий. Конечно, это несопоставимо с апартаментами в Тюильри, с самыми веселыми в Париже обедами и ужинами, на которые тратилось по два миллиона в год, — не без грусти скажет она как-то одной англичанке, но, тем не менее, это очень приятный колониальный дом. Подъехав к крыльцу, Император выходит из коляски, входит в дом и садится, чтобы беседовать и играть с детьми. Однажды он отправился на прогулку, которая привела его в долину, над которой стоит дом: там, в прохладной тени прекрасных деревьев вьется тоненький ручеек, а сквозь густую листву виднеется серебристая гладь океана. Вода в ручье,

текущая посреди ковра водяной вероники, такая прохладная и чистая, что тотчас принимается решение посылать сюда каждый день за водой двух китайцев с кувшинами, что позволяет Наполеону говорить о «своем источнике». И в этот же день он, как бы между прочим, скажет Бертрону:

— Если после моей смерти тело мое останется в руках англичан, похороните его здесь.

Иногда поездка в экипаже заменяется пешей прогулкой, нескончаемым хождением взад и вперед в ограниченном пространстве парка; хождение это длится не один час. Наполеон говорит и говорит, а дамы едва не падают от изнеможения. «Очень утомившись, — пишет Альбина де Монтолон, — мы пытались незаметно проскользнуть в поперечную аллею, но, несмотря на все наши ухищрения, Император, сколь бы ни был он увлечен разговором, тотчас же замечал это. Даже если он шел на несколько шагов впереди, он всегда замечал, что кто-то из нас исчез, и неизменно говорил: а мадам де Монтолон (или еще кто-либо) сбежала». Темы разговоров меняются в зависимости от настроения, погоды, каких-либо годовщин или событий в Европе. Тем этих не счесть, и они служат пищей для дневников Гурго, Бертрона, мадам де Монтолон, а также «Мемориала» Лас Каза, не считая будущих записок Маршана и Али. Император знает, что здесь у каждого в руках перо, а потому не считает за труд повторить сказанное, дабы быть лучше понятым.

С заходом солнца, о котором возвещает гарнизонная пушка, становится прохладно, а с моря долетает легкий ветерок; все с облегчением возвращаются в дом, и у каждого есть немного времени, чтобы переодеться, пока Наполеон, удалившись в свои апартаменты, просматривает какую-нибудь книгу или газету. Дамы в парадных платьях с декольте, одно откровеннее другого, а мужчины в мундирах вновь встречаются в гостиной, где вскоре появляется Император и начинает новую дискуссию или предлагает партию в шахматы. Это может показаться странным, но играет он торопливо и, стало быть, плохо и бессовестно плутует. Иногда, рассказывает мадам де Монтолон, он устанавли-

дивал правило: дотронулся до фигуры — делай ход; но это касалось только его противника, для него же все было иначе, и если ему делали замечание, он всегда умел объяснить, почему это не считается, и смеялся.

За годы изгнания время ужина не раз изменялось — то это было в семь, то в восемь, а то и в девять часов, — но протокол всегда оставался неизменным. В указанный час дверь столовой открывается, и Чиприани в расшитом серебром зеленом камзоле, черных шелковых чулках и туфлях с пряжками, низко кланяясь, возвещает: «Ужин Вашего Величества подан». Император входит в столовую в сопровождении дам и офицеров и садится посередине спиной к камину; мадам де Монтолон сидит справа, а Лас Каз — слева от него; Гурго, Монтолон и молодой Лас Каз — напротив. Когда на ужине присутствуют Бертраны, мадам де Монтолон приходится уступить место супруге обер-гофмаршала — что не обходится без язвительных замечаний. В первое время на эти ужины приглашали и кое-кого из англичан, и те были ошеломлены увиденным. «Это был великолепный ужин, — пишет полковник Бингэм своей жене. — Он длился всего сорок минут, а затем мы перешли в гостиную, чтобы играть в карты. Люди из свиты Бонапарта говорили вполголоса, а сам он, занятый едой, не произносил ни слова. А от бесчисленных свечей в комнате было жарко, как в печке».

Повсюду множество серебряных предметов: подсвечники, блюда, приборы и вазы сверкают тысячами огней. Маршан привез их множество, и даже когда было продано 120 фунтов серебряных изделий, все равно еще осталось 234 тарелки, 34 блюда, 96 приборов и еще множество всяких мелочей. Сен-Дени и Новерра, которые подают только самому Императору, стоят позади его кресла в зеленых расшитых золотом камзолах; обслуживание других гостей поручено Джентилини, английским матросам, одетым в императорскую ливрею, и Бернару, специально для того приглашенному камердинеру Бертранов. Вечерняя трапеза обильнее дневной и состоит из пяти блюд и сладостей, но Император ограничивается мясным или овощным блюдом и сыром. Однако он не может устоять перед свежим мин-

далем, который он обожает, и вафлями с кремом, запивая их разбавленным водой бордо. На десерт Перрон, удивительный кондитер, подает блюдо, секрет которого известен лишь ему одному и которое едят позолоченными приборами на тарелках из так называемого сервиза Генерального штаба: это великолепный северский фарфор с узорами из мечей и лавров и изображением наиболее замечательных событий в Египте и в Европе, изнутри украшенный зеленой с золотом каймой.

Столовый сервиз находится в ведении Чиприани, человека аккуратного и властного. Он суров с приходящими британскими слугами и всегда готов исполнить любое приказание своего господина. А когда опущенные шторы скрывают картины облезлого сада, в скромной комнате воцаряется атмосфера роскоши, создаваемая серебряными и золотыми безделушками, туалетами женщин, эполетами офицеров, сверкающими звездами орденов, а особенно бесстрастным лицом этого человека, который еще так недавно правил миром. Но все это подобно видениям, внезапно возникающим в магическом кристалле ясновидящей и исчезающим при малейшем дуновении. Чтобы возвратиться в унылую реальность изгнания, достаточно услышать, как стекают по просмоленной крыше струи дождя и переключаются стоящие в дозоре часовые.

После десерта все переходят в гостиную пить кофе, подаваемый в чашках из северского фарфора. «Я никогда не видел ничего более великолепного, чем этот кофейный сервиз, — напишет один англичанин, — на каждой чашке был изображен египетский пейзаж, а на блюде — портрет бея или какого-нибудь важного лица». Вечер длится долго: обычно играют в карты или слушают пение мадам де Монтолон, которая сама аккомпанирует себе на пианино. Французы очень боятся вечеров, когда Император требует принести книгу и читает вслух Корнеля и Вольтера, Библию, Оссиана или Гомера, «Манон Леско» или «Поля и Виргинию», но обожают вечера, посвященные воспоминаниям. Император хранит в памяти подробности множества событий и может ночь напролет говорить о Сан-Доминго, Робеспьере, префектах, госу-

дарях, генералах, солдатах, маркизах и куртизанках. Но внезапно он меняет тон. «Император требует принести “Заиру”, — записывает Гурго — и читает до полуночи. Все мы едва не засыпаем от скуки». Дело в том, что Наполеон читает очень плохо, не заботясь о ритме стиха. И хотя он, смеясь, уверяет: «Мы идем в театр слушать Тальма и Флёрри», на самом деле своим монотонным и напыщенным чтением он убивает и стихи и прозу.

— Мадам, вы спите, — бросает он изнемогающей графине де Монтолон.

— Нет, сир!

— Который час? Ба! Пора спать.

В одиннадцать часов или в полночь он отпускает всех и уходит в спальню, где Маршан ожидает его, чтобы помочь ему раздеться и лечь в постель. Иногда он просит Лас Каза, Монтолона или Гурго почитать ему. Когда он, наконец, засыпает, Маршан гасит свечи, зажигает ночник и удаляется в свою мансарду, передав свои обязанности дежурному лакею. Ночной звонок часто будит лакея; Император страдает бессонницей, ибо его тело, привыкшее к постоянному напряжению всех сил, в бездействии не может обрести покоя; он встает, зовет лакея, разговаривает, пишет, читает, ходит взад и вперед по своим двум комнатам и засыпает лишь под утро.

Денежный вопрос

Весь этот церемониал установлен с явным и вполне понятным намерением внушить уважение французам и, главное, заставить англичан видеть в Наполеоне живущего в изгнании государя, а вовсе не государственного заключенного, и таким образом дать знать его приверженцам в Европе, что их Император, являющийся жертвой несправедливого произвола, все еще окружен маленьким двором сановных лиц, что он работает, пишет, размышляет в ожидании событий, благоприятных для его новых замыслов. Но что происходит за этой ширмой? Как живут люди за закрытыми ставнями бильярдной и императорских апартаментов? И главный вопрос:

откуда берутся необходимые деньги и кто оплачивает весь этот дорогостоящий спектакль?

Лицам, сопровождавшим пленника на «Нортумберленде», были даны следующие инструкции:

«Адмиралу Кокбэрну рекомендуется, воспользовавшись этим благоприятным моментом, организовать досмотр багажа генерала. Можно пропустить мебель, книги и вина, а также серебряные изделия, но лишь в том количестве, кое позволяет считать их домашней утварью, а не имуществом, каковое можно использовать в иных целях. Напротив, следует изъять деньги, бриллианты и любые подлежащие продаже векселя».

Следуя указаниям обер-гофмаршала, Маршан, которому было поручено присутствовать при этой унижительной операции — унижительной прежде всего для тех, кто осуществлял ее, — оставил в ящиках только 4 тысячи наполеондоров, то есть приблизительно 80 тысяч франков, которые британцы изъяли, выдав расписку, гласившую, «что эти деньги будут использованы на нужды генерала Буонапарте на Святой Елене».

Они были удивлены, как мало имущества было им представлено для досмотра, ибо, соизмеряя по всей вероятности состояние Императора с величием его славы, они ожидали увидеть горы всяческих богатств там, где их взору предстали жалкие крохи, кои совестно было и показывать. Они не знали, что Император, душой и телом преданный Франции, думал лишь о величии родины и ее благе, и что его бескорыстие оставило бы его после Ватерлоо без гроша, если бы его друзья, такие как герцоги де Виченца и де Бассано и граф де Лавалетт, не собрали для него у банкира Лафитта несколько миллионов, которые шестью годами позже были включены в его завещание.

Итак, 4 тысячи наполеондоров попали в руки его алчных тюремщиков, но еще 12 500, то есть 250 тысяч франков, были в восьми поясах, которые члены свиты скрывали под одеждой вплоть до отплытия на Святую Елену. Наполеон называл эту сумму своим «резервом» и своим «запасом на черный день». За счет ежемесячной экономии, сумма достигла 300 тысяч франков и позволила ему сделать выплаты, обозначенные в первой расписке к завещанию.

В Европе у Императора деньги находились на хранении у разных лиц: 800 тысяч у принца Евгения Богарнэ и 3 миллиона 400 тысяч у банкиров Перго и Лафитт, минус 400 тысяч с 1814 года и три миллиона, вынесенных с согласия Фуше из Тюильри 28 июня 1815 года, *in extremis*. Кроме того, король Жозеф, похоже, получил капитал, точная сумма которого неизвестна, но вполне могла бы составлять около миллиона. И, наконец, еще один немаловажный источник: Наполеон, очевидно, мог рассчитывать на огромное богатство бывшего короля Испании, состоявшее из земельных владений, бриллиантов, картин и наличных денег. Жозеф перевел великолепное владение Мортфонтэн на имя своей свояченицы Клари, шведской принцессы; Пранженский замок находится за пределами Франции и в парке спрятаны бриллианты стоимостью в пять миллионов. Мать Императора, нашедшая пристанище в Риме, продала свой парижский особняк, особняк Бриеннов, и поселилась в роскошных апартаментах со своим братом кардиналом Феш, которому удалось спасти свою коллекцию итальянских картин, приобрести которые было по средствам лишь какому-нибудь монарху. Жером Бонапарт, бывший король Вестфалии, живет у своего тестя, короля Вюртемберга, и если положение его весьма ненадежно, то состояние его оценивается в два миллиона. И наконец, Люсьен, пользуясь покровительством папы и своим титулом римского принца, устраивает на своих виллах «люсьенову» галерею, изобилующую творениями старых мастеров. Все эти богатства, плод ослепительного успеха главы клана, должны были бы, согласно корсиканским обычаям, быть предоставлены в распоряжение последнего, окажись он в нужде или в беде. Но родственная любовь в семье Бонапартов, увы, имеет свои границы.

Кое-кто из окружения Наполеона в Лонгвуде располагает некоторыми собственными средствами: Лас Каз смог в последнюю минуту получить от своего парижского банкира 4 тысячи наполеондоров. Он предложил их Императору, и тот принял этот дар; Бертран открыл у лондонского финансиста счет на 15 тысяч фунтов стерлингов, что в то время было весьма значительной суммой. Зато у Монтолона и Гурго ничего нет.

С британской стороны были приняты меры, чтобы в соответствии с соглашением, подписанным союзниками 2 августа 1815 года, расходы на содержание пленника оплачивались Государственной казной. Вскоре после прибытия на остров Хадсон Лоу получил от лорда Батхэрста официальное распоряжение сократить эти расходы до 8 тысяч фунтов стерлингов в год с условием, что любые траты, выходящие за пределы этой суммы, будут оплачиваться «генералом Буонапарте» лично. Это странное распоряжение могло бы показаться комичным, ибо суть его в том, что человек, которого незаконно держат в заточении, должен сам оплачивать свое содержание. Однако оно ничуть не удивительно для страны, где от приговоренного к смерти требуют оплатить стоимость веревки, на которой его повесят. А посему, узнав, что из-за отсутствия какого бы то ни было контроля Государственная казна выплатила за год 20 тысяч фунтов, то есть вдвое больше установленной суммы, Лоу без малейшего смущения решает завести об этом разговор с обитателями Лонгвуда. Если деньги и далее будут расходоваться таким образом, то в августе 1816 года нужно будет выделить 11 700 фунтов на питание и содержание императорской свиты, 3445 — на вина, 2020 — на питание прочих лиц, 939 — на рабочих, 1250 — на конюшни, 675 — на английских слуг. Человеку суровому и скаредному есть от чего потерять сон.

Расходы, даже со стороны, выглядят столь значительными, что стоит попробовать разобраться в них. Для основного стола, который обходится в тысячу фунтов в месяц, ежедневно поставляется 30 килограммов говядины, 6 штук птицы, 36 яиц, 33 килограмма хлеба, 5 фунтов сливочного масла, 2 фунта сала, 4 килограмма сахара, 1 килограмм кофе, 1 фунт чая, 4 килограмма восковых свечей, 1 фунт сыра, 5 фунтов муки, 3 килограмма солонины; 150 килограммов дров, овощи, фрукты, оливковое масло и уксус. А раз в две недели доставляются 8 уток, 2 индейки, 2 гуся, 2 сахарные головы, полмешка риса, 2 окорока (весом не более 14 фунтов), 45 буасо угля, 7 фунтов сливочного масла, соль, горчица, перец, каперсы, масло для окуривания и горох, а еще на

4 фунта рыбы и на 5 — молока. Каждое утро из погреба в буфетную подают 7 бутылок шампанского или белого бордо, бутылку мадеры и бутылку рейнского, 6 бутылок красного столового вина; кроме того, все слуги получают по бутылке местного вина с мыса Доброй Надежды или с Канарских островов. К этому списку следует добавить то, что французы покупают себе сами: в день дюжину яиц и 8 фунтов сливочного масла, 2 фунта свечей, 3 штуки птицы, 2 килограмма сахара, 1 фунт сыра, 1 килограмм соленой свинины, 1 фунт сала, 1 бутылку оливкового масла, 5 фунтов сахара, 1 бутылку уксуса и две булки; в неделю — 2 индейки, 1 окорок, поросенка для жаркого, корнишоны, оливки. Это много. Это даже слишком много, ибо расходы, приходящиеся на одного только Императора, составляют 3600 франков в месяц.

Итак, Хадсон Лоу, движимый праведным негодованием, прибыл в Хатс Гейт в тот момент, когда обер-гофмаршал сидел за столом; последний прервал трапезу, чтобы принять его. Последовала короткая перепалка:

— Я приходил на днях, чтобы поговорить с вами о деле, о котором я с вами уже однажды беседовал; расходы Лонгвуда, согласно ведомости, составляют 18 тысяч фунтов. Государство назначило меньшую сумму.

— И какую же сумму назначило государство?

— Восемь тысяч фунтов.

— Как только друзья императора будут уведомлены о его нуждах, они — я уверен в этом — поспешат ему на помощь, но я должен вам заметить, что он не имеет никаких известий от своих поверенных в делах; что он не получил от них, как вам известно, ни одного письма и сам не может писать им, поскольку распоряжение оставлять свои письма незапечатанными равносильно для него запрету писать.

— Я пришел не для того, чтобы обсуждать этот вопрос. Это дело уже обсуждалось с генералом Монтолоном и...

— Поскольку вы обсуждали это дело с Монтолоном, то с ним и доводите его до конца. Что же до меня, то я желаю как можно менее иметь с вами дело.

— Смею вас заверить, что желаю этого ничуть не менее, — парирует Лоу и удаляется, красный от досады.

Не задерживаясь ни на минуту, он мчится в Лонгвуд и требует разрешения поговорить с «генералом». Ему отвечают, что «Император» принимает ванну. Тогда, увидев Монтолона, он показывает ему инструкции британского правительства. У принца Евгения, намекает он, более сорока миллионов, он всем обязан своему тестю, пусть ему напишут и попросят снабдить последнего необходимыми средствами. Монтолон обещает «доложить об этом».

Следующий день — воскресенье, но несмотря на это Лоу решает во что бы то ни стало встретиться с «генералом» и даже вступить с ним в спор. Он отправляется в Лонгвуд в сопровождении адмирала, своего заместителя сэра Томаса Рида и своего военного секретаря майора Горрекера. Всю ночь и все утро шел дождь, а когда он ненадолго перестает, Наполеон решает выйти из дома. Он отправляется к Лас Казу, затем к Монтолонам и уводит Альбину на прогулку в парк. Император в прекрасном расположении духа и поддразнивает молодую женщину, советуя ей покаяться в своем поведении, ибо, уверяет он, как помазанник Божий, он имеет право выслушать исповедь. Мадам де Монтолон стыдливо протестует, и оба смеются, но в этот момент появляется слуга и сообщает о прибытии губернатора. Сначала Наполеон мрачнеет и приказывает сказать, что его нет дома; но так как посетители настаивают, он оставляет Лас Каза и графиню и подходит к ним, чтобы немного пройтись вместе с ними и выслушать их. Из дома французы наблюдают за этой сценой; впереди идут Император, губернатор и адмирал Малькольм, а позади на почтительном расстоянии Лас Каз, графиня и майор Горрекер. Наполеон некоторое время беседует с адмиралом о каких-то ничего не значащих пустяках. Лоу чувствует себя как на раскаленных углях, нервничает, выходит из себя и наконец решительно прерывает беседу, в которую ему намеренно не дают возможности вступить.

— Я сожалею, что докучаю вам неприятными вопросами, но необъяснимое поведение графа Бертрана вынуждает меня сделать это. У меня есть инструкции, предусматривающие сокращение расходов Лонгвуда, и

я уведомил о существовании оных инструкций графов Бертрана и Монтолона; последний согласен со мной, но я желаю побеседовать с вами лично, дабы принять решения, кои были бы всем приятны. Для этого я уже приходил к вам, но мне сказали, что вы принимаете ванну и что мне следует поговорить с графом Бертраном. Я отправился к графу, каковой принял меня более чем странным образом; тем не менее я изъяснил ему цель моего визита и передал ему документы. Он взял их и обещал передать их Императору. Я предложил ему добавить несколько пояснительных замечаний, на что он внезапно заявил: «Мне представляется наилучшим иметь с вами как можно менее сношений, как личных, так и каких бы то ни было других». Я ответил, что таково и мое желание, и удалился. Я нахожу поведение генерала Бертрана по отношению к губернатору этого острова весьма неуместным, принимая во внимание то, что я явился к нему, исполняя желание того, кого он считает своим государем.

Он замолчал. Наполеон долго не отвечал, словно обдумывая план атаки. Внезапно повернувшись к адмиралу, он взорвался:

— Граф Бертран — человек известный и уважаемый в Европе; он всегда достойно вел себя, он командовал армиями. Губернатор обращается с ним как с капралом. Мадам Бертран — благородная дама, привыкшая занимать первое место в обществе; он не выказывает ей должного уважения, он задерживает ее письма и позволяет ей принимать визиты лишь при соблюдении определенных условий.

Он резко обернулся и в упор посмотрел на Лоу:

— С момента вашего прибытия нам постоянно наносят оскорбления. Вам даны те же инструкции, что и адмиралу, — он мне это говорил, — но вы исполняете их стократ суровее. Вы ничего не хотите слышать, вы подозреваете всех и вся. Вы — генерал, а ведете себя как швейцар, исполняющий приказания хозяина. Вы никогда не командовали никем, кроме корсиканских дезертиров. Вы поминутно унижаете нас вашими мелочными придирками. Вы не умеете вести себя с людьми чести. У вас слишком низкая душа. Почему не

обращаться с нами как с военнопленными, а не как с преступниками, сосланными в Ботани-Бей*?

Император замолчал в ожидании ответа. Лоу побагровел, но, чувствуя, что за ним наблюдают свидетели этой сцены, овладел собой:

— Я желаю сделать ваше положение настолько приятным, насколько это в моих силах. Генерал Бертран написал мне, что я делаю вашу жизнь невыносимой; он обвиняет меня, как сейчас это делаете вы, в злоупотреблении властью и в несправедливости. Я принадлежу к свободной нации, я ненавижу любые проявления тирании и деспотизма, и я опровергну все обвинения, затрагивающие мое достоинство, ибо они суть клевета на человека, неуязвимого для орудий истины.

— Есть люди, которым оказывают честь, а есть такие, которых чести лишают, — бросает Наполеон, намекая на миссию, доверенную Лоу британским правительством.

Адмирал пытается вмешаться и доказать, что с момента его прибытия правительство было исполнено готовности проявить понимание и идти навстречу: все это недоразумение объясняется различием темпераментов и ошибками, допущенными во время переговоров третьими лицами. Наполеон оставался непреклонен.

— Известно ли вам, — обращается он к адмиралу, — что он имел низость забрать книгу, потому что на обложке я был обозначен как «Император», и что он хвастается этим.

— Я этим хвастался? — воскликнул Лоу

— Да, губернатор острова Бурбон, полковник Китинг, говорил мне это!

— Позвольте мне объяснить вам историю с книгой, — снова вмешивается адмирал. — Сэр Хадсон показывал мне этот том и заверил меня, что автор предоставил ему решать, передавать вам эту книгу или нет. Книга эта не представляет никакого интереса, а сэр Хадсон не имеет права признавать за вами титул Императора.

---

* Ботани-Бей — бухта на восточном берегу австралийского материка, открытого Джеймсом Куком в 1770 году. В 1786 году в Англии было решено колонизировать открытую Куком страну и для начала сослать туда преступников. (Прим. пер.)

— Но он переслал мне письма, адресованные «Императору».

— Безусловно, но они исходили от государственного секретаря по делам колоний и от личных знакомых, а не от английских корреспондентов.

Наполеон, которому все труднее было сдерживаться, возобновил атаку с новой силой.

— Но он имел низость говорить о содержании наших писем, которые приходят к нему распечатанными. Моя старая мать, несмотря на мой запрет писать мне, прислала мне письмо, дабы сказать, что хочет умереть на Святой Елене рядом со мной. Так вот! Это стало известно всему острову.

— Но не через меня, — оправдывается Лоу*.

— Нет, именно через вас! Балькомб говорил мне это! — кричит Наполеон. — У себя я Император и останусь им, пока я жив. Мое тело в ваших руках, но душа моя свободна. Через несколько лет ваш лорд Кастрли, ваш лорд Батхэрст и вы, ныне говорящие со мной, все вы сгинете в пыли забвения, а если и будут помнить ваши имена, то лишь благодаря тем гнусностям, которые вы совершали по отношению ко мне. Европа узнает, как со мной обращались, и позор этот падет на английскую нацию! Несчастные часовые вашей страны оплакивают мою участь. Вы хотите денег на мое содержание? У меня их нет, но у меня есть друзья, много друзей, которые в состоянии прислать мне ту сумму, которую я попросил бы у них, если бы мог писать. Посадите меня на паек, если это доставит вам удовольствие. Я буду питаться за столом 53-го полка или с солдатами, и они не оттолкнут, я в этом уверен, самого старого солдата Европы.

Лоу спокойно повторяет, что он не по своей воле занял этот пост на Святой Елене и что он всего лишь исполняет распоряжения своего правительства.

— Если бы вы получили приказ убить меня, вы бы его выполнили?

— Нет, я бы этого не сделал! Англичане — не убийцы.

---

* Он лгал, ибо ему случалось читать своим близким полученные незапечатанными письма государственного секретаря и сопровождать их комментариями такого рода: «Члены императорской семьи! Сборище негодяев!»

— Я вижу, что вы боитесь, как бы я не сбежал. Вы принимаете ненужные предосторожности. Почему бы не заковать меня в кандалы? Тогда вы были бы спокойны. Вы не генерал, вы писарь. Завтра вы получите письмо, которое, я надеюсь, станет известным в Европе.

Он останавливается и, повернувшись к адмиралу, жалуется на то, что губернатор запретил общение с местными жителями, разрешенное ранее Кокбэрном; но Малькольм, как опытный моряк, умеющий лавировать среди бушующих волн, говорит, что не следовало злоупотреблять предоставленной свободой, как это сделала несколько дней назад графиня Бертран, попытавшаяся вступить в тайную переписку с французским комиссаром.

— Это вам губернатор сказал. Это ложь! — возмущается Наполеон и, обернувшись к Лоу, добавляет: — Лорд Батхэрст покрыл себя позором, послав сторожить меня такого человека, как вы.

— Мне смешно это слышать, — решительно заявляет Лоу, желая, вероятно, положить конец спору, который может принять еще более неприятный оборот.

— Как смешно?

— Да, сударь, я говорю то, что думаю. Мне смешно и, более того, прискорбно видеть, насколько вы ошибаетесь на мой счет и насколько вы забываете о приличиях. Засим разрешите откланяться.

И, красный от едва сдерживаемой ярости, он удалился вместе с сопровождавшими его офицерами.

Сцена была столь бурной, что Наполеон сам пожалел о происшедшем:

— Я не должен был принимать этого офицера: с ним я теряю над собой контроль, и это унижает мое достоинство; у меня вырываются слова, которые были бы непростительны в Тюильри. Извиняет меня лишь то, что я нахожусь в его руках и в его власти.

Он сдержит свое слово, и у губернатора больше не будет повода для ссоры: он увидит своего пленника лишь 6 мая 1821 года на смертном одре таким, каким тот отойдет в вечность. После этой сцены губернатор получит обещанное послание, тщательно составленное самим Наполеоном, прочитанное офицером и,

после внесения многочисленных поправок, подписанное Монтолоном. Вошедшее в историю под названием «Заявление о злоупотреблениях от августа 1816 года», сие послание представляет собой подробную критику порядков, установленных «Конвенцией Союзников от 2 августа 1815 года»; переписанное Али и Маршаном на кусочках шелковой ткани, оно будет тайно отправлено в Европу и наделает много шума. Постскриптум посвящен денежным проблемам, явившимся причиной ссоры.

«Я подписал, сударь, это ваше письмо от 17-го числа; вы к нему прилагаете счет на сумму приблизительно 20 тысяч фунтов в год, кои вы полагаете необходимыми для покрытия расходов по содержанию Лонгвуда; мы не намерены вступать в обсуждение этих расчетов; на стол Императора поступает лишь самое необходимое; все продукты скверного качества и в четыре раза дороже, чем в Париже.

Вы требуете от Императора сумму в 4 тысячи фунтов, так как ваше правительство выделяет лишь 8 тысяч на все эти расходы. Я имел честь довести до вашего сведения, что у Императора нет никакого капитала, что в течение года мы не получали и не писали никаких писем и что он пребывает в полном неведении того, что происходит или могло произойти в Европе. Силой увезенный за 2 тысячи лье от нее на этот скалистый остров, он полностью зависит от английских агентов. Император всегда желал и желает самолично оплачивать свои расходы, и он будет это делать, как только вы предоставите ему такую возможность, разрешив коммерсантам острова доставлять ему корреспонденцию, каковая не должна подвергаться досмотру ни с вашей стороны, ни со стороны ваших агентов. Как только в Европе узнают о нуждах Императора, люди не безразличные к его участи пришлют все необходимые средства».

В конечном счете Лоу принял самоличное решение увеличить расходы на содержание Лонгвуда до 12 тысяч фунтов; именно такой сумме равнялось его собственное годовое содержание.

Однако, чтобы не быть слишком пристрастными к этому неудачливому и неловкому чиновнику и не забы-

вать о реальной ситуации, следует признать, что, принимая во внимание стоимость жизни на острове в 1815 году, с одной стороны, и число обитателей Лонгвуда — с другой, выделенной суммы было бы вполне достаточно, если бы не чудовищное разбазаривание продуктов слугами. Примеров тому несть числа. В сентябре 1816 года Лоу в весьма мягкой форме обращается к Монтолону: речь идет о вине.

— Я бы желал, — со вздохом говорит он, — чтобы велось наблюдение за расходом вина и чтобы не откупоривалось ни одной бутылки сверх необходимого.

Конечно, это речь лавочника, но сдержанная и благожелательная в устах «тюремщика». Но увы, это был глас вопиющего в пустыне, ибо слуги решили вознаградить себя за тяготы изгнания, проводя веселые вечера и даже извлекая кое-какую тайную прибыль. Поговаривали, что в Лонгвуде с черного хода торгуют съестными припасами, и англичане, солдаты или местные жители, их покупают; а по вечерам допоздна веселятся, пьют, поют и танцуют даже в людской все с теми же солдатами и девками, для которых пароль не является тайной. Всех удивляло, что на острове, где ощущается недостаток всего и где вино является роскошью, «пленным особам» раз в две недели доставляют 630 бутылок вина. Так, например, с 1 октября по 31 декабря 1816 года в Лонгвуд было доставлено 3716 бутылок: 830 бордо, 72 рейнского, 36 шампанского, 2030 бутылок из Кейптауна, 552 — с Тенерифе, 104 — с Мадейры и 92 из Констанца. В первой четверти 1817 года количество бутылок сократится до 3366, а во второй четверти — до 3252. Чтобы позлить губернатора, который требует возврата пустых бутылок — на острове это редкий товар, — слуги разбивают их, а осколки собирают в кучу перед домом на видном месте. Всем этим простым людям, которые в трудный момент повели себя в высшей степени благородно и даже бескорыстно, в повседневной жизни не удастся сохранять должное достоинство. Только Гурго, со своей природной гордостью, неустанно твердит: «В нашем положении самое разумное — это брать как можно меньше».

Но лакеям, привыкшим к сказочной расточительности в императорских резиденциях, к бездонной про-

пасти кладовых Тюильри, непомерным тратам штаб-квартир, была неведома гордость, необходимая в новой обстановке. Только Маршан не терял головы и со скрупулезной тщательностью вел постоянный учет личных расходов, остальные же думали лишь о том, как извлечь выгоду из ситуации, суть коей они не понимали, но зато были крайне недовольны причиняемыми оной неудобствами.

Эта гнусная история со снабжением позволила Наполеону в октябре 1816 года нанести Хадсону Лоу очень ловкий и удачный удар. В тот день губернатор сообщил Монтолону, что от четырех тысяч наполеондоров, изъятых у них на борту «Нортумберленда» и потраченных на личные надобности французов, ничего не осталось и что сумму следует восполнить.

— Прикажете Новерра разбить топором всю мою серебряную посуду, отошлите ее ему и пусть он оставит нас в покое, — со вздохом сказал Наполеон.

Операция должна была произвести задуманное впечатление. На следующий же день была составлена опись всех предметов; была отложена посуда, необходимая для повседневного обихода, а затем три сервиза, с которых были сняты императорские орлы, были разбиты.

— Вот видите, — несколько театрально сказал Наполеон доктору О'Мира, — этот человек ограничивает меня во всем; он вынуждает меня продать посуду, чтобы я мог купить необходимое мне для жизни, в коем он мне отказывает, либо дает в совершенно недостаточном количестве.

Лоу, даже не понимавший гнусности подобной ситуации, поручил Балькомбу, как поставщику, привести размеры продаж в соответствие с предоставленным генералу кредитом, но не выдавать наличных денег. Три ликвидации имущества имели место 15 октября, 15 ноября и 30 декабря 1816 года и составили соответственно 952, 1227 и 2048 унций, то есть в целом 230 килограммов, оцененных в 1965 фунтов стерлингов — немного более 26 тысяч франков. Этой суммы едва хватило на покрытие дополнительных расходов Лонгвуда в течение триместра, но с психологической точки зрения удар попал в цель, так как при взвешивании и

оценке посуды присутствовало множество свидетелей, в том числе и отбывающие в Англию офицеры, которые не преминут сделать это событие достоянием гласности.

— Как чувствует себя Император? — спросил один из них у Чиприани.

— Скорее хорошо. Как человек, который продает серебряную посуду, чтобы жить.

— Как! Разве у вас недостаточно продуктов? Зачем вам нужно столько масла и птицы?

«После серебряной посуды я продам свою одежду», — заявил Наполеон.

В каком затруднительном положении оказались обитатели Плантейшн Хаус! Британское правительство, уведомленное Лоу о вышеупомянутой операции, тотчас согласилось довести до 12 тысяч фунтов в год сумму, предназначенную на содержание Лонгвуда, узаконив таким образом уже принятое местными властями решение.

Заявление Чиприани относительно нехватки съестных припасов — это всего лишь шутка, адресованная широкой публике, ибо суммы, которые Наполеон хочет попытаться собрать в Европе, подписывая векселя на имя принца Евгения или других членов своей семьи, на самом деле предназначены на выплаты членам его свиты. Сразу же по прибытии он назначил каждому ежегодное содержание: Бертрану — 24 тысячи, Монтолону — 24, сокращенные до 18 после отъезда мадам де Монтолон; Гурго — 6, Маршану — 8, Пьеррону — 4800, Новерра и Сен-Дени — по 4; аббат Буонавита получает в 1819 году 6 тысяч франков; аббат Виньяли — 3, доктор Антоммарки — 9; Крузо и Шанделье — 2400, Аршамбо — 1800 и Жозефина Новерра — 600. Вместе с тысячью франков, ежемесячно выплачиваемых Маршану на «туалет» Императора, это составляет 100 тысяч франков в год, то есть 4 тысячи фунтов стерлингов; смехотворная сумма, если вспомнить, что в пору расцвета Империи ее едва хватало на костюмированный бал в Тюильри.

Деньги, вырученные от продажи серебряной посуды, ненадолго задержались в сейфах Балькомба: первая часть пошла на выплату жалованья четверем членам

свиты, изгнанным Лоу с целью сокращения расходов; остальное — на покрытие текущих расходов.

Тогда Наполеон принял деньги, данные ему в долг Лас Казом, также высланным с острова в декабре 1816 года, а расходы 1817 года были оплачены благодаря заемным письмам, на 300 фунтов каждое, оплаченным им перед отъездом. Едва вернувшись в Европу, маленький камергер поспешил уведомить императорскую семью о бедственном положении Императора. Мать Императора откликнулась первой, и письма ее исполнены благородного величия. «Все, что я имею, всегда будет в распоряжении моего сына, даже если для этого мне придется уволить всех моих слуг, оставив себе всего лишь одного. Если прочие члены семьи не прислали вам денег, то вероятно потому, что решили, что я захочу сама сделать все возможное, прежде чем обратиться к ним за помощью, — объясняла она графу де Лас Казу. — Сердце мое исполнено желания сделать все самой. Возможность помочь ему смягчает горе и боль, терзающие меня с тех пор, как он оказался в плену. Я хочу, чтобы вы мне изложили в общих чертах, сколько требуется в год не только на нужды самого Императора, на оплату векселей, но и на содержание его свиты».

Затем, трезво оценивая ситуацию, но при этом повинаясь материнскому инстинкту, всегда заставлявшему ее поддерживать самого несчастного из ее детей, она пишет королю Жозефу: «Мне не пристало указывать моим детям, какую сумму им следует выделить, чтобы обеспечить всем необходимым своего брата. Я сделала для этого первый шаг, послав 30 тысяч франков месяце де Лас Казу; пусть теперь каждый из вас обращается к нему. Сама же я готова отдать Императору все, что у меня есть, вплоть до последнего гроша».

Этот призыв возымел действие: Лас Каз получил 5 тысяч долларов от короля Жозефа, 15 тысяч франков от короля Жерома и 20 тысяч франков от принца Евгения. Ну а кардинал Феш, известный своей чудовищной скардностью, без обиняков заявил бывшему камергеру: «За всем, что требуется для облегчения ужасной участи Императора, обращайтесь к моей сестре: она даст все, что сможет». Добрейший человек! Достоинейший служитель

Господа! Единственное, что он предложил, так это «остаток» в 25—30 тысяч франков, причитавшийся Императору. Этот цинизм настолько возмутил мать Императора, что тем, кто осуждал ее за то, что она лишает себя всего ради изгнанника, она ответила: «Какое это имеет значение! Когда у меня не останется ничего, я возьму посох и пойду просить подаяния для матери Наполеона».

В октябре 1818 года контакты были установлены, и она смогла сообщить королю Жозефу в Соединенные Штаты: «Я уже послала 60 тысяч франков; братья и сестры обязались платить каждый по 15 тысяч франков в год; сама я готова дать 50—60 тысяч франков, и мне нужно лишь выяснить, придется ли мне ради этого сократить также и мои собственные расходы».

После того как Лас Каз самолично получил в качестве аванса некоторую сумму от принца Евгения, создалось впечатление, что корсиканский клан, объединившись в минуту испытания благодаря усилиям *Madre*, готов предоставить сотню тысяч франков, то есть 4 тысячи фунтов стерлингов, в распоряжение бывшего монарха, коему они обязаны всем — богатством, титулами, брачными союзами. Но, к несчастью, от обещаний до их исполнения — дистанция огромного размера, и Жозеф, уютно устроившийся в Америке, Жером — в Триесте, равно как и Люсьен — посреди своих коллекций, занятые своими делами, лишь на словах готовы были помогать своему брату. Подтверждением тому может служить письмо, написанное матерью Императора Жозефу в марте 1820 года. Успокоив бывшего короля Испании относительно судьбы драгоценных картин, которые она должна ему переправить, она вновь затрагивает проблему расходов в Лонгвуде:

«Что касается Императора, его постоянные и необходимые расходы составляют 500 фунтов в месяц. Согласно его распоряжению, эта сумма берется со вклада, доверенного, как известно, одному парижскому банкирскому дому во время пребывания Императора на острове Эльба. Эти 500 фунтов в месяц выплачивались до сего дня из вышеупомянутого вклада, хотя из-за непорядочности банкиров векселя на сумму 70 тысяч франков были опротестованы. Так как вот уже три месяца, как об этом деле нет и речи, и так как я взяла на себя

выплату данной суммы, я думаю, что все пришло в прежний порядок и никаких проблем более не существует. Расходы на отправку ему вина, кофе, одежды, книг, переносной аптеки, украшений для часовни, а также стоимость путешествия двух прелатов, один из которых врач, хирурга, повара и дворецкого составляют примерно 130 тысяч франков, куда входят 65 тысяч франков, которые я отправила непосредственно Лас Казу. Люсьен, со своей очень многочисленной семьей, ничего не может сделать. Жером понес такие большие потери, что мне пришлось послать ему денег, причем гораздо больше, чем я трачу на Императора. Полина ... не думаю, чтобы от нее можно было получить что-нибудь для других. Луи живет хорошо, но у меня нет сведений о его состоянии. Стало быть, вам и мне следует пойти на кое-какие жертвы, коль скоро Провидению не угодно прийти нам на помощь».

На самом деле, в последние годы жизни Император существовал на свои собственные средства, а его братьям и сестрам, осыпанным им королевствами, княжествами, бриллиантами, серебром, особняками и замками, даже и в голову не приходило оплатить эти долги, именуемые «долгами чести». Подтверждением тому является письмо, отправленное Наполеоном 23 апреля 1821 года, за несколько дней до смерти, банкиру Лаффиту в Париж: «Я вам передал в 1815 году, перед тем как покинуть Париж, сумму, равную примерно 6 миллионам, и получил от вас двойную расписку в получении оной; я уничтожил одну из них, и я поручаю графу де Монтолону передать вам другую расписку, дабы после моей смерти вы передали ему вышеупомянутую сумму с процентами из расчета 5%, начиная с 1 июля 1815 года, за вычетом тех выплат, кои вы делали в соответствии с полученными от меня распоряжениями».

Снабжение

Тесно связанные с вопросами финансовыми, вопросы снабжения и ежедневного питания занимают важное место в истории этих шести лет в силу их влияния на здоровье и моральное состояние изгнанников.

Выше мы уже говорили о количестве продуктов, доставляемых поставщиками; теперь следует сказать о их качестве. Существует множество свидетельств того времени, исходящих от ливрейных слуг. Не слишком рискуя ошибиться, их можно сопоставить с современными условиями жизни на острове: качество местных ресурсов даже и сейчас еще оставляет желать лучшего, хотя способы хранения, большое количество замороженных продуктов делают условия жизни более или менее приемлемыми, в отличие от того, что было сто пятьдесят лет назад... Когда доктор О'Мира требовал устройства в Лонгвуде чулана для хранения провизии, он подчеркивал, что мясо там портится за сутки, даже если оно не было доставлено уже «слегка протухшим», из-за того что его везли по солнцу в телеге, запряженной волами.

Говядина и баранина имелись тогда на острове в ограниченном количестве, а потому мясо считалось немислимой роскошью. Лоу, едва вступив в должность, обратился к Индийской компании и на мыс Доброй Надежды с просьбой раз в два месяца присылать 40 быков и 500 баранов, чтобы кормить население, численность которого с прибытием гарнизона достигла 7 тысяч человек. «Забить бычка, — вспоминал один из тогдашних обитателей острова, — это государственное дело, и для этого требуется разрешение губернатора и местного совета». Нетрудно представить возмущение жителей, которых держат на пайке, когда они узнают, что «генерал Буонапарте» требует по две порции мозгов на обед. Скот, доставляемый из Южной Африки или с ангольского побережья, тощий и обессиленный долгим плаванием по бурному морю, плохо приспособившись к жалким пастбищам острова, выжженным солнцем и покрытым чахлой растительностью; мясо он давал жесткое и жилистое, приводившее в отчаяние поваров. Али говорит, что Наполеон часто жаловался, «что уже забыл вкус мягкого мяса». Бараны едва достигали веса 15 килограммов и порой бывали тощими и с такой прозрачной кожей, что в Лонгвуде ее использовали в качестве каркаса для фонарей, вставляя внутрь свечу. Свины, откормленные ямсом, пресными и мучнистыми тропи-

ческими клубнями, имели такой небольшой слой жира, что при готовке он сразу вытапливался, а мясо в кастрюле оставалось твердым и безвкусным. Поэтому местные жители, движимые суровой необходимостью и здравым смыслом, употребляют в больших количествах солонину, двухлетний запас которой всегда имеется на складах интендантства. У птиц, в основном кур, которые из соображений экономии содержатся на воле и бродят под палящим солнцем, выискивая, чем бы поживиться, под кожей нет ничего кроме жил и костей; а близкородственное скрещивание приводит к появлению смехотворно мелких особей, размером с куропатку. А когда их запирают в курятнике, крысы устраивают там Варфоломеевскую ночь: в августе 1816 года на птичьем дворе Аршамбо они уничтожили сто сорок штук. Нужно сказать, что крысы вообще чувствуют себя здесь хозяевами: они уничтожают провизию даже в столовой, устраивают шум на чердаке, где живут слуги, и по ночам кусают лошадей в конюшнях; однажды даже видели, как крыса выползла из-под лежавшей на столе шляпы Императора. Здесь много разнообразной рыбы, но она не идет ни в какое сравнение с той, что ловят в Европе. Мясо у нее обычно довольно безвкусное, плотное и жесткое, и, по мнению одного из лонгвудских поваров, только два вида хоть на что-то годятся: он называл их «старушка» и «игла». Иногда ловили мелкую макрель, сухую и невкусную, и множество крупных рыб, одна хуже другой, похожих на катранов. Ну а овощи привели бы в отчаяние любого европейского садовника: почва, тяжелая и вязкая зимой, сухая и твердая летом, подходила лишь для самых неприхотливых культур — капусты, свеклы и репы, которые достигают здесь довольно больших размеров и занимают главное место в рационе местных жителей. Но овощи, к которым привыкли французы, такие, как фасоль, зеленый горошек, сельдерей, артишоки или спаржа, чахнут под этим иссушающим солнцем и становятся волокнистыми и жесткими. «Фрукты здесь, можно сказать, никуда не годятся, — сообщает повар Императора. — Апельсины и лимоны из-за переменчивого климата едва успевают созреть, абрикосы и виноград безвкусны,

потому что не достигают полной зрелости. Зато тут много бананов, которые мой товарищ, предварительно замариновав в роме, использовал в качестве начинки для пирожков. Но здесь не сыщешь ни яблок, ни груш, ни персиков. Иногда мы получали яблоки и груши с мыса Доброй Надежды и сушеные фрукты из Китая; но они были скверными на вкус».

А как насчет Хадсона Лоу? Неужели он сам и собиравшееся в Плантейшн Хаус общество также довольствовались этим спартанским рационом? Да нет, по приказанию этого милейшего человека у него в стойле откармливается скот для его личного потребления.

Проблемы были даже с водой! Она доставлялась в Лонгвуд в старых бочках или по открытому водоводу; отвратительная, даже грязная, она, по мнению доктора О'Мира, была причиной дизентерии, свирепствовавшей на острове.

— Здесь легче достать бутылку хорошего вина, чем бутылку хорошей воды! — вздыхал Наполеон.

Климат

Другим важным фактором повседневной жизни является климат. Относительно климата Святой Елены нет единого мнения. Некоторые авторы, хотя им и не довелось испытать его лично, уверяли, что он великолепен; другие, пожив там, объявляли его отвратительным, но и для тех, и для других главное было — убедить в правильности своей точки зрения. Однако говорить надо не о климате Святой Елены, а о климате Лонгвуда, о том, что жители острова, покачивая головой, называют *Longwood weather* — лонгвудской погодой, поскольку с момента своего водворения там в декабре 1815 года и до самой смерти в мае 1821 года Наполеон покидал плато только во время коротких прогулок, да и то лишь в ближних окрестностях. Климат Лонгвуда с его ветрами, влажностью, туманами и резкими перепадами температуры ничем не напоминает знойную, сухую, одним словом, тропическую атмосферу Джеймстауна, крохотной столицы, приютившейся среди гор-

ных склонов с выходами глинистых и латеритовых пород. Первым свидетелем обвинения является доктор О'Мира, который, будучи врачом, хорошо знает, что благоприятно, а что вредно для здоровья.

«Жители острова были изумлены, узнав, что местом обитания Императора избран Лонгвуд; на этом бесплодном плато ни одна семья не могла жить более нескольких месяцев в году. На равнине постоянно дуют влажные юго-западные ветры; из-за возвышенного положения большую часть года ее либо окутывают туманы, либо заливают дожди».

Далее следуют медицинские соображения, отнюдь не утратившие за давностью лет своей ценности, ибо в ту пору они были определяющими для установления диагноза и назначения соответствующего лечения:

«Причиной большей части болезней, поражающих человеческое тело, являются резкие перепады температуры, особенно когда они сопровождаются сыростью. Внезапный переход от жары к холоду вызывает сужение сосудов на поверхности тела, так что кровь концентрируется в каком-нибудь из внутренних органов. Резкие атмосферные изменения в некоторых странах, как, например, в Англии, вызывают легочные заболевания; в тропиках же, где у людей весьма уязвима желчная система, они являются причиной заболеваний печени. Взаимозависимость, существующая между кожными покровами, печенью и кишечником, была очевиднейшим образом доказана огромным числом тяжелых поражений двух последних органов, регулярно выявляемых на Святой Елене, где погода меняется так часто и так стремительно и где царит такая высокая влажность».

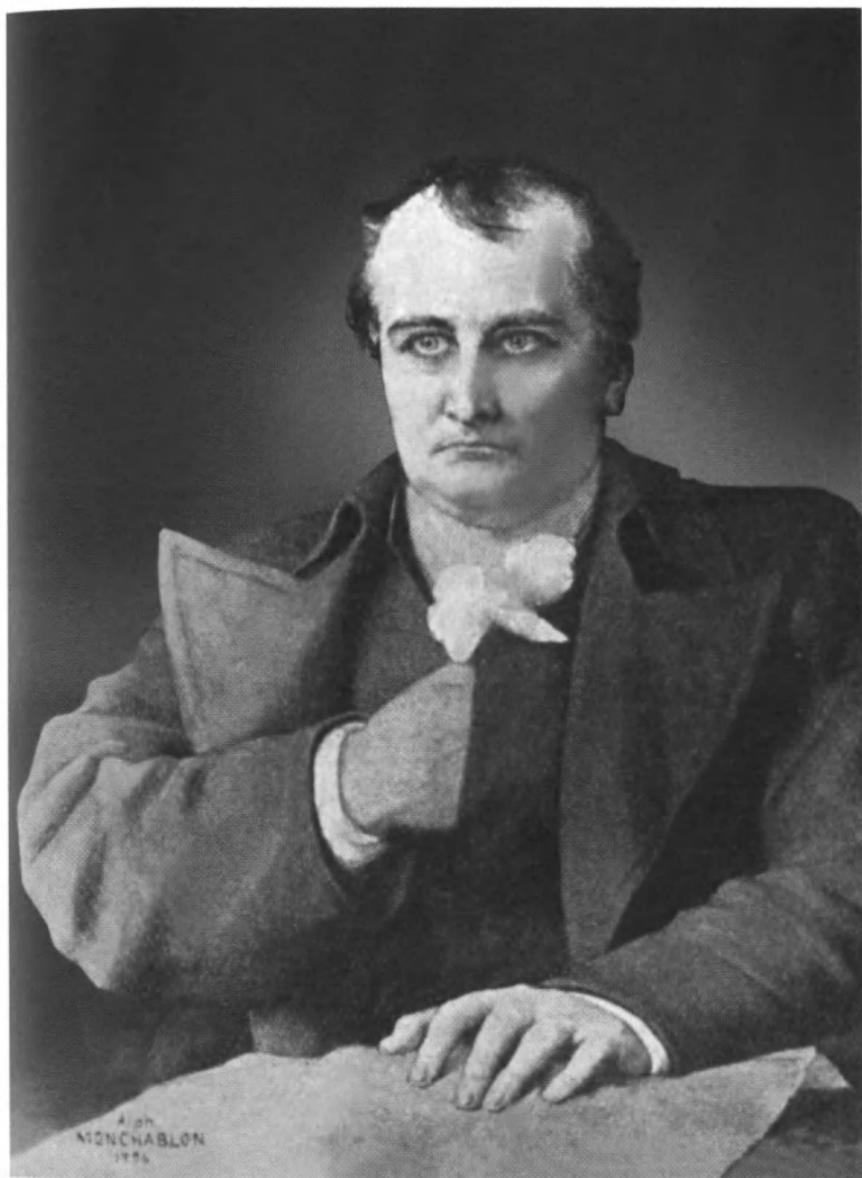
Эти несколько фраз отражают истинное положение вещей. На плато Лонгвуд годовые осадки в среднем составляют от 0,8 до 1,2 метра, то есть больше, чем в Бретани; для острова в целом эти показатели колеблются от 0,75 до 1,1 метра, а количество дождливых дней в году равно 224—288, и это еще не самый большой недостаток местного климата. Смены времен года практически не существует, а если теоретически существуют зима и лето и если по календарю сезон дождей имеет место с марта по сентябрь, то и летом, которое длится с сен-

тября по февраль, также идут дожди, причем крайне вредные для здоровья. На этой высоте и в этом климате опасным является не количество осадков, а то, в какое время года они выпадают. Летние дожди, соприкасаясь с раскаленной зноем землей, порождают теплые испарения, окружающие Лонгвудский дом, как утренние туманы у нас в сельской местности; но у нас они освежают, предвещая сухую жару; здесь же они влажные и действуют столь угнетающе, что европейцы и местные жители жалуются на утомление и даже на депрессию. Следует также принимать во внимание суточные перепады температуры, и по сей день вызывающие различные заболевания бронхов, несмотря на комфортабельность современного жилья и новые способы лечения. В разгар лета на лужайках Лонгвуда термометр показывает 25 в тени, а как только солнце садится, исчезая за серой линией форта Хай Нолл, ртутный столбик опускается до 15°, и дневной зной мгновенно сменяется альпийской прохладой. В первое время французы, введенные в заблуждение дневной жарой, и в сумерки оставались в саду в кашемировых брюках, белых чулках и ситцевых платьях, а затем страдали от насморка, боли в горле, бронхитов и катаров, не говоря уже об описанных Али приступов чихания у Наполеона, от которых у него перехватывало дыхание и которые являются формой бронхиальной астмы и по сей час распространенной на острове.

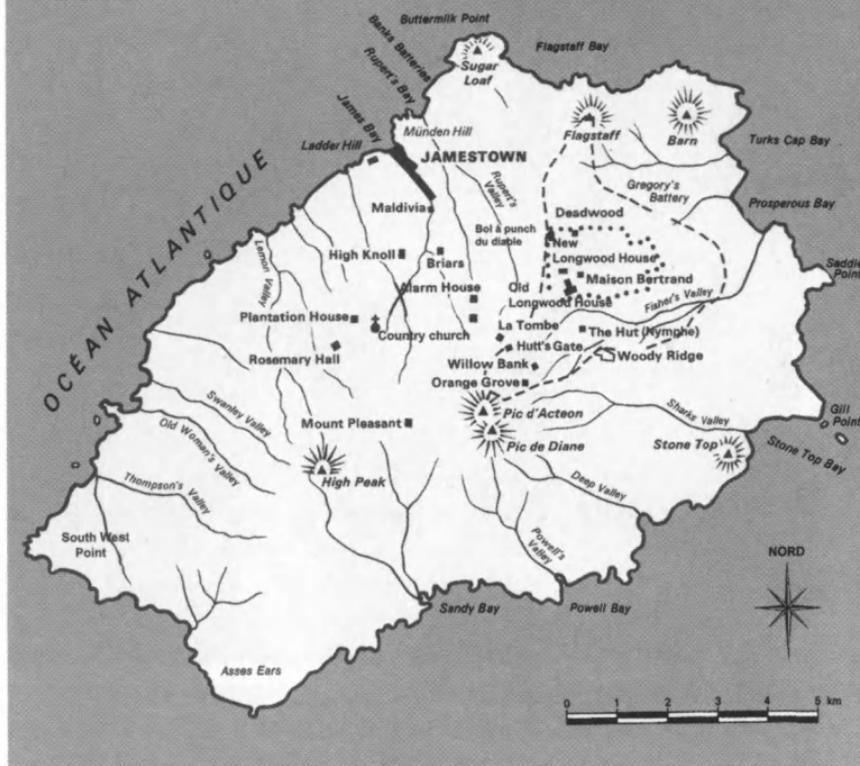
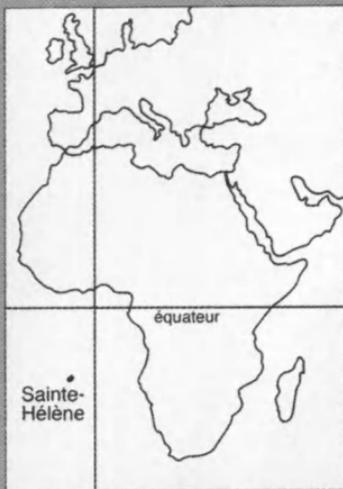
— На этом проклятом острове (*isola maladetta*), — ворчал Наполеон в сезон дождей, — не видно ни луны, ни солнца, только нескончаемый дождь и туман.

А летом здесь дует бешеный ветер, насыщенный дождем и туманом, и никакой тени!

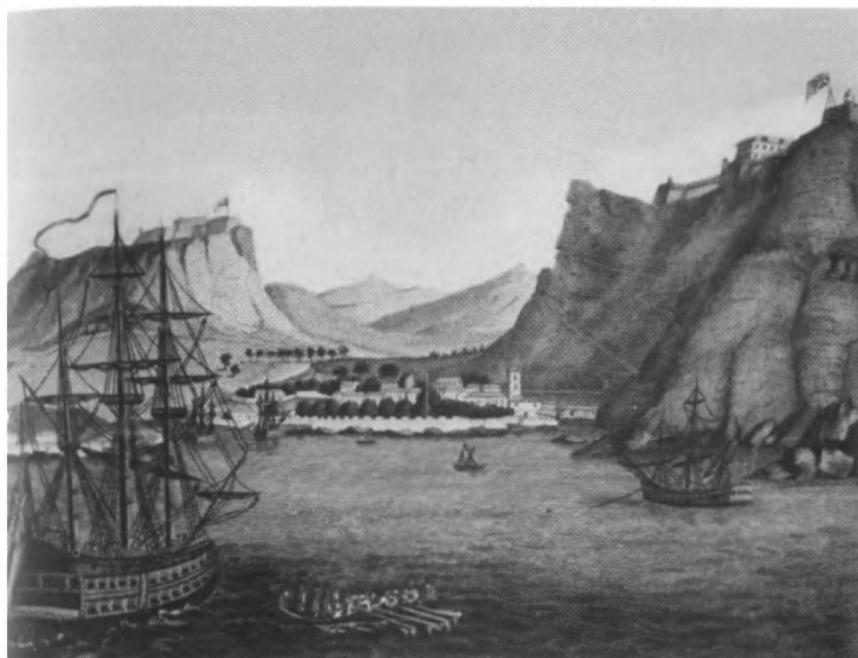
Дующий месяцами сильный юго-западный ветер зимой дышит ледяным холодом, весной становится влажным и парным, а сменившись в феврале на северный, делается жарким и душным. Разница между температурой земли и атмосферы ведет к образованию облаков, изливающихся дождями, что характерно для всех островов Атлантического океана, а ясные дни можно сосчитать по пальцам. Солнце обычно скрыто тяжелыми, темно-серыми, почти неподвижными тучами,

Наполеон на острове Святой Елены. С картины А. Моншаблона

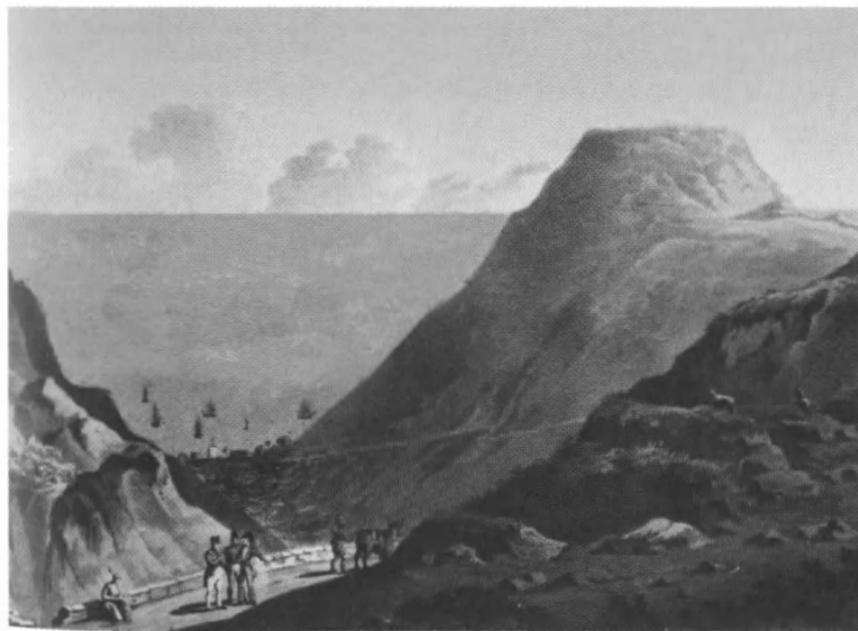

Карта острова Святой Елены

Прибытие «Нортумберленда» на остров Святой Елены 15 октября 1815 года

Вид на Джеймстаунскую бухту

Хадсон Лоу

Дом Портеса,
в котором Наполеон
провел
свою первую ночь
на острове

Томас Рид

Майор Горрекер

Лонгвуд Хаус

Полковник Бингэм

Адмирал Джордж Кокбэрн

Лонгвуд и Новый Лонгвуд

Адмирал Роберт Плэмпин

Адмирал Пултни Малькольм

Наполеон на острове Святой Елены. *И. К. Айвазовский. 1897*

Граф
Луи Марشان

Генерал
Гурго

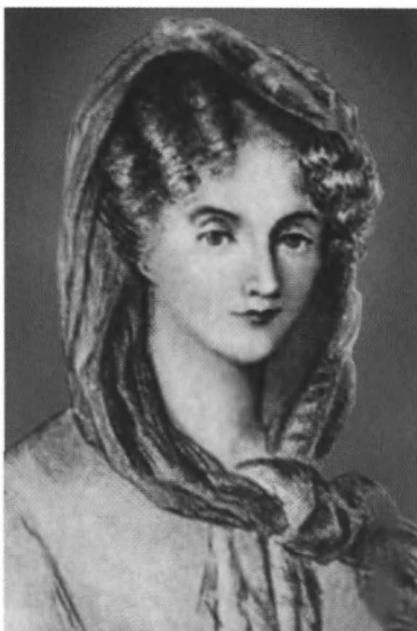
Граф
Эмманюэль де Лас Каз

Наполеон со своими спутниками на острове Святой Елены.
Гравюра Жазе с картины Мартине

Граф
Шарль Тристан де Монтолон

Альбина де Монтолон

Граф и графиня Бертран

Уильям Балькомб и его супруга

Наполеон на острове Святой Елены. С картины *Вослара*

Лаура Уилкс

Бетси Балькомб

Наполеон с барышнями Балькомб в саду владения Бриаров

Наполеон на острове Святой Елены. С картины Верне

Садовник Святой Елены. С рисунка Фрея

Кабинет, в котором Наполеон принимал посетителей.
Современный вид

Доктор Стокоу

Доктор О'Мира

Доктор Арнотт

Смерть Наполеона

avril 1816-1821 longevod. quinzième pag.
"1814"
 cet est un vœu. Demme testament.
 1° je desire que mes cendres reposent sur les bords
 de la Seine au milieu d'un peuple
 français que j'ai tant aimé -
 2° je lègue au sieur Bertrand, marchand
 et marchand d'argenterie, bijoux, argenterie
 porcelaine, meubles, livres, armes -
 et généralement tout ce qui me appartient
 dans l'île de A. Helou
 ce vœu est écrit sur un
 papier est signé et scellé comme

Napoleon

Завещание Наполеона. 15—29 апреля, остров Святой Елены

Похороны Наполеона на острове Святой Елены

Дом-музей Наполеона на острове Святой Елены. *Современный вид*

Семейство Бертран у могилы Наполеона

сквозь которые льется резкий свет, или же тучами, стремительно мчащимися по небу, между которыми время от времени проглядывает огненный диск солнца. Иногда ясное утро оборачивается проливным дождем в полдень, а бурная ночь с ливнем и вырванными с корнем дубами — безмятежным утром, словно срисованным с японской гравюры. Но совершенно непереносимы здесь август и сентябрь: низкие облака, нависающие над скалами на высоте 500 метров, полностью окутывают плато; небо становится тусклым, видимость сокращается до нескольких метров, потоки воды стекают по кустам и деревьям, каминьы чадят, волы и ослы прячутся под чахлыми деревьями или за низкими стенами загонов. Один бурский офицер, интернированный в лагерь Дедвуд в конце XIX века, в письме своим родным, осмелившись пошутить, дал наилучшее определение этого странного климата: «На Святой Елене есть два времени года: короткий сезон долгих дождей и долгий сезон коротких дождей».

Чередование жары и прохлады, засухи и сырости, затишья и ветров губительно действует на людей и на растения. Едва на омытом дождем и согретом теплом кустике появляются почки, как внезапная сушь и яростный ветер вновь обнажают его. Только соберешься, выйдя на плато, погреться на утреннем солнышке, как начинают падать крупные дождевые капли, предвещающая появление ватных облаков. Какое испытание для людей, прибывших из страны с умеренным климатом, где к радости смены времен года добавляется неторопливое и животворное чередование тепла и холода. А для Наполеона, родившегося на Корсике, с ее идеальным климатом, оно было еще более тяжким, чем для его спутников. Английские врачи в ответ на это утверждение категорически заявляли, что сырость вредна только при значительных перепадах температуры, что между 15° и 25° разница ничтожна и что в 1815 году на Святой Елене функционировал госпиталь для «чахоточных», находящийся на той же высоте, что и Лонгвуд. Но на западе острова, а следовательно, в районе, защищенном от ветра и, без сомнения, более здоровом! Наполеон очень страдал от избыточной влажности, дости-

гавшей в сезон дождей 88%. Али рассказывает в своих мемуарах: «Когда он позже обычного возвращался с прогулки, надышавшись сыростью, у него по большей части начинался насморк; и мы знали, что нас почти наверняка ждет бессонная ночь, если он после первого пробуждения вставал; сначала он чихал, за чиханием следовал все усиливающийся кашель, который лишь с большим трудом удавалось остановить. Он кашлял так громко, что было слышно во всех уголках дома. Во время этого дящегося час или два приступа он беспрестанно чихал, сморкался, кашлял и плевал, что сопровождалось очень сильным отделением мокроты». В наше время любой аллерголог без труда диагностировал бы бронхиальную астму, о которой мы уже говорили и которая в наши дни все еще свирепствует на острове. Причин тому множество, но в том, что касается нашего царственного пациента, она вполне могла быть следствием сырости в Лонгвуде.

— Проклятая страна! Здесь вечно плохая погода, — уныло повторял он. — *No e paese cristiano!*

Местоположение дома и его архитектура не позволяют рассеять всепроникающую сырость: в его конструкции не предусмотрено ни погреба, ни системы вентиляции. Задуманный как летняя резиденция, дом был построен на очень легком фундаменте из вулканического туфа. Глинистая почва Лонгвудского плато прекрасно сохраняет прохладу летом, но зимой... Зимой одежда, кожаные изделия, шторы — все покрывается тонким слоем беловатой плесени, что повергает французов в изумление. Альбина де Монтолон без конца вздыхает: «Климат здесь до крайности неприятный, сырой, переменчивый, после захода солнца уже нельзя выходить из дома». Горрекер уверяет, что в его кабинете в Плантейшн Хаус «стены покрыты плесенью толщиной в два сантиметра», что в 1818 году довело его до приступа ревматизма. Что же касается иностранных комиссаров, то они используют этот отвратительный климат в качестве весомого основания для жалоб и просьб, кои адресуют своим дворам.

Вопреки всякой логике, отопление не делает воздух суше, и уровень сырости возрастает одновременно

с повышением температуры. Напрасно Император, зябкий и не без оснований опасющийся могильной сырости этого дома, приказывает бросать в камин тонны дров. Дрова, увы, сырые! Изгнать сырость не удастся, — даже в его спальне обнаруживаются сгнившие доски — а камин, плохо греющий из-за скверной тяги, делают еще более неуютными часы, которые он проводит за чтением или предаваясь грустным размышлениям. Хадсону Лоу известно обо всех этих неудобствах, но когда встает вопрос о смене резиденции «генерала» и заходит речь о Плантейшн Хаус, он цинично говорит русскому комиссару:

— Я не хочу уступать Плантейшн Хаус французам. Они там испортят всё, и потом леди Лоу будет хуже чувствовать себя в Лонгвуде, и я никогда не пожертвую здоровьем своей жены ради прихоти Бонапарта.

Болезнь

Если обратиться к дневникам, которые велись в окружении Наполеона как французами, так и англичанами, то нельзя не заметить, какое огромное влияние оказывали на состояние его здоровья разные мелкие события повседневной жизни и те условия, в коих его принудили существовать. Все эти документы, равно как и свидетельства врачей, представляют своего рода историю его болезни.

В течение шестидесяти семи месяцев плена Наполеон находился под наблюдением четырех врачей: ирландец доктор О'Мира, служивший в Королевском военном флоте, пользовал его с июля 1815 года по июль 1818 года; затем его осматривал судовой врач Стокоу; доктор Антоммарки, корсиканский врач, присланный матерью Императора и кардиналом Феш, находился в Лонгвуд Хаус с сентября 1819 года до смерти Наполеона; в последние месяцы ему ассистировал доктор Арнотт, врач 20-го британского полка.

Легче всего было доктору О'Мира, по крайней мере с медицинской точки зрения. Действительно, в 1816 году Наполеон жаловался лишь на боли в горле, мигрени,

ломоту, являвшуюся следствием гриппозной лихорадки, а в октябре он перенес острый приступ дизентерии, вызванной, как полагают, некачественным вином. Так как сделанный Гурго анализ выявил наличие красящих веществ и окиси свинца, то причиной этого недомогания сочли отравление свинцом. В конце года как-то ночью с ним случился странный «нервный припадок со страшной головной болью, непроизвольным подергиванием членов», головокружением и обмороком; ирландец тотчас же заговорил об «апоплексии». Физически Император все еще тот же человек, каким он был во время путешествия на «Нортумберленде» и которого так описал доктор Уорден: у него бледное, одутловатое лицо, глядя на которое можно подумать, что он всю жизнь безрассудно растрачивал свои силы; он располнел и отяжелел из-за вынужденного бездействия после отречения, но также из-за дурной привычки есть неважно что и неважно где, на ходу, за несколько минут; а главное, он был безмерно утомлен бременем абсолютной власти, которую не желал ни с кем делить и ради которой пожертвовал всем — покоем, наслаждениями и богатством.

В начале 1817 года приступ дизентерии, свирепствующей на острове, меняет все. Маршан подробно описывает случившееся: Император, здоровье которого было еще довольно крепким, заболел дизентерией, и болезнь стала развиваться «так стремительно, что не могла не вызвать серьезных опасений». Затем в марте — апреле у него стали сильно отекать ноги, особенно лодыжки, а с возобновлением дизентерии появились озноб и боли в брюшной полости. Все это сопровождалось общей слабостью, замеченной окружающими: «Наполеон болен, он не обедает. Он почти не спал, очень плохо себя чувствует и скверно выглядит. Он печален и утомлен. Император засыпает, играя в шахматы, он не заканчивает партию и удаляется к себе в 9 часов». Он вздыхает: «Гурго, я не могу больше ходить». Сентябрь на Святой Елене самый скверный и самый труднопереносимый месяц, с его дождями, ветрами, туманами и промозглым холодом, и доктор О'Мира записывает 7 сентября 1817 года:

«Наполеон жалуется на ревматические боли и легкую головную боль, что он не без оснований считает следствием сырости в доме. “Каждый вечер, — говорит он, — когда я уйду из маленькой гостиной, где топится камин, и войду в свою спальню, у меня такое ощущение, словно я попал в сырой погреб”».

Но в конце этого же месяца появляются симптомы более серьезного расстройства здоровья.

«Я пришел к Наполеону в 9 часов, и он пожаловался на болезненность конечностей. Ноги у него, особенно левая, распухли, а на лодыжке, после нажатия пальцем, оставалась вмятина. У него нет аппетита. Иногда возникают позывы к рвоте».

В начале октября врач поставил более точный диагноз.

«Он пожаловался на глухую боль в правом подреберье, непосредственно под ребрами. Он мне сказал, что вчера утром в первый раз почувствовал в правом плече неприятное ощущение, похожее скорее на онемение, чем на боль, легкое раздражение в горле, вызывающее желание кашлять, и пожаловался на плохой сон. Он сказал, что испытывает желание опереться и прижаться боком к чему-либо; десны рыхлые, ноги слегка отекают, пульс 68, аппетит довольно хороший. Он сказал, что чувствует в правом боку что-то, чего не чувствовал раньше. Я сказал ему, что это может быть вызвано перегрузкой нижней части брюшной полости, и посоветовал принять слабительное; далее я сказал, что если затронута печень (на острове заболевания печени — дело обычное) и если болезнь будет прогрессировать, то появятся другие симптомы, и тогда можно будет с уверенностью утверждать, что это гепатит».

Начиная с этой даты появляются все новые расстройства, и здоровье Наполеона неуклонно продолжает ухудшаться; в общей клинической картине доминируют симптомы упадка сил: астения, бессонница, расстройство пищеварения, сопровождаемое запорами, вздутием живота, не проходящие головные боли, уныние, перепады настроения и даже явления сатириазы, когда он обрушивается на графиню Бертран с оскорбительными словами, обвиняя ее в том, что она

отвергла его авансы. Доктор О'Мира описал один из таких приступов депрессии:

«Он жаловался на сильную головную боль. Он сидел в своей спальне перед камином, и отблески то вспыхивающего, то угасающего огня придавали его лицу странное и до крайности меланхоличное выражение. Скрестив руки на коленях, он, казалось, размышлял о своей несчастной участи.

— Доктор, — сказал он, — что вы можете дать человеку, утратившему сон?»

Типичная клиническая картина меланхолии: бессильная, унылая поза, безжизненно лежащие на коленях руки, застывшее лицо, вялая, прерываемая вздохами речь. Это было начало медленного, но неумолимого разрушения.

5 октября 1817 года врач провел полный медицинский осмотр и констатировал, что правый бок пациента тверже левого. Он обнаружил там заметную припухлость, болезненную при ощупывании. Наполеон признался, что два месяца назад сам заметил эту припухлость, но приписал ее своей излишней полноте. О'Мира назначил обычные в то время лекарства: каломель, растирание конечностей, горячие соленые ванны, противочинготные средства, полоскания и верховые прогулки. Вскоре Наполеон начинает жаловаться на боли в ногах и на сильную утомляемость; 15-го он не находит себе места из-за колющей боли в правом плече, что приводит его в крайнее раздражение. А 27-го он уныл и подавлен. Болезнь наступает медленно и бесшумно; а поскольку серьезных приступов нет, окружающие замечают лишь его раздражительность и утомляемость; так продолжается с ноября 1817 года до марта 1818-го, когда О'Мира сам признает: «Болезнь Наполеона развивается, хотя и очень медленно». Именно в этот момент Хадсон Лоу и решает выслать врача, обвинив его в сговоре с французами. За несколько дней до своей отставки О'Мира записывает в дневнике: «Наполеон очень утомлен катаральным воспалением крайне нехорошего свойства, вызванным чрезвычайной сыростью в его апартаментах». А это июнь, начало периода дождей и самой непереносимой сырости.

Внезапно отстраненный от своих обязанностей и отправленный в Европу, О'Мира даже не успел приготовить лекарства для своего знаменитого пациента, оставшегося в момент обострения болезни с ртутными пилюлями, слабительным и лосьоном для растирания ног. Но он передал обер-гофмаршалу очень тревожную записку:

«В последние дни сентября появились симптомы, указывающие на нарушение функций печени, острые боли, жар, тяжесть в правом подреберье, диспепсия и запор. Начиная с этого момента, болезнь медленно, но неуклонно развивается. Боли, сначала слабые, настолько усиливаются, что возникают подозрения на острый гепатит. На протяжении апреля и мая — обильные желчные и слизистые выделения, поносы и запоры, колики, скопление газов, отсутствие аппетита, ощущение тяжести, тревожное состояние, бледность, темная едкая моча, подавленное состояние духа и головные боли, тошнота, рвота густой едкой желчью, почти полное отсутствие сна, беспокойство и слабость».

Этот длинный бюллетень дает такую точную и реалистичную картину физического состояния Императора в июле 1818 года, что есть смысл привести его полностью еще и потому, что в нормальном обществе он стал бы основанием для того, чтобы перевезти больного в страну с более мягким климатом, где его лечением занялись бы известные медики.

«Болезнь ног возобновилась, но не в такой сильной форме. Головная боль, тревога, тяжесть в надчревной и прекардиальной области, приступы лихорадки с наступлением ночи, горячая кожа, жажда, боли в сердце, учащенный пульс, успокоение и потоотделение на рассвете. В правом подреберье болезненная при наружном прощупывании припухлость. Язык постоянно обложенный; пульс, до болезни составлявший 54—60 ударов в минуту, достигает 88. В доме невыносимо сыро, и Наполеон подхватил жесточайший катар, сопровождаемый высокой температурой и сильнейшим возбуждением. Два года бездействия, губительный климат, одиночество, заброшенность — все это, действуя одновременно, терзает душу. И даже удивительно, что болезнь не раз-

вивалась быстрее. Это объясняется лишь силой духа больного и его крепкой конституцией».

В это время никто не имел ни малейшего представления о психосоматических исследованиях. Однако О'Мира попал в точку. Но что с того? Лишь знаменитые опыты, проведенные в 1944 году в Англии, покажут воздействие нервной системы на функционирование желудка. Эти работы позволят выявить те психические состояния, которые могут вызвать нарушения пищеварения: под воздействием тревоги, напряжения и раздражения слизистая оболочка желудка изменяется и закупоривается. Это открытие с очевидностью покажет, что нервная диспепсия вполне может возникать под воздействием забот, раздражения, агрессивного состояния и пр., а затем могут появляться вторичные органические поражения, в частности язва, которая может усугубляться под воздействием одного лишь нервного напряжения и окончиться кровотечением или прободением.

В январе 1819 года у Наполеона внезапно начался приступ головокружения. Судовой врач с «Конкверор», флагманского корабля, стоявшего в Джеймстаунской бухте, доктор Стокоу, срочно вызванный Бертраном, смог лишь подтвердить заключение О'Мира: хронический запор, гепатит и неизбежный апоплексический удар, предотвратить который можно лишь кровопусканием; а в остальном облегчение должны были дать клизмы и слабительные соли. Тотчас же были приобретены 36 *blue pills*, состоящих из очищенной ртути, измельченных в порошок роз и сладкого раствора, ртутная мазь и слабительное на основе каломели и магнезии. Таким можно утробить и здорового человека! В отчете, представленном начальству, медик уточнял: «Симптомы болезни, проявившиеся прошлой ночью, вызывают серьезные опасения; если не принять срочных мер, исход может оказаться фатальным». Подтверждение диагноза — гепатит — пришлось не по душе губернатору. Эта болезнь свирепствовала на острове, а равным образом и в гарнизоне и среди экипажей судов Королевского флота. После нескольких визитов в Лонгвуд доктор Стокоу получил приказ оста-

ваться на борту судна; затем он был отправлен в Англию, потом возвращен на Святую Елену — место своего «преступления», — чтобы предстать перед военным трибуналом, по приговору которого он был исключен из состава Королевского флота.

Неделей позже больной был, по мнению одного врача, «очень плох», по мнению другого — «просто слаб», но Лоу, по словам майора Горрекера, ограничился тем, что произнес с дьявольской улыбкой: «Попомнят у меня эти врачи о своем поведении в Лонгвуде!»

Участь О'Мира и Стокоу была бы полезным уроком для их преемника, если бы он находился на службе его величества короля Англии. К счастью для него и для беспристрастности его диагноза, он будет французом, и даже корсиканцем. Но, к несчастью для Наполеона, его чудовищное невежество очень быстро заставит с сожалением вспоминать о здравом смысле и основательных познаниях двух британских медиков. «До сих пор, — признавался этот удивительный «профессор» Антоммарки, — я имел дело только с трупами». И вот бывший ассистент в анатомическом театре, нанятый кардиналом Феш в Риме и ничего не смысливший в медицине, примется с самоуверенностью шарлатана лечить своего знаменитого пациента.

С отъезда Стокоу и прибытия «профессора» в сентябре болезнь незаметно, но неуклонно усугублялась, и Бертран отмечал, как его господин слабеет с каждым днем: «Он очень слаб и чувствует недомогание»; «У него болит бок»; «Его беспокоит печень». Чтобы снять боли в брюшной полости, Антоммарки после полного осмотра пациента рекомендует ему прежде всего «психологические средства». По его мнению, Императору не следует целый день оставаться в своих апартаментах, лежа на софе: он должен выходить из дома, разговаривать с людьми, ездить верхом и вообще двигаться; что касается собственно медицинских назначений, то они включали горячие ванны, частые клизмы и ртутные пилюли; последние были с негодованием отвергнуты пациентом. Три недели спустя Антоммарки подтвердил диагноз своих предшественников и официально уведомил Хадсона Лоу о том, что Наполеон страдает хроническим гепатитом.

По совету нового лекаря Император в течение нескольких месяцев будет заниматься своим садом, и благодаря его воле на облезлом плато появятся аллеи, водоемы, купы деревьев и разбитые на французский манер цветники. Еще недавно его имя гремело по всему миру, а сейчас, подобно Диоклетиану в Салоне, он радуется, глядя, как растет дерево или зеленый горошек на грядке. К нему вернулись силы и даже хорошее настроение, с тех пор как с раннего утра в костюме плантатора, опираясь на трость или бильярдный кий, он призывает всех приступить к работе: генералы, врач, священники и китайцы должны приняться за изнурительный труд по расчистке, пахоте и поливу.

Внезапно в июле 1820 года появляются симптомы очень серьезного заболевания: тошнота, боли в области желудка после еды, клинические признаки диспепсии и неуклонное развитие болезни, описанной О'Мира и усугубляемой заботами повседневной жизни, ссорами с Хадсоном Лоу, раздорами в его окружении, поспешным отъездом генерала Гурго и графини де Монтолон, невыносимым климатом и окончательной утратой надежды на обретение свободы. Июльское обострение болезни началось после серьезной стычки с тюремщиками: Лоу угрожал изгнать Бертрана, и это известие потрясло Наполеона гораздо больше, чем он осмелился выказать это наружно. И хотя он в какой-то мере жертвовал своими приверженцами ради Монтолона, обер-гофмаршал оставался высшим коронным чином и, стало быть, украшением этого маленького двора в изгнании. У него сделался сильный жар, сопровождаемый болями в печени и уменьшением подвижности суставов, и Антоммарки заявил, что все дело в плохом функционировании пищеварительной системы и нарушении деятельности желчевыводящих органов. На самом же деле больной был обречен погибнуть от болезни, которую врач не мог распознать и в которой разберутся лишь много лет спустя. Он, конечно, еще борется, ест, пытается совершать прогулки в коляске или пешком; но малейшее напряжение лишает его сил и, возвращаясь в Лонгвуд, он жалуется на острую режущую боль в боку, а Антоммарки назначает ему клизмы

и вытяжной пластырь — почему-то на руку, — тогда как речь шла о желудке!

Наполеон, уже обреченный и измученный борьбой своего могучего организма со снедающей его болезнью, находит некоторое успокоение лишь в тишине своей спальни.

— Какое счастье лежать в постели, доктор. Это блаженство я не променяю на все страны мира.

Мгновение спустя он тихо произносит строку из Вольтера:

Но я не должен более мечтать о возвращении в Париж.
Вы видите, что я уже готов сойти в могилу.

В январе 1821 года Монтолон в письме к жене рисует удручающую картину его состояния: «Желудок его не принимает никакой пищи. Каждые шесть часов его кормят чем-нибудь легким. Он все время лежит в полудреме на кровати или на диване. У него совершенно бесцветные десны, губы и ногти. Ноги его, постоянно обернутые фланелью и горячими салфетками, остаются холодными. Он говорит: “В лампе больше нет масла”». Анорексия, вздутие живота, боли в надчревной области, запоры и возрастающая слабость свидетельствуют о желудочном заболевании. Генералы Бертран и Монтолон, сколь бы малосведущи в медицине они ни были, не могут не заметить этого стремительного ухудшения. «Вряд ли он еще долго протянет, — пишет Монтолон своей жене, — но наш доктор уверяет, что перемена климата могла бы его спасти. Однако я скорее надеюсь, чем верю в это, ибо сейчас он более напоминает труп, чем живого человека». То, что видит генерал на лице больного, безусловно свидетельствует о раковом заболевании: серый цвет лица, глубоко запавшие глаза, лицо, на котором застыло выражение тревоги и боли.

Смерть

В марте его постоянно рвет, и Антоммарки начинает говорить о перемежающейся желудочной лихорадке, затем назначает две дозы рвотного, две дозы совершен-

но варварского рвотного для истощенного, изглоданного болезнью желудка! Наполеон испытывает адские муки, катается от боли по полу, а затем упорно отказывается принимать какие бы то ни было лекарства, назначенные корсиканцем. Именно в это время Хадсону Лоу приходит в голову совершить самый неуместный и бестактный из своих поступков: офицер британской охраны уже несколько дней не видел больного, — а как могло бы быть иначе, если тот фактически прикован к постели, — и губернатор хочет удостовериться в том, что он на месте. Если «генерал» не хочет показаться добровольно, мы войдем к нему силой! Ошеломленные Бертран и Монтолон решают тогда пригласить для консультации британского врача, что позволит одновременно успокоить губернатора и облегчить непростое положение доктора Антоммарки. Они остановили свой выбор на враче 20-го полка докторе Арнотте. Последний явился, чтобы осмотреть больного, но, как осторожный медик и предусмотрительный политик, предпочел не углубляться в суть дела и не выносить окончательного решения. Он более других в ответе за смерть Императора, ибо, будучи столь же невежественным, как и корсиканский «профессор», он намеренно действовал во вред больному. Чтобы угодить губернатору, он очень многословно рассуждает об ипохондрии и о том, что болезнь является скорее нравственной, чем физической. 5 апреля он заявляет, «что во время своих визитов он ни разу не заставал генерала в том состоянии, о котором говорил Антоммарки. Он не считает болезнь генерала серьезной, полагая, что он более страдает морально, чем физически». Он даже заверил генерала Бертрана, что больному не грозит никакая опасность, и посоветовал последнему встать и побриться. «Доктор Арнотт постарался представить Наполеона менее больным, чем тот был на самом деле, — отмечает майор Горрекер. — Он говорит, что его состояние совсем неплохо, ибо знает, что это доставит удовольствие губернатору».

Сэр Хадсон, действительно, совершенно доволен. 17 апреля он заявляет: «Я вас уверяю, что его болезнь есть результат его грубого поведения по отношению

ко мне. Если бы у него был выбор, сейчас он действовал бы иначе. Пусть кто-нибудь неожиданно с криком войдет в его комнату, и вы увидите, что он тотчас вскочит на ноги».

Право же, подобный шок — странное лечение для человека, медленно угасающего от язвы, разъедающей его желудок. Две недели спустя доктор Арнотт был вынужден переменить мнение. В согласии с Антомарки он немедленно назначил пилюли, чтобы освободить подчревную область, и хинные отвары для снижения температуры и укрепления организма. Только шарлатан может предлагать подобные средства в той стадии болезни, когда постоянная рвота и тот факт, что пища, съеденная накануне, регулярно извергается утром, позволяет предположить, что затронут пилор — выходная часть желудка. Когда 25 апреля Арнотт замечает в тазу следы крови, он все еще не решается сказать, что речь идет о тяжелой и смертельной болезни, и говорит лишь о «нарушении деятельности пищеварительных органов».

Гораздо более здравомыслящий, чем эти «специалисты», Наполеон идет прямо к цели и в тот же день требует от Арнотта сказать, что он *знает* о его болезни.

— Сколько отверстий имеется в желудке? Как закрывается пилор? У моего отца была опухоль пилора; поддается ли она лечению?

Затем он требует прощупать ему бок.

— Это пилор?

— Нет, это печень.

— Вы можете обнаружить, есть ли что-нибудь в пилоре?

— Нет, это невозможно, он находится под печенью.

Засыпанный градом вопросов, шотландец понимает, что Император хочет во что бы то ни стало узнать, поражен ли пилор, так как врачи в Монпелье как-то сказали ему, что эта болезнь передается по наследству. Врачи колеблются, не решаются сказать правду и лукавят со своим знаменитым пациентом. Последний же все время думает об агонии своего отца Шарля Бонапарта, умершего в расцвете лет от опухоли пилора, несмотря на все усилия врачей знаменитого медицинского факультета в Монпелье. Он прекрасно понимает, что все кончено,

и потому уже сделал все необходимые приготовления. 10 апреля он заговорил о завещании, а 12-го продиктовал его план Монтолону. Чтобы проанализировать этот документ, на котором помечено «Лонгвуд, остров Святой Елены, 16 апреля», понадобился бы целый том или по меньшей мере целая глава, потому что в нем теснейшим образом переплетаются политика и чувства, величие и простота, императорская щедрость и буржуазная педантичность. Как-то вечером лакеи, отгонявшие мух от его изголовья, сказали ему, чтобы вывести его из оцепенения, будто по небу с востока на запад промчалась комета. В ответ он выдохнул:

— Она появилась, чтобы ознаменовать конец моего пути.

27 апреля, в присутствии двух врачей, у него началась сильная рвота, и Арнотт наконец решился уведомить Хадсона Лоу о том, что болезнь крайне серьезна. Отныне и до 5 мая, дня избавления от мук, это будет долгая череда мучений: рвота цвета кофейной гущи, икота, затрудненное дыхание, учащенный, неровный пульс, понижение температуры. 1 мая с Наполеоном случился обморок, 3-го он принял последнее причастие, и в тот же день двое других безграмотных лекарей назначили ему 10 гран каломели.

Болезнь, зашедшую отчаянно далеко,
Можно облегчить лишь отчаянными средствами.

Неслыханно огромная, совершенно неуместная доза этого снадобья вызвала чудовищное кишечное расстройство, сопровождаемое потерей сознания, затрудненным дыханием, охлаждением конечностей, всеми признаками желудочно-кишечного кровотечения. Об агонии тотчас стало известно на острове, и бал по случаю открытия сезона скачек, который должен был состояться в Дедвуде, был отменен: под окнами умирающего не танцуют. Один этот факт должен был показать миру, какое уважение внушал к себе знаменитый изгнанник. По прихоти случая в этот день торговое судно «Ватерлоо» встало на якорь в Джеймстаунской гавани.

Раствор эфира и опия дает больному облегчение до следующего дня, того дня, когда этот удивительный человек, оторвавшись от земли, покинет ее берега и неторопливыми шагами удалится в царство Вечности. Это случится 5 мая в 17 часов 49 минут. «Снедаемый внутренней язвой, растравляемой печалью, — пишет Шатобриан, — он носил ее в себе и в пору процветания; это был единственный дар, полученный им от отца. Все остальное досталось ему от щедрот Небес».

Кто-то из его верных товарищей остановил маятник часов, а слуги закрыли лицо покойного, чтобы защитить его от роя мух, жужжавших в комнате.

В Плантейшн Хаус Хадсон Лоу обронил с высоты своей глупости:

— Я не считал Бонапарта выдающимся человеком ни по характеру, ни по таланту, ни по уму.

А в Вене Меттерних, который благодаря этой смерти стал арбитром для всей Европы, признался:

— Вы, может быть, думаете, что, узнав о его смерти, я был рад исчезновению великого политического противника? Совсем наоборот. Я испытал чувство сожаления при мысли, что этот великий ум никогда больше не будет моим собеседником.

ПЛАНТЕЙШН ХАУС

Зеленая, извивающаяся в виде буквы W дорога ведет к расположенному в пяти километрах от Лонгвуда Колониальному дому — Плантейшн Хаус, который вместе с Лонгвуд Хаус вошел в историю, когда на остров Святой Елены прибыл Наполеон. Белая полукруглая ограда, дом смотрителя, спускающаяся вниз по склону аллея, обсаженная голубыми агапантами, ведут к террасе перед фасадом этой резиденции губернаторов Святой Елены. Ее можно было бы принять за загородный дом богатого английского буржуа, если бы не британский флаг, развевающийся на фронте. Два этажа, плоская крыша, портик в стиле эпохи короля Георга — все это достаточно банально, но великолепный вид на море придает очарование садам; внутреннее устройство, также не лишенное шарма, должно было привести в восторг человека, который, подобно Лоу, всю жизнь терпел неудобства походной или гарнизонной жизни. По сравнению с унылым зрелищем ведущей от Джеймстауна на эту высоту дороги, где нет ничего кроме прилепившихся на склонах лачуг, корявых кактусов, скал и оврагов, где бродят отощавшие животные, парк, должно быть, показался ему не менее величественным, чем Виндзорский; действительно, на этом острове, где почти нет тени, где зелень встречается лишь изредка, где постоянно дует изнуря-

ющий ветер и не хватает воды, он, вероятно, был удивлен и восхищен, оказавшись посреди этого европейского оазиса, где много растительности, где зеленеют подстриженные и ухоженные лужайки и все дышит свежестью и покоем. Построенное в 1791 году, это скромных размеров здание было кое-как обставлено не слишком сведущими в искусстве украшения дома и сочетании стилей военными Индийской компании; а потому тотчас по прибытии Лоу понял, что здание следует расширить, дабы разместить там работающий под его началом персонал и создать обстановку, достойную тех высоких, по его мнению, обязанностей, кои были на него возложены. Со временем он добавит библиотеку, — просто сделав перекрытие над центральным двором, а также бильярдную, детскую комнату, буфетную и крыло для слуг. Таким образом, в его распоряжении окажутся двадцать семь комнат, высоких, с хорошей вентиляцией, просторных, но несколько унылых и суровых. Обстановка вскоре станет главным предметом его забот, и депеши, отправляемые им в Лондон, изобилуют просьбами о доставке мебели и прочих предметов, отдельные из которых находятся там и по сей день. «Служители Короны», как несколько старомодно именуют британских колониальных чиновников, будут приходить сюда, чтобы осведомиться о расположении духа всемогущего губернатора: утром они будут получать инструкции, а вечером с каким-то ребяческим тщеславием наслаждаться возможностью провести несколько часов, стоя с бокалом вина и обмениваясь банальными фразами, которые дают им ощущение причастности к тайнам местной политики. Хадсон Лоу вскоре поймет важность этих официальных приемов, на устройство которых он не скупится, и не станет обращать внимание ни на обиды одних, ни на критику других. Он прекрасно знает, что в этом уединении, где равно изнемогают от скуки и штатские, и военные, пригласительный билет с золотым обрезом и магическими словами: «Его Превосходительство Губернатор и леди Лоу просят г-на такого-то оказать им честь своим посещением...» приводит в его лагерь даже тех, кто изначально настроен против него.

На первом этаже, расположенном почти что на одном уровне с парком, находятся комнаты для официальных мероприятий: холл, украшенный портретами государей, салон, столовая на тридцать персон, библиотека и службы; на втором — личные апартаменты: спальни и будуар леди Лоу, а также комнаты для важных посетителей и офицеров штаба. Выйти отсюда можно лишь через апартаменты первого этажа, и здесь все живут в такой же тесноте, как и в Лонгвуд Хаус. Это напоминает казарменную жизнь: совместные трапезы с сидящим во главе стола хозяином дома, которому нет нужды быть любезным со своими подчиненными, и под бдительным оком леди Лоу, от которой не ускользает ни одна мелочь; местные сплетни и язвительные замечания низших чиновников. В записках майора Горрекера, наспех сделанных после этих непродолжительных застолий, полно жалоб на поведение всемогущей и отнюдь не склонной к снисходительности четы.

Сэр Хадсон Лоу

14 апреля — воскресенье и к тому же первый день Пасхи; погода стоит отвратительная и дождь льет почти не переставая. Около полудня выстрел пушки на Сторожевой башне возвещает о прибытии английских кораблей, в том числе и «Фазтона», которым командует капитан первого ранга. На этом корабле и прибыли на остров сэр Хадсон Лоу и леди Лоу, ее дочь мисс Шарлотта Джонсон, полковник Листер, военный секретарь майор Горрекер, доктор Бакстер, который возьмет на себя управление госпиталями, майор Эметт, лейтенанты инженерных войск Уртхэм и Уоллес, лейтенант Джексон и немец В. Яниш, штабной писарь. Поскольку не пристало устраивать торжественную встречу губернатора в день Воскресения Господня, высадка состоится только на следующий день. Прежде чем проследовать за губернатором в Плантейшн Хаус, скажем о самом сэре Хадсоне Лоу, генерал-лейтенанте, кавалере весьма почетного ордена Бани, российского ордена Святого Георгия, прусского ордена за Воинскую доблесть. Его

звание и должность звучат внушительно: «Губернатор и главнокомандующий острова Святой Елены». Кто же он такой, этот вчера еще безвестный человек, который, ступив на неприютный берег этого скалистого острова, вошел в историю через узкие врата выпавшей ему неблагодарной роли?

Он родился в Ирландии 28 июля 1769 года под тем же знаком зодиака и в тот же год, что и Наполеон, который младше его на восемнадцать дней. В восемнадцать лет, выбрав военное поприще, он был направлен в Гибралтарский гарнизон, где его отец, имевший чин лейтенанта, служил врачом. Без состояния, без имени, без связей, имея в своем распоряжении лишь несколько гиней жалованья, он вынужден, как некий лейтенант Бонапарт, полагаться лишь на свои силы, свою память и свое честолюбие. Он без особого труда выучил французский, итальянский, испанский и, поскольку *Лондонский сезон*, с его щеголями, клубами и сплетнями, недоступен ему по причине неизвестного происхождения и запальчивого нрава, во время своего военного отпуска он путешествует по Франции и Италии. По окончании отпуска он возвращается в Гибралтар, и его первым гарнизоном военного времени становится Аяччо, где дислоцируется 50-й полк. Там он услышал о Бонапарте и даже видел мадам Летицию и ее дочерей, чей дом реквизирован в пользу британских офицеров в связи с особым положением их родственника Наполеона, находящегося на службе Франции. После Корсики он очутился на острове Эльба, потом на Минорке, где ему поручено организовать корсиканское ополчение, состоящее из эмигрантов и перебежчиков — их называли *Corsican Rangers*.

Во главе этих наемников он прибыл в Египет; высадившись в Абукире, он принял участие в сражении при Александрии. После того как Египет был оставлен, он очутился на Мальте, где после подписания Амьенского мира лишился как своей должности, так и своих войск. Получая лишь половинное жалованье, он предложил свои услуги своему бывшему командиру генералу сэру Джону Муру и в результате получил сначала штабную должность, а в середине 1803 года был направлен со

специальной разведывательной миссией в Португалию. После возобновления военных действий против Франции он направился в Средиземноморье, чтобы снова собрать корпус *Corsican Rangers*; тогда, в тридцать четыре года, он был произведен в подполковники, что являлось весьма достойным повышением, вне всякого сомнения связанным с его успехами в разведывательной деятельности, которая по ту сторону Ла-Манша может вознести или погубить офицера любого рода войск. Вместе со своими наемниками он участвует в различных операциях, которые Англия ведет в этой части Европы, и в частности против Неаполитанского королевства. Осажденный на Капри, он вынужден был капитулировать перед французами, среди которых находился некий Чиприани Франчески — будущий слуга Наполеона в Лонгвуде, умерший в 1818 году от внезапной и таинственной болезни. Выполнив различные миссии на Ионических островах, Лоу получает в январе 1812 года чин полковника и после отпуска в Англии направляется на север Германии, где англичане формируют легион, состоящий из заключенных и дезертиров Германской конфедерации. 20 и 21 мая он находится в Баутцене.

«Однажды утром, — рассказывает он, — на гребне появился вражеский отряд, впереди которого находилась небольшая группа людей, состоявшая, как я понял, взглянув в подзорную трубу, из важных особ. Среди них можно было безошибочно узнать Наполеона Бонапарта. На нем был простой мундир со звездой, обычная, в отличие от шляп маршалов, не украшенная перьями шляпа; его осанка и жесты были точно такими, какими их изображают на его портретах».

Это — первая встреча, пока что на расстоянии, будущего изгнанника и будущего тюремщика, человека, который умел лишь повелевать, с человеком, который умел лишь повиноваться.

Несколько позже Лоу находился, не имея конкретных обязанностей, при штабе Блюхера и имел возможность, в качестве зрителя, наблюдать за сражением под Лейпцигом, именуемым «Битвой народов». В январе 1814 года он все еще находился при прусском мар-

шале и сопровождал его вплоть до падения Парижа; он видел все тринадцать сражений французской кампании (Бриенн-Ле-Шато, Ла Ротьер, Шампобер, Кран, Лан и др.), одиннадцатую из которых командовал сам Наполеон. В своих «Мемуарах» он замечает с отличающей все его донесения наивной претенциозностью: «Во время этих кампаний я исполнял свои военные обязанности, постоянно подвергаясь всем опасностям войны; я неотлучно находился при особе маршала Блюхера и в тот день, когда он был ранен, и когда один из его русских ординарцев был убит рядом с ним».

Момент славы наступил для него с падением французской столицы, ибо он, как единственный британский офицер, служивший в прусской армии, был удостоен чести доставить это известие в Лондон. Он прибыл в *Foreign Office* ночью 9 апреля, когда туда пришло известие об отречении Наполеона в Фонтенбло: оба этих известия тут же попали в дневные газеты. Благодаря прекрасным отношениям с союзными армиями он попадает в список тех, кто в разных странах удостоивается наград, дарованных по случаю падения «Узурпатора». Он получает грамоты ордена Военной доблести от Пруссии и ордена Святого Георгия — от России, сопровождаемые, как он уточняет, весьма любезными письмами. В его собственной стране не так щедры на ордена и ленты, и когда он заявил о своих претензиях на очень почетный орден Бани в награду за свои военные заслуги, ему ответили, что в первую очередь награды заслуживают те, кто сражались при Ватерлоо. Но, получив назначение на Святую Елену, он пустил в ход все свои связи. «Чрезвычайная миссия, ради коей я отправляюсь в дорогу, требует, чтобы я был наделен всеми средствами, необходимыми для того, чтобы оказывать влияние на ум и душу человека, надзирать за которым мне поручено». Вот так он получил вождеденный орден Бани и стал именоваться сэром Хадсоном Лоу. Он заботится о сохранении отношений со своими бывшими командирами и генералами союзных армий, полагая сие крайне важным для карьеры, а потому поддерживает регулярную переписку со многими влиятельными лицами. Он очень гордится этими

отношениями, и, когда на Святой Елене возникает для него угроза со стороны представителя русского царя, он с уверенностью заявляет майору Горрекеру: «Я обладаю большим весом и влиянием, чем его покровитель при русском царе!»

Его сохранившаяся корреспонденция свидетельствует о том, какие усилия он прилагает, чтобы напоминать о себе влиятельным лицам. Все письма ему начинаются одинаково: «С огромным удовольствием, дорогой и многоуважаемый генерал, получил я ваше письмо... каковое свидетельствует о том, что вы не забываете человека, также бесконечно вам преданного». Это от Гейзенау. Или вот еще: «Я получил ваше письмо, мой дорогой генерал, и весьма признателен вам за выраженные в нем чувства. Примите мои наилучшие пожелания в связи с назначением на ту важную должность, коей принц-регент счел вас достойным. Я счастлив, что выбор пал на человека, вне всяких сомнений способного в полной мере исполнить любую возложенную на него миссию. Блюхер».

«Любую миссию ... в полной мере ...» Блюхер без сомнения разбирался в людях.

В этих двух письмах действительно содержались поздравления полковнику Лоу с назначением 14 июля 1814 года на пост главного квартирмейстера британской армии в Нидерландах, находящейся под командованием принца Оранского, с присвоением ему временного звания генерал-майора, то есть бригадного генерала. В этом качестве новоиспеченный генерал становится ответственным за материальное обеспечение армии: довольствие, жилье, оружие и боеприпасы. Момент важнейший и, можно сказать, критический, ибо со скоростью пожара стал распространяться слух о высадке Наполеона во Франции, а Лоу в то время находился недалеко от Брюсселя, в нескольких километрах от деревни с почти английским названием Ватерлоо. В апреле 1815 года Веллингтон взял на себя командование армией в Бельгии, и похоже, что отношения между «железным герцогом» и его подчиненным были скорее прохладными... Веллингтон, как многие великие люди, более полагается на свою интуицию,

чем на изучение досье своих подчиненных, и нерешительность Лоу порой до такой степени раздражает его, что он называет его *damn old fool* («Проклятый старый дурак»). Неизвестно, что было тому причиной — решение военного министерства, желание главнокомандующего или прошение Лоу, но он был отозван из штаба и направлен в британскую армию в Генуе. Находившиеся там части должны были соединиться с австро-сардинскими войсками и крейсировавшей в виду побережья британской эскадрой, чтобы начать операцию на юге Франции. Прежде чем покинуть бельгийскую равнину, где вскоре решатся участь Империи и судьба Европы, Лоу простодушно выразил желание получить официальную благодарность за свои труды, но не отличавшийся любезностью Веллингтон в ответ лишь проворчал, «что привык большую часть работы делать сам, а потому вполне обойдется услугами первого встречного». По дороге сей интриган сделал остановку в Гейдельберге, где находились государи союзных держав, был принят царем Александром и Блюхером и тотчас поспешил отправить доклад об этих лестных аудиенциях в Лондон. Когда 19 июня он наконец вступает в должность, исход сражения уже известен. Европа вздыхает с облегчением, Император, покинув поле Ватерлоо, мчится в Париж, который желает лишь одного мира. А посему Лоу, не встретив ни малейшего сопротивления, 11 июля высадился со своими войсками в Марселе: маршал Брюн и генералы сдались Людовику XVIII, и только единичные бои в районе Тулона оправдывали присутствие британских войск и их командующего. 1 августа последний получил назначение на Святую Елену и приказание немедленно прибыть в столицу. Едва успев получить от марсельских властей — у них оказалась короткая память — прекрасную серебряную вазу в знак признания его личных заслуг, он помчался на свидание с историей, назначенное ему на скалистом острове в Атлантическом океане.

Такова карьера этого человека, который превратится в мелкого тирана, чтобы представлять в самой жестокой и уродливой форме британские власти и скрываемую под лицемерной маской волю союзных

держав, получив на то горячее одобрение государственного секретаря его величества лорда Батхэрста и безграничные и совершенно бесконтрольные полномочия. Ибо не следует забывать, что в этом безвестном офицере воплощаются два одинаково сильных чувства: ненависть разоренного войнами и коалициями того класса британского общества, который Наполеон назвал «лавочниками», и злоба правителей Европы, которых он подверг жестоким испытаниям, занимая их столицы, перекраивая их страны, поднимая их армии и даже беря в жены их дочерей. Этому безвестному офицеру нетрудно превратиться в тюремщика: Империя для него никогда не существовала, а Император для него — всего лишь мятежный генерал, которого он заставит повиноваться.

«Великобритания, ты властвуешь на море, но в море не хватит воды, чтобы смыть позор, который, умирая, оставил тебе в наследство твой знаменитый пленник! Это не сэра Хадсона Лоу, а ты была тем сицилийским сбиром*, которого короли, сговорившись, подослали, чтобы отомстить человеку, вышедшему из народа, за то, что народы открыто сделали по отношению к одному из них!» — совершенно справедливо скажет Генрих Гейне.

Конечно, было бы крайне несправедливо обвинять Хадсона Лоу, полагаясь лишь на мнение изгнанного Императора и его окружения или даже на мнение одних лишь французских историков. Но есть и английские свидетельства. Лорд Роузбери, известный государственный деятель XIX века, министр иностранных дел королевы Виктории, имел доступ к министерским архивам и был знаком с еще живыми в ту пору свидетелями наполеоновской эпохи. Он утверждал с категорическим высокомерием благовоспитанного аристократа: «Лоу был человеком ограниченным, невежественным, раздражительным, не вызывающим ни малейшей симпатии. Он не был тем, что мы называем, в лучшем смысле этого слова, джентльменом».

Веллингтон, имевший его своим помощником и не забывший его и на склоне лет, уже без гнева и пристраст-

---

* Сбир — судебный и полицейский чин в бывшей Папской области, низший служитель инквизиции. (Прим. пер.)

тия говорил о нем лорду Стэнхопу: «Ему не хватало образования и рассудительности. Я его очень хорошо знал. Это был глупый, недалекий человек. О! Конечно, он не был дурным человеком, но он не имел ни малейшего представления о правилах светского поведения и потому, как и все не знающие оных правил люди, был подозрителен и завистлив».

Историк сэръ Арчибальд Элисон признает, что Лоу был человеком суровым и неуживчивым. Знаменитый же британский юрист лорд Кэмбелл выносит безапелляционный приговор: «О смерти Наполеона будет написана не одна трагедия, и Хадсону Лоу там будет отведена роль сбира».

Им вторят равно беспристрастные иностранные комиссары, австриец Штюрмер, русский Бальмен и неподражаемый француз маркиз де Моншеню:

«Я не знаю, какой злой рок заставляет сэра Хадсона Лоу со всеми ссориться. Изнемогая под гнетом своих обязанностей, он мучается сам, постоянно пребывает в тревоге и все время испытывает желание досаждать другим».

«Губернатор — не тиран, но он до крайности придирчив и вздорен. Он не ладит ни с кем и повсюду видит измену и изменников».

«Что за человек! Я уверен, что, как ни старайся, второго такого не сыщешь».

«Никто не может ни определить, ни понять суть его предписаний. Сам он толкует их, как ему вздумается. Если он в хорошем настроении, то ни о чем не беспокоится и может, не раздражаясь, встречаться с французами, смеяться и беседовать с ними. Но едва он начинает хмуриться или о чем-то тревожиться, то к нему уже не решаются ни подходить, ни здороваться с ним и буквально замирают, пережидая грозу; все тогда выводит его из себя, и в такие минуты он способен лишь оскорблять, придираться и расставлять ловушки. Когда он позволяет французам выходить за обозначенные границы или посещать местных жителей, он дает понять последним, что они могут принимать их, не нарушая буквы установлений, но что это никоим образом не будет соответствовать их духу, таким образом фактически запрещая общение с ними».

Бальмен, автор вышеприведенных строк, конечно же знал, что этот прирожденный тюремщик рылся в грязном белье, выносимом из Лонгвуда, изучал прибывающие на остров письма, не колеблясь заглядывая в конверт, на котором, по счастью, была сломана печать, не гнушался выведывать секреты у слуг и что его дипломатическая почта — равно как и почта других комиссаров — не проходила мимо местного «черного кабинета»; в бумагах Лоу действительно имеется множество копий депеш посла Австрии в Лондоне, адресованных барону Штюмеру! Делая это, он, очевидно, полагал, что исполняет свой долг, поднимается по иерархической лестнице, чтобы занять более высокое положение, но в глубине души он, возможно, тосковал о том, чем ему не довелось стать, — блестящим офицером, ловким дипломатом, администратором и руководителем; его, должно быть, удручало сознание собственной посредственности, и одного этого вполне достаточно для дурного настроения, вспышек гнева, озлобленности и раздражительности.

Внешний облик этого человека также странен и мало привлекателен, как и внутренний. По словам видевших его, это был человек среднего роста, который, благодаря своей сухой конституции, в сорок семь лет сохранял элегантную стройность. Еще более подчеркивал ее мундир генерал-лейтенанта, украшенный шитьем и эполетами. Его красноватое лицо в минуты сильного волнения бледнеет либо вспыхивает, покрываясь яркими пятнами; очень светлые, почти белые брови так густы, что отчасти скрывают блестящий взгляд полузакрытых глаз. А острый и прямой нос нависает над неприятно поджатыми губами и заостренным подбородком.

— Лицо попавшей в капкан гиены, — посмеивается иногда Наполеон.

Чтобы сгладить впечатление от неприятной наружности, сэр Хадсон Лоу очень заботится о своем мундире, о своей походке и о своих манерах: он ходит стремительным шагом, диктует быстро твердым и резким голосом, пишет уверенно и отчетливо. Говорит ли это о живом уме и твердом характере? Во всяком

случае, такое он производит впечатление. И лишь один человек знает истинную цену этой внешней твердости — его военный секретарь майор Горрекер. Увы! Последний говорит лишь о нерешительности, о постоянном раздражении, о перепадах настроения и недобросовестности. Никакой бумаги он не может составить сразу: он пишет, разрывает, пишет заново, исправляет и переписывает по десять раз. Прокламация в шесть строк требует от него целого дня работы. «Нужно видеть, — иронизирует Горрекер, — как он, любуясь собой, с важностью павлина расхаживает перед зеркалом, расстегивает и застегивает мундир, восхищаясь своим отражением, созерцает эполеты, ласкает аксельбанты, напыщенно диктуя при этом какой-нибудь приказ. Когда же наконец в его власти оказывается собеседник или корреспондент, который теряется и смущается, то вот здесь надо видеть, какая демоническая улыбка появляется на его отвратительной физиономии». Эта на редкость выразительная запись дает нам ясное представление о методах работы и «деликатности» этого удивительного «Губернатора и Главнокомандующего».

«В течение двух дней он усердно трудится над составлением очень короткой записки, адресованной *Старой лягушке* (маркизу де Моншеню). Пока он пишет, то и дело раздаются восклицания: “Прохвост, мерзавец, сволочь!”, и он то и дело повторяет: “Это самая важная в моей жизни записка, и она требует особого внимания”. На самом деле речь идет о том, чтобы выяснить у маркиза фамилии лиц, выразивших желание видеть сына *Соседа* (Наполеона) на троне “*Королевства лягушек*” (Франции). Он с трудом формулирует свои мысли по-французски и вынужден отчасти прибегать к моей помощи. Он толком не знает, что он хочет сказать, но самое главное — это прицепиться к *Старой лягушке* и помучить его. Он уверяет, что у последнего подмочена репутация, и будь он проклят, он, Хадсон Лоу, если позволит ему остаться невредимым; он даст ему это почувствовать, будет допекать его до тех пор, пока окончательно не скомпрометирует. Затем он внезапно отказывается от своей затеи и говорит, что дело не стоит выеденного яйца. На следующий день он вновь

принимается за работу с удвоенной энергией, уверенный в том, что это дело величайшей важности. Наконец с тысячью проклятий по адресу *Старой лягушки* он завершает работу и отправляет письмо».

Все это в безумном возбуждении, с красными от ярости глазами, горящим лицом, нахмуренными бровями, воплями и нервным подергиванием мускулов. Когда он говорит об обитателях Лонгвуда, а особенно об офицерах Императора, он полностью теряет над собой контроль, и из его уст изливается поток язвительных замечаний относительно их наглости, вульгарности и их претензий. И он еще смеет говорить о претензиях, он, который мечтает украсить свою посуду изображением собственного герба!

Но каков бы ни был его внешний и внутренний облик, французы в Лонгвуде, британские офицеры и обитатели Святой Елены, от торговцев до простого люда и китайцев, вынуждены терпеть его. Французам в конечном счете даже легче. Публикуя в Европе свои протесты, они открыто называли его «наемным убийцей», «сицилийским сбиром», «чудовищем в обличье человека», «помесью сицилийца с пруссаком», который тайно мечтает сковать изгнанного победителя цепью, словно каторжника. Но даже когда Наполеон шутит, он не упускает случая больно задеть его: «Мир, конечно, не может обходиться без тюремщиков, мясников и палачей. Но мало кто с охотой берет на себя эти обязанности».

Британцы же, обязанные ему должностями, повышением в чине, свободой передвижения и даже просто свободой, вынуждены из осторожности соблюдать молчание, терпеть его авторитарную власть, и лишь некоторые, поддерживаемые Наполеоном и привлеченные обещанием существенных материальных благ, решаются противостоять ему: они конечно же проиграют, но в Европе завоюют симпатию и популярность.

И тем не менее Хадсон Лоу — это не только чудовищное сочетание двуличия, мелочности, глупой ограниченности и свирепой надменности, о которых, стараясь перещеголять один другого, твердят историки и очевидцы. Он обладал реальными достоинствами, бла-

годаря которым, в очень непростое время, он неуклонно и достаточно быстро шел вверх по всем ступеням военной иерархии. К несчастью, стечение обстоятельств, подавляющая своим величием личность его собеседника, общественное мнение и доминирующая в истории тенденция вставать на сторону жертвы, тем более когда эта жертва — повергнутый герой, все это способствовало тому, что его многочисленные недостатки безмерно преувеличивались, а немногие достоинства воспринимались как вызывающие раздражение комплексы.

Да, он действительно был педантичен, но для подчиненного — это огромное достоинство; благодаря его мании все видеть, все слышать и все записывать мы обладаем бесценным собранием *Lowé Papers* (сделанная позже копия которых хранится в Британском музее), дающим представление об основных событиях, связанных с пребыванием Наполеона на Святой Елене. Он сам говорил со своим обычным простодушием:

— Немного същется административных учреждений, которые располагали бы такими же богатыми и полными архивами, как те, что имелись на Святой Елене в пору моего губернаторства. В них содержится не только подробная корреспонденция, адресованная компетентным службам правительства его величества, представляющая собой почти что ежедневный отчет обо всех обстоятельствах тех пяти лет, что Наполеон Бонапарт находился под моим надзором, но и большая часть моих разговоров с самим Бонапартом или его спутниками, умело и точно записанных благодаря таланту моего военного секретаря майора Горрекера.

Сам же майор Горрекер отзывался о своем начальнике вовсе не так хвалебно:

— Он терпеть не может краткость, простоту, честность и ясность, как на письме, так и в разговорах. В его речах всегда есть что-то недосказанное и двусмысленное, от чего он всегда может отпереться.

А сколько ошибок можно совершить ради столь милой его сердцу педантичности! В то время как опытный дипломат — если допустить, что он согласился бы на эту неблагоприятную должность — отнесся бы к своей

миссии с тем великодушием, каковое она могла вызывать, Лоу, со своим пристрастием к частностям, унижал себя бесконечной мелочностью, ибо за деревьями был не в состоянии увидеть лес. Вместо того чтобы вести себя как командующий, в чьем кабинете рассматриваются лишь дела высокой важности, он с каким-то наслаждением опускался до роли таможенника и полицейского.

Он безусловно был честен, этот генерал-лейтенант, вчера еще бедный как церковная мышь, внезапно получивший жалованье в 12 тысяч фунтов в год — в то время как адмирал получал 4 тысячи фунтов, капитан — 300, врач — 400. Это богатство, изобилие и материальный комфорт вполне могли вскружить ему голову, как это часто случалось с его предшественниками на Святой Елене. Его секретарь рассказывает нам, как он яростно протестует против расходов, которые, по его мнению, могли бы лечь тяжелым бременем на бюджет страны, или как неделями он отказывается выдать какому-нибудь офицеру недоплаченную ему сумму в несколько фунтов, ибо считает, что тот не имеет на нее права. От 70 тысяч фунтов, которые он получит за время пребывания в этой должности (около 150 тысяч евро — вполне достаточных для безбедного существования), у него мало что останется к концу жизни, и он умрет в бедности, всеми ненавидимый, оставив свои детям лишь бесчисленные досье, которые правительство королевы Виктории приобретет для Британского музея, назначив взамен небольшую пенсию младшей дочери леди Лоу.

Кто был более усерден и исполнительен, чем он? Иначе как бы смог он подняться по крутым ступеням британской иерархии? Французы, и Наполеон первый, никогда не поймут этого абсолютного подчинения правилам, установленным лично государственным секретарем, не имеющим ни малейшего представления о местных условиях; живя в ту эпоху, когда увенчавшаяся успехом инициатива была залогом еще большего возвышения, они ожидали от Лоу большей гибкости и широты взглядов. Но для губернатора, как для жандарма из комической оперы, «приказ есть приказ», и неважно, при каких обстоятельствах и откуда он был получен. Предписания,

прибывающие из Лондона, подписанные уважаемыми и внушающими трепет начальниками, должны исполняться беспрекословно. «Right or wrong, my country». И никаких мыслей о суровом суде истории!

Если принять во внимание все обстоятельства, то вряд ли можно было действовать еще более неловко. Это конечно так, но не следует забывать о чудовищном невезении, ибо Лоу и в голову не приходило, что те его качества, которые он считал блистательными достоинствами и превозносил в письмах и докладах, окажут ему дурную услугу в исполнении тех особых обязанностей, кои были на него возложены. Один из его приверженцев, совсем молодой человек писарь Яниш, переписывавший своим красивым почерком бумаги в Плантейшн Хаус, в свое время окажется первым, кто скажет, что Лоу покинул свой пост и остров, «отмеченный печатью Каина».

Леди Лоу

Леди Лоу, похоже, не имела особого влияния на своего грозного мужа, хотя, по свидетельству одного очевидца, и не робела перед ним и однажды даже позволила себе бросить ему в лицо:

— Я была бы удивлена, если бы вы одобрили или хотя бы допустили что-либо естественное, нормальное!

Горрекер часто говорит о кисло-сладких и неуместных речах этой дамы, «которая смотрит на вас глазами тигрицы». Однако ее речи нередко встречали яростный отпор губернатора*.

В сорок шесть лет, перед самым отъездом на Святую Елену, Хадсон Лоу женился на этой миссис Джонсон, урожденной Лэнси, вдове полковника и дочери губернатора одной из колоний, о «благородном происхождении» которой он говорит без малейшей иронии. Ей

---

* Однажды, рассказывал Горрекер, ей показали портрет Римского короля, предназначенный для Лонгвуд Хаус. «Будь моя воля, — заявила она, — я никогда бы не позволила Наполеону получить подарок, который бы доставил ему удовольствие. Этот портрет лишь подогрел бы его самодовольство и тщеславие». Удивительная глупость!

около сорока, она сильно красится, носит несколько вызывающе открытые платья и, если верить Горрекеру, до такой степени не пренебрегает крепкими напитками, бренди, грогом и ликерами, что вечерами речь ее становится иногда не слишком внятной. За время пребывания на Святой Елене она подарит мужу дочь и двух сыновей, из которых в живых останется только один, но заявляет всем и каждому, что если бы она знала, что ей в ее возрасте придется снова производить на свет младенцев, она бы предпочла остаться вдовой. Положение первой дамы колонии несколько кружит ей голову. Чем более вождленным становится титул графини в Лонгвуде, тем в большей степени чувствует она себя *Milady* в Плантейшн Хаус, и Лоу считает необходимым уведомить лорда Батхэрста о «благополучном разрешении от бремени своей супруги» так, словно речь идет о королевских детях. Располагая большими финансовыми возможностями, чем ее французские соперницы, она старается затмевать их своими украшениями, атласными платьями, касторовыми шляпами с перьями, тщеславными ухищрениями светского церемониала, но она в ярости от присутствия двух своих взрослых дочерей, которые ее «старят». Она выезжает лишь в сопровождении адъютанта, который гарцует у дверцы ее кареты.

— Какое ничтожное тщеславие, — возмущается Горрекер, которому нередко случается исполнять эту обязанность. — Разве могла она еще несколько лет назад даже мечтать о таком ранге и таких почестях и о том, чтобы джентльмен исполнял при ней обязанности лакея?

Она часто дуется, злится на офицеров и жалуется мужу, что те не выказывают ей должного почтения, и даже грозит наказанием солдатам, которые не приветствуют ее на дороге. Она насмехается над более молодыми и элегантными, чем она, женщинами, но находит изысканной графиню Бертран, «эту бедную леди Бертран», считая ее настоящей *Lady*, потому что она состоит в родстве с лондонской аристократией. Она железной рукой правит маленьким мирком Плантейшн Хаус, офицерами, адъютантами, курьерами, слугами и рабами и

до такой степени не брезгует полицейскими методами своего супруга, что Горрекер обвиняет ее в том, что она сует нос в любовные истории служанок и отношения офицеров с прачками. А что еще ей оставалось делать? И что могли делать две ее взрослые дочери от ее брака с полковником Джонсоном, которых Лоу взял к себе под крыло, когда уложил их мать в свою постель? Здесь нет ни клубов, ни *parties*, от которых британцы без ума, ничего кроме провинциального убожества спектаклей, устраиваемых в полковой столовой солдатской труппой актеров-любителей, скачек в Дедвуде, раутов, устраиваемых время от времени «знатными» белыми, или пикников на природе. Ничего кроме позолоченного одиночества Плантейшн Хаус с его высокомерными претензиями на знатность, которые заставляют ее и ее дочерей малопомалу отойти от круга лиц, общение с коими они считают ниже своего достоинства, и ограничиваться обществом персонала миссии, который величает их *Milady*, но скорее из страха, чем из почтения. Главная же забота сей скупающей дамы — это конечно же выдать замуж своих дочерей, и Наполеон, к ее огорчению, умер слишком рано, потому что только старшая дочь успела найти себе лестную партию в лице русского комиссара Бальмена, став таким образом, к величайшей радости сэра Хадсона и леди Лоу, настоящей графиней.

К супругам Лоу, в целом весьма подходящим друг другу, обращены почтительные взоры всех обитателей острова. Для среднего британца губернатор воплощает Корону, *The Crown*, знатность, богатство и благородные манеры. А потому, если леди Лоу простужена, все начинают чихать, и считают за честь «выпить вина» с ней или с губернатором, особенно с ней, потому что ей принадлежит тост, который очень забавляет гостей и который, по ее словам, она сочинила в назидание своим детям:

Да спасет Господь Короля!
Да спасет Господь Королеву!
Да погубит Господь *Coceda*!

Ах, этот *Coced*! Свергнутый с престола, изгнанный, пленный, посаженный на паяк и осмеянный, как привлекает он их, как ищут они его общества. Однажды его

пригласили на ужин, чтобы встретиться с одной английской дамой, но он отказался, не желая появиться в Плантейшн Хаус в сопровождении надзирателя.

— Я его еще не видела, — с шутливой досадой говорит дама. — Он не захотел прийти ко мне, и я его одобряю*.

В 1821 году, когда Император будет бороться со смертью, а в штабе будут с насмешкой говорить, что ее муж «делает все, чтобы не принимать решения», она отвернется от него, поняв, быть может, истинную натуру, низкую и мелочную, того, с кем, будучи вдовой с детьми, она легкомысленно согласилась создать семью. Она откроет сердце графине Бертран, которую, чтобы без потерь выйти из игры, она осыпает знаками внимания. «Она не имела ни малейшего отношения к тому, что было сделано. Она ничего не знала о том, что происходит в Лонгвуде. Она жалеет, что не уехала. Так тяжело было смотреть, как бесславно гибнет такой великий человек». Добрая душа или Тартюф? Кто знает?

Штаб

Ввиду особого статуса острова в 1815—1821 годах на Лоу было возложено два рода обязанностей: во-первых, конечно же надзор за генералом Бонапартом, а во-вторых, управление колонией по поручению Индийской компании. Для исполнения этих обязанностей он имел в своем распоряжении штаб и гарнизон — для решения военных задач, и Совет и персонал компании —

---

* Над Соседом смеялись, но прибегали ко всяческим уловкам, чтобы тайком посетить его сады или посидеть в «его кресле». Всяческими средствами добывали пряди его волос, чтобы послать друзьям; одна из таких реликвий, преподнесенная некоей леди Гордон одной из дочерей леди Лоу, которая сама получила ее от Уильяма Балькомба, была выставлена на продажу в 1967 году. А сам Лоу, уезжая, присвоит себе лучшую мебель в Лонгвуде, в частности ту, которой пользовался Император, и в течение долгих лет будет отстаивать свое право на владение оной перед Индийской компанией, требовавшей вернуть ее ей. Изображая бескорыстного вельможу, он подарил своему клубу — где его весьма прохладно встречали в конце его жизни, когда стало хорошим тоном делать кислую мину при его появлении, — софу из спальни Императора. Ее и сейчас можно там увидеть.

для управления гражданскими делами. В Плантейшн Хаус Лоу разместил штаб, а в Замке — старом португальском форте Джеймстауна — гражданские службы, включая канцелярию, склад и почту.

Офицеров своего штаба он тщательно отбирал из числа тех, кто путешествовал с ним на «Фаэтоне». Прежде всего это подполковник сэр Томас Рид, тридцати одного года, бывший начальник его штаба в Генуе, который, будучи также задействован в разведывательных операциях, получил скромный титул *Knight Bachelor** (сокращенно *Kt*), дающий право именоваться «сэр», а потому являющийся предметом вожделения в Великобритании. Упитанный коротышка, с круглым, румяным и веселым лицом, сэр Томас даже на Наполеона произвел довольно приятное впечатление. Однако этому впечатлению не следует доверяться: хранящиеся в архиве Лоу письма, написанные рукой Рида, донесения иностранных резидентов и гуляющие по острову сплетни представляют его как самого свирепого и безжалостного врага французов. Суровость, еще раз суровость, как можно больше суровости — такова была бы его линия поведения, будь он губернатором; он отобрал бы у «этого проклятого Бонапарта» перья и карандаши, бумаги и даже книги, чтобы как можно быстрее заткнуть ему рот.

— Если бы я был губернатором, — говорил он, — я бы заставил его почувствовать, что он мой пленник!

Русский комиссар Бальмен в своем донесении двору уточняет: «Сэр Томас Рид является ставленником и услужливым шпионом губернатора и по этой причине не имеет сношений ни с кем в Лонгвуде. Он немного знает итальянский, но совершенно необразован, малопрятен и не отличается ни умом, ни приличными манерами. Наполеон не желает ни видеть его, ни говорить с ним, а англичане его презирают». На самом деле влияние этого «истинного Джона Буля» настолько велико, что Горрекер с горечью констатирует: «Леди Лоу кричит, что начальником является Рид, а губернатор — только его помощник; ну а сама она просто

---

* Дословно: рыцарь-бакалавр, низшая ступень рыцарства. (Прим. ред.).

пустое место». Этому слепому и неослабному усердию Рид обязан своим производством в 1819 году в звание полковника армии его величества; Лоу назначает его комиссаром полиции на Святой Елене с годовым жалованьем в 625 фунтов. Это назначение тотчас повергает в уныние немногочисленных фрондеров, вольнодумцев и просто болтунов, которые злословят от скуки.

— Два бульдога Рида постоянно рыщут по городу, — ворчит Горрекер. — А ведь люди они самые что ни на есть ничтожные!

«Я думаю, что он не обладает ни должным умом, ни проницательностью, ни ловкостью, необходимыми, чтобы с пользой для дела исполнять сию должность, — считает Бальмен. — Его презирают, его боятся и стараются обходить его стороной».

Сэр Томас и его гнусные соглядатаи действуют даже в ближайшем окружении губернатора, вынюхивая, подслушивая, подглядывая и обыскивая комнаты слуг. За эту недостойную офицера деятельность он получил презрительное прозвище *Nincumproop* — *non compos mentis*, то есть «простак» или «дурак». Для наблюдения за сношениями между Лонгвудом и остальной частью острова как нельзя лучше подходит местожительство Рида, обитающего в Аларм Хаус, в начале той дороги, что, извиваясь вдоль линии хребтов, ведет к французам; там, подобно пауку, затаившемуся в своей паутине, он, оставаясь незамеченным, наблюдает за всем, превращая таким образом свое жилище в тайный центр, куда стекаются клевета, доносы и сплетни, коими он затем блистательно пользуется. Он не стесняется заглядывать в письма, которыми обмениваются два местных врача, обсуждая интимные недомогания и беременности графини Бертран. Если ему сообщают, что какая-то девчонка принесла маркизу де Моншеню пакет, он тотчас же любезно посылает одного из своих соглядатаев отнести старику какую-нибудь книгу, дабы таким образом присутствовать при вскрытии пакета. Он не пренебрегает никакими тайными ухищрениями: узнав, что Джентилини, живущий в Лонгвуде уроженец Эльбы, состоит в связи с миссис Шелл, женой одного английского сержанта, он поощряет эти свидания. «Губернатор

говорит, что Риду известно все, что миссис Шелл узнает от Джентилини, потому что муж красотки сообщает ему обо всем», — с некоторой брезгливостью замечает Горрекер. Хадсон Лоу в изумлении от ловкости своего помощника: «Я не знаю, каким образом он добывает сведения, но Рид ухитряется знать все».

В начале 1821 года Риду было прекрасно известно, что Наполеон умирает. Однако это не помешало ему, когда Наполеону стало дурно во время его последнего выезда на прогулку, бесцеремонно заявить:

— Все это притворство! Он хотел убедить в том, что болен. Он специально принял рвотное, чтобы все видели, как его тошнит в карете.

Второе место на иерархической лестнице при Лоу занимает другой его помощник, Эдвард Виниярд, тридцати шести лет, официально исполняющий обязанности секретаря, то есть главы канцелярии, и в силу этой должности постоянно находящийся при губернаторе. Виниярд также его старый знакомец: он принимал участие в средиземноморских операциях, где был ранен, а затем получил назначение на Святую Елену. Из-за беспечности и отсутствия гибкости он мало-помалу лишится всех своих обязанностей, которые перейдут Горрекеру (будучи холостяком, последний остается на ночь в Плантейшн Хаус), а ему останется лишь предаваться сладостям любви с молодой супругой в Рок Коттедж на лоне зеленеющего пейзажа Санди Бэй. Обладая менее покладистым нравом, чем Горрекер, он стремился к большей независимости, что конечно же пришлось не по вкусу Лоу, и изгнание в 1818 году доктора О'Мира стало поводом для его отстранения: его начальник крайне отрицательно отнесся к тому, что врачу было официально разрешено общаться со своим пациентом. Губернатор метал громы и молнии в присутствии своих офицеров:

— Нельзя было поручать такую миссию Виниярду! Рид действовал бы гораздо хитрее. Зачем нужно было разрешать врачу общаться с Бонапартом? Как этот толстый гренадер позволил врачу одурачить себя?

Отстраненный от дел Виниярд возвратился в 1820 году в Англию, где продолжил свою службу, завершив карьеру адъютантом короля.

Вакантная должность досталась майору Горрекеру, который таким образом стал исполнять обязанности военного секретаря и адъютанта. Полностью доверяющий ему Хадсон Лоу пишет: «Работоспособность и пунктуальность Горрекера внушали мне огромное доверие. Этот офицер не только прекрасно владел французским языком, но и обладал очень точной и надежной памятью; к тому же он как никто умел воспроизводить разговоры, при которых присутствовал, и обнаруживать вызванные недостаточным знанием языка ошибки в докладах о разговорах Бонапарта и членов его свиты».

Горрекеру было тридцать пять лет. Он служил на Сицилии и Ионических островах, где и был замечен Лоу, благодаря чему, как и Виниярд, получил назначение на Святую Елену. В Плантейшн Хаус он занимал скверную комнату на первом этаже в глубине коридора, куда перебрался из сырого дома садовника, где вынужден был некоторое время жить. Нельзя сказать, чтобы он был любимцем хозяйки дома, ибо комната его обставлена шаткой мебелью, на стене — выщербленное зеркало, а когда он осмеливается попросить большой графин, она отвечает, что такие графины предназначены для «хороших» комнат. Как человек привыкший к военной дисциплине, он молча глотает эту пилюлю и, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, погружается в работу: он не сходит с тропы войны ни днем ни ночью и все знает, потому что все слышит, не стесняясь, когда это нужно, подслушивать у дверей. Лоу не скрывает от него писем с пометой «Секретно», адресованных государственному секретарю; все остальное для него — словно страницы открытой книги: он беседует, переводит, исправляет и переписывает начисто, присутствует при переговорах, участвует в трапезах и в карточной игре леди Лоу, и даже когда он уходит к себе и, чтобы облегчить душу, изливает свое раздражение на страницах дневника, он отнюдь не свободен от капризов первой леди, и его в любую минуту может вызвать губернатор, который считает подозрительным, что его подчиненный запирает ночью на замок дверь своей комнаты. На Святой Елене все видели в нем ставленника Лоу, его тайного советника, опасного своим ост-

рым умом и знанием языков. Даже русский посланник Бальмен, при всей своей проницательности, не разглядел его истинной сути. Соглашаясь с тем, что адъютант адмирала «хитрая бестия», хотя и «приятный молодой человек, мягкий и любезный», он был убежден, что хитростью своею Горрекер служит губернатору, которому «всем обязан». Нам, однако, удалось отыскать и использовать в своей работе его записи. Из них с полной достоверностью выясняется, что «хитрец» ловко вводил в заблуждение окружающих. Что это, ненависть к тирану, каковым являлся Хадсон Лоу? Или возмущение, вызываемое зрелищем ежедневной травли человека, которому он втайне сочувствовал? Как бы то ни было, но совершенно ясно, что Горрекер всегда был противником своего шефа и осуждал его образ действий. Одна страница из этих бумаг заслуживает того, чтобы привести ее полностью, ибо она обнаруживает подлинные чувства одного из тех «порядочных англичан», о которых говорил Гейне.

«Леди Лоу сочувствует Бонапарту и заявляет, что он заслуживает сострадания, если принять во внимание его нынешнее положение и прежнее. По словам же сэра Хадсона Лоу, Наполеон более заслуживает презрения, чем жалости, и это дает повод для долгого спора между супругами, которые по очереди обращают свои взоры ко мне, как бы желая вовлечь меня в свой разговор. В ответ я лишь замечаю, что нужно выказывать снисходительность по отношению к человеку, который, как он сам говорил, рассчитывал на великодушие британского народа, надеясь найти убежище в Англии, но, предавшись в руки англичан, оказался вовсе не в Англии, а на Святой Елене».

Записанные им речи Лоу проливают яркий свет на характер этого прирожденного тирана:

«Обитатели Лонгвуда — это шайка негодяев. Единственное, чего они заслуживают, так это быть заключенными, поодиночке, в какой-нибудь башне».

«Бальмен — это проклятая тьявкающая шавка!»

«Члены семьи Бонапарта — горстка мерзавцев».

«Бонапарт? Я не позволю ему принимать высокомерный вид и изображать важную особу. Я не буду церемо-

ниться. Если они не будут отвечать, когда у них просят о встрече с *ним*, я дам разрешение на обыск его дома и его сада».

Другие лица из окружения губернатора, выражаясь языком театра, — всего лишь статисты, которые, в отличие от Рида и Горрекера, не имеют целостного представления о событиях. Доктор Бакстер, тридцати девяти лет от роду, выпускник медицинского факультета в Эдинбурге, служил на Средиземном море в полку *Corsican Rangers*; он участвовал под командованием Лоу в осаде Капри и, по особой просьбе своего бывшего командира, был назначен на Святую Елену в качестве инспектора госпиталей.

Высокий, полный, с изящными манерами, он часто разделяет трапезу с сэром Хадсоном Лоу, садится с ним за карточный стол и в речах его нет и намек на несогласие со своим шефом. А потому губернатор мечтает заставить Наполеона принять его в качестве своего личного врача, дабы таким образом получать точные сведения о состоянии своего пленника и о его ближайшем окружении; но в Лонгвуде относятся к этому с подозрением, и затея не удастся, ибо «нужно быть безумцем, — иронизирует Наполеон, — чтобы согласиться на врача, рекомендованного врагом». Император даже не догадывался, насколько он был близок к истине, а леди Лоу как-то вечером призналась Горрекеру, что доктору Бакстеру предлагали представить болезнь *Soceda* как безобидное недомогание; его миссия заключалась в том, чтобы преуменьшать серьезность любых проявлений болезни. Пробыв на Святой Елене, как это и было предусмотрено, три года, Бакстер вернулся в Англию в мае 1819 года. Незадолго до отъезда он имел бурное объяснение с Лоу, о чем потом с возмущением рассказывал:

«Лоу был в ярости, но быстро успокоился, когда я ему напомнил, что во всем следовал его политике, что из-за моей причастности к бюллетеням* мое имя было опорочено, что я, следуя его указаниям, оказал ему важные услуги и что будет лучше, если я уеду с рекомендательным письмом, так чтобы никто на острове не заподоз-

---

* Речь идет о бюллетенях о здоровье Наполеона, которые он составлял, полагаясь на сведения, представленные доктором О'Мира.

рил нашей ссоры. Когда губернатор сказал, что министры станут задавать мне кучу вопросов, я ему ответил, что уеду в Челтенхэм, где не буду ни с кем встречаться, что, кроме того, я ничего не знаю о происходившем на острове, а стало быть, и рассказывать мне будет нечего».

Каковы бы ни были причины этой ссоры, он, уезжая, получил рекомендательное письмо. Вернувшись в Шотландию, он вновь принялся за научные занятия медициной и представил диссертацию о перемежающейся лихорадке *De Febre Remittente*, что позволяет предположить, что он обогатил свои познания на Средиземном море, где эта болезнь существует в безобидной форме, и на Святой Елене, где она свирепствовала в форме злокачественной.

Томас Листер был облечен губернатором пышным титулом инспектора побережий и волонтеров. Своим товарищам он казался стариком — ему уже перевалило за пятьдесят. В свое время он также входил в число *Corsican Rangers*, а в момент британской оккупации был офицером гарнизона в Аяччо. Чтобы прибавить ему влияния и власти, ему был присвоен «местный» ранг подполковника, что не могло не вызвать раздражения прочих офицеров.

«Это мужлан, деревенщина, — возмущается Горрекер, — он сморкается в полог своей постели, пользуется грязным, засаленным гребнем и целый год носит, не снимая, одни и те же брюки, да еще и прилюдно ковыряет в носу».

Однако есть кое-что и похуже. Когда освободилась должность надзирающего офицера в Лонгвуде, Лоу решил поручить ее этому отвратительному хаму. Он не видел ничего предосудительного в том, чтобы назначить бывшего члена *Corsican Rangers* надзирателем за Великим корсиканцем. Это вызывает бурное возмущение французов, и как ни превозносит Лоу достоинства своего кандидата, «человека нрава мягкого и безобидного, знающего французский и итальянский и желающего всеми силами содействовать благополучию пленных и их близких», ему все же придется смириться с категорическим отказом.

«Нам стало известно, — пишет Бертран, — что сей подполковник есть тот самый Листер, который командовал в Аяччо, где находится родной дом Императора. Он не принадлежит ни к английской армии, ни к какой бы то ни было воинской части; в течение уже долгих лет он является вашим ставленником и находится в полной от вас зависимости; он подпишет все, что вы ему продиктуете, примет к сведению все, что вы прикажете, скажет все, что будет вам угодно, не имея иной воли и совести, кроме ваших, нашего злейшего врага. Вне всякого сомнения этот человек подходит вам более, чем какой-нибудь капитан регулярного полка, имеющий достойную репутацию и не утративший собственной совести».

Эта столь агрессивная по тону записка конечно же составлена самим Наполеоном. После обмена письмами, в которых противники именуют друг друга «сикофантами», дело дошло до открытого столкновения. Бальмену стало известно об этом скандале. Он тотчас отправил донесение русскому двору: «Какая подлость — назначать в Лонгвуд бывшего коменданта крепости Аяччо. Это непростительная бестактность. Столь же непростительная, как и назначение тюремщиков всех званий из числа ненавистных *Corsican Rangers*». В конце концов Лоу придется уступить и назначить на спорную должность славного капитана Джорджа Николса, который будет достойно исполнять свои обязанности.

Майон Эммет, двадцати семи лет, и лейтенанты Уортхэм, двадцати двух лет, и Джексон, двадцати одного года, являются офицерами инженерных войск, которым поручено расширить Лонгвуд Хаус, построить жилье для Бертрана, составить чертежи и возвести новую резиденцию Наполеона Лонгвуд Нью Хаус. Кроме того, они должны поддерживать в должном состоянии батареи, форты, жилые и административные строения. Эммет, коему выпадет печальная честь копать могилу для Императора, все шесть лет своего пребывания на Святой Елене будет на ножах с губернатором Лоу, которому непременным его независимый нрав. Так же обстоит дело и с Уортхэмом, который будет удален из Лонгвуда не в связи с завершением работ, а под угрозой жестокой опалы. Лей-

тенант Бэзил Джексон — человек иного склада. Благодаря своей молодости, красивой наружности, изящным манерам и прекрасному знанию французского языка он станет бесценным помощником для губернатора.

Как-то вечером Бертран и его жена встретили во время прогулки русского посланника и завязали с ним разговор. «Бальмен сообщил, — записывает обер-гофмаршал, — что мистер Джексон часто встречается с мадам де Монтолон. Говорят, что она сама бросилась ему на шею. Похоже, она безумно влюблена, ибо, будучи несколько распутной, она все еще хочет быть любимой. Это изрядно вредит Лонгвуду и губит все прочее; она не думает о том, что говорит, и о многом пробалтывается. А Джексон записывает все день за днем и по два часа беседует с губернатором». Нетрудно догадаться, какие виды имеет Лоу на молодого красавца и какую роль тот должен играть при тоскующей женщине. Бертран рассказывает об этом разговоре Императору, который в тот же вечер требует объяснений от мадам де Монтолон, а та в ответ только лепечет, что Джексон «очень славный молодой человек, простой и совсем не отличающийся умом». Как будто речь идет об уме! Наполеон сухо приказывает прекратить встречи, но несколько дней спустя Бертран смущенно сообщает: «Похоже, что Джексон где-то на тайных тропинках опять встречался с мадам де Монтолон. Трудно сказать, какой это примет оборот». Наполеон в ярости. Он вновь возвращается к этому делу 18 марта. «Монтолон и его жена должны выбирать: дать честное слово, что больше не будут встречаться с Джексонем, или уехать». Монтолон, в полной растерянности, говорит, что уедет немедленно. Бертран успокаивает его, правда, за счет репутации его легкомысленной супруги. «Он (Монтолон) скомпрометировал Джексона. А Император оказал ему большую услугу, ему и его жене, устранив Джексона. Стало быть, ему следует, не отклоняясь, идти к цели». Это был тяжкий удар для губернатора и его своеобразной разведывательной службы. А потому Лоу, узнав о решении Наполеона заставить Монтолонов удалить привлекательного лейтенанта, выходит из себя. «Говорят, что губернатор очень сердит на обер-гофмаршала

и мистера Джексона из-за устроенного ими скандала и что он хочет добиться отъезда обер-гофмаршала.

Каковы были отношения между графиней де Монтолон, ее мужем и обольстительным Бэзиллом Джексонном? Никто этого никогда не узнает. Лишь сама прекрасная Альбина, покоящаяся в склепе монастыря в Монпелье, ее ветреный муж, сразу же по окончании траура женившийся на англичанке, и молодой лейтенант могли бы ответить на этот вопрос. Во всяком случае это явно не было просто банальным ухаживанием очень молодого человека за все еще привлекательной женщиной, поскольку муж не выказывает ни малейшей ревности, даже когда простодушно сообщает: «Мы жили почти что под одной крышей». Любопытная или непристойная, смотря на чей вкус, деталь: Джексон покинул Святую Елену через неделю после отъезда Альбины де Монтолон, 9 июня 1819 года, и встретился с графиней в Брюсселе, куда, что весьма странно, он получил новое военное назначение.

Нет ни малейших сомнений в том, что молодой офицер был игрушкой в руках Лоу, ибо наивная самоуверенность пользующихся успехом у женщин мужчин лишает их проницательности. Много лет спустя этот последний еще живой свидетель изгнания Императора (он умрет в 1889 году в возрасте 94 лет) напишет: «Когда сэр Хадсон Лоу был квартирмейстером в Нидерландах, я был одним из его помощников, а в 1815 году, получив назначение на Святую Елену, я виделся с ним каждый день и имел беседы, носившие порой конфиденциальный характер». Но «молодой повеса», возможно, был не так уж прост и совмещал свои обязанности осведомителя с сердечными делами. Быть может, именно в этом качестве он был отправлен в Брюссель, чтобы следить за этой особой, которая могла действовать в интересах Наполеона и служить посредницей в переписке.

Надзирающий офицер

Лоу присутствует, можно сказать, день и ночь в Лонгвуде благодаря надзирающему офицеру, который, живя под одним кровом с французами, проводит все свое

время, наблюдая, слушая и докладывая, если только ему не приходится седлать лошадь, чтобы сопровождать до Джеймстауна «кого-нибудь из пленных». О первом из этих капитанов Т. У. Поплтоне особенно сказать нечего: он был единственным, кому удалось не только прийти по вкусу французам, но и снискать их уважение. Он даже удостоился беспримерной чести быть приглашенным Императором на ужин, а когда после двух лет службы оставил свой пост, так как его полк возвращался в Англию, Император приказал вручить ему табакерку с императорским вензелем за то, что он вел себя как «человек чести». Нужно, правда, признать, что человек этот приложил немало стараний, чтобы получить сей дорогой подарок: он всячески угождал Гурго, который не замедлил объявить всем и каждому, что Поплтон действительно исполнял свой долг «со всей возможной деликатностью». В старости он очень гордился этой дорогой безделушкой, а однажды, сорок лет спустя, из любопытства поскреб дно коробочки и обнаружил там тонкий листок бумаги — послание Лас Казу, написанное самим Наполеоном.

Преемником Поплтона стал капитан Блэрни из 66-го полка, который занимал этот пост только один год и заслужил яростную неприязнь французов не столько своей склонностью к пьянству, сколько обыкновением рыться в корзинах с грязным бельем, даже дамским, с целью обнаружить возможную тайную корреспонденцию. После Блэрни Лоу пытался навязать французам подполковника Листера, но, как мы уже видели, безуспешно.

Тогда в Плантейшн Хаус остановили свой выбор на капитане 66-го полка Джоне Николсе; это был славный малый, немного простоватый, имевший, однако, замечательное обыкновение вести дневник, который дает нам представление о самых незначительных подробностях его странной должности. Его рассказ о девятнадцати месяцах, проведенных в Лонгвуде, — это унылая череда всяческих ухищрений, предпринимаемых, чтобы увидеть хоть где-нибудь «генерала Бонапарта». В его описании встречаются, например, такие перлы: «Каменщики начали строительство нового здания для Наполеона.

Церемоний закладки первого камня не было». Но на одну шутку приходится множество упреков и жалоб по адресу этих французов, осложняющих ему работу, которую он хотел бы исполнять, не прилагая к тому особых усилий. «Сегодня я провел на ногах двенадцать часов, прежде чем смог увидеть Наполеона Бонапарта, и такое случается не в первый раз...» «Я видел Наполеона, когда он одевался». «Я бродил вокруг дома с половины седьмого, но он не хочет показываться». «Граф де Монтолон сказал мне, что после ужина Наполеон часто прохаживается по бильярдной и что я смог бы его там увидеть или через окно или через замочную скважину. Я ответил графу, что не позволю себе действовать подобным образом». Вот наконец хоть один человек, не теряющий перед Лоу чувства собственного достоинства. А когда в феврале 1820 года, не в силах долее исполнять эти дурацкие обязанности, Николс потребует освобождения от должности, ему придется вытерпеть бурную сцену в Плантейшн Хаус. «Он имел дерзость написать, что просит замены, так как не имел счастья угодить губернатору! Ему следовало бы написать, что он не в силах более выносить отвратительные ухищрения Бертрана и Монтолона, — пишет Горрекер. — Именно это пытаются его заставить включить в свое прошение».

На его место назначили капитана 20-го полка Энгельберта Льютенса, который вынужден был оставить эту должность в апреле 1821 года из-за того, что он принял от Императора книгу о жизни Мальборо для офицерской библиотеки. Наполеон лежал уже на смертном одре, а Лоу спешно направил надзирать за ним капитана Уильяма Крокета. Последнему повезло больше, чем его предшественникам, ибо за время своей непродолжительной синекюры он заработал эполеты майора и вознаграждение в 500 фунтов всего лишь за то, что доставил принцу-регенту известие о смерти изгнанника*.

---

* Крокет, который умрет в 1879 году в девяностолетнем возрасте, будет последним, кто видел Наполеона на смертном одре. Обстановка в ту пору была уже совсем другая. Крокет «благоговейно» хранил дорогие сувениры, непонятно как к нему попавшие: серебряный прибор, украшенную бриллиантами миниатюру, крышку от табакерки Наполеона и ленту Почетного легиона. Странное поведение для тюремщика!

Эти офицеры, чьи имена известны лишь благодаря рассказам о ссылке Наполеона, окончили жизнь в полной безвестности. Только наиболее достойный из них Поплтон еще долго будет вспоминать о своей необычной миссии и прикажет выгравировать на своей могильной плите слова, заслуживающие того, чтобы их процитировать:

Удостоенный уважения Наполеона, который
в течение двух лет находился под его личным надзором.

«Как все меняется в этом мире!» — посмеялся бы месье де Шатобриан! Прочие же не поняли, что история предоставит «генералу Бонапарту» возможность реванша и что, находясь рядом с этим необыкновенным «государственным преступником», они переживают самый необыкновенный период своей жизни. Николс и Льютенс, по крайней мере, догадались оставить записи, объясняющие некоторые любопытные аспекты их миссии: они должны были не только удостовериться в действительном присутствии «Бонапарта», дважды в день видеть его собственными глазами — ибо таковы были директивы лорда Батхэрста, — но еще и удовлетворять неистощимое и нездоровое любопытство Лоу. Эти капитаны, прошедшие суровую школу Наполеоновских войн, приказы исполняли неукоснительно, а Лоу не уставал внушать им, что «надзирающий офицер занимает на острове второе место после губернатора и что облеченный этой должностью, если он умеет хорошо писать и обладает достаточной ловкостью, имеет все шансы выдвинуться». А что еще нужно, чтобы подогреть их усердие! И эти бедняги не знали ни минуты покоя, бегали, вынюхивали, тербели садовников, китайцев и рабов, капралов и сержантов, чтобы сплести сеть для сбора сплетен. Если это может дать им материал для особого доклада, они, не задумываясь, станут подсматривать за Императором, когда он принимает ванну (генерал был *in naturalis*, торжествуяще напишет Николс) или на стульчаке, приняв слабительное.

Но несмотря на все это омерзительное усердие, Лоу не был удовлетворен и часто обвинял своих подчинен-

ных в нерешительности и недостатке воображения. Им бы следовало по вечерам бродить под окнами, подслушивать, прижавшись ухом к ставням, а еще лучше заглядывать в комнату генерала сквозь щели между досками. А если подчиненные выглядели шокированными его гнусными советами, он обвинял их в «чистоплюйстве» и кричал присутствовавшему при этих сценах Горрекеру:

— Если он не хочет показаться, я прикажу просверлить дырку в потолке его комнаты, чтобы наблюдать за ним днем и ночью.

Гарнизон

Под непосредственным руководством Лоу и его советников трудится такой многочисленный штаб, что, по словам маркиза де Моншеню, «его хватило бы для управления армией в 30 тысяч человек»: всего около 500 офицеров и унтер-офицеров, командующих 2500 пехотинцами. «Сколько предосторожностей, чтобы сторожить одного-единственного человека посреди океана!» — иронизирует Шатобриан.

Командует войсками генерал сэр Джордж Ридаут Бингэм, вскоре после своего прибытия на Святую Елену удостоенный звания кавалера ордена Бани. Ветеран войн в Испании и Португалии, он находился вместе с Наполеоном на «Нортумберленде». У него сохранялись вполне приемлемые отношения с Лонгвудом, до тех пор пока придирки Лоу не сделали их невозможными. Однако Наполеон принимает его с неизменной сердечностью, особенно когда он приходит, чтобы представить ему офицеров, которые должны взять на себя командование гарнизоном, или тех, что собираются уезжать. Преемник его будет менее приятен. Речь идет о генерале Пайн-Коффин (в переводе «Сосновый гроб»), и Император, услышав о его назначении, воскликнул: «Ну и фамилия!» Для Горрекера же он просто «генерал Гроб». Вскоре генерал становится посмешищем для всего острова, ибо принимается разводить и откармливать скот, чтобы затем, подобно деревенс-

кому мяснику, продавать своим подчиненным окорока и отбивные.

В соответствии с различными распоряжениями этого генерала гарнизон проводит маневры, разбивает лагерь, стоит в дозоре, а иногда берет в руки оружие. Чтобы обеспечивать ночной и дневной дозор, заряжать орудия, патрулировать побережье, расставлять пикеты и часовых, он имеет в своем распоряжении 53-й полк (600 человек), 66-й полк (700 человек), полк Святой Елены (360 человек), отряд Королевской артиллерии (60 человек) и взвод драгун (20 человек). 53-й полк стоит в Дедвуде, под носом у французов, 66-й — в Джеймстауне, чтобы наблюдать за происходящим как в Лонгвуде, так и на море. Отряды, сформированные из представителей разных подразделений, находятся также в Санди Бэй, на юге острова, в Лемон Вэлли и в Эгг Айленд, на севере и на западе, где без особого труда можно установить контакты с находящимися в море кораблями. А для усиления военной мощи гарнизона имеются еще и батареи из 500 артиллерийских орудий. Бесперебойно работающий оптический телеграф позволяет Плантейшн Хаус быть в курсе любых перемещений.

Морской флот

Параллельно с наземной группировкой существуют и морские силы под командованием контр-адмирала, которые должны обеспечивать защиту острова. Первым командующим был адмирал сэр Джордж Кокбэрн, которого сменят адмиралы Пултни Малькольм, Роберт Плэмпин и Роберт Лэмберт. Из них только Малькольму удастся завоевать расположение Лонгвуда: представленный 20 июня 1816 года, он сразу же произвел прекрасное впечатление на Императора, который сказал О'Мира:

— Вот человек с действительно приятным лицом, открытым, искренним и честным. Это лицо истинного англичанина. Честное слово, видеть его мне не менее приятно, чем хорошенькую женщину: в нем нет ничего мрачного, подозрительного или лицемерного. По его

лицу можно судить о его душе, и я уверен, что этот человек добр. Я никогда не встречал человека, который бы так сразу мне понравился, как этот красивый, воинственного вида старик.

«Красивый старик», родившийся в 1768 году, то есть на год раньше Наполеона, происходил из благородной семьи и, будучи адмиралом с 1813 года, с полным основанием мог считать себя выше Лоу, который был всего лишь полковником кадровой армии, временно облеченным званием генерал-лейтенанта. Его жена Клементина, старшая дочь distinguished Уильяма Элпинстоуна, происходила из очень знатной семьи: она приходилась племянницей знаменитому адмиралу лорду Кейту и, будучи таким образом связана с представителями высших морских чинов, играла заметную роль в аристократическом кружке Индийской компании, директором которой был ее отец. Она была вхожа в политические салоны благодаря своей кузине Маргарет. Последняя, будучи замужем за Флао, побочным сыном Талейрана и адъютантом Наполеона, была связана с Лэнсдаунами, Холландами, Хобхаузами — этими либералами, которые в Англии, как в парламенте, так и в прессе, яростно защищали и личность, и честь того, кто еще недавно был Императором французов.

Через пять дней после своей первой аудиенции адмирал привез свою супругу в Лонгвуд, чтобы представить ее Наполеону, который выказал *Milady* особое внимание, послав за ней коляску и приказав обер-гофмаршалу эскортировать ее, а по прибытии усадил ее рядом с собой на диван. Каждая строка дневника леди Малькольм свидетельствует о том удовольствии, которое доставляли изгнаннику беседы с этими двумя посетителями, открытыми и великодушными, так непохожими на *middle class*, эту мелкую буржуазию, которая держит в своих руках бразды правления на Святой Елене. Как и значительная часть *gentry*, Малькольмы питают слабость к либерализму, распространению которого в Европе в известной степени содействовали Французская революция и Империя. Брат адмирала сэр Джон, близкий друг Веллингтона, не скрывает своих бонапартистских

настроений и, присутствуя при возвращении в Париж вслед за Людовиком XVIII герцогини Ангулемской, признается своему другу: «Мне грустно смотреть на ликование столицы. Я не могу не думать о том, что сегодня уже стало прошлым».

Наполеон засыпает своих гостей вопросами, говорит о героических морях, о Сан-Висенти, о лорде Кейте, о мире в Европе, о налогах.

— А вы ведь шотландка, — обращается он с улыбкой к даме, — стало быть, вы знаете Оссиана.

И тотчас же начинает говорить о северном барде: *Дуртула* — его любимая поэма, но являются ли эти поэмы действительно творением Оссиана или же они написаны Макферсоном? Оба французских перевода поэм неудачны. Итальянский лучше.

— Это я ввел его в моду! Меня даже обвиняли в том, что голова моя полна грез Оссиана.

Сэра Пултни ждет любезный прием в любое время, даже когда Наполеон еще не одет; ему предлагают без всяких церемоний сесть на софу в спальне; беседы длятся часами, потому что с этим моряком и истинно светским человеком можно говорить обо всем, от истории до политики, от морского дела до литературы. Что же касается леди Малькольм, то, несмотря на ее странную наружность («кочерьяжка, болванчик с китайского веера», как говорит о ней мадам де Монтолон — вероятно, из зависти) и свойственную всем англичанкам привычку рядиться в немислимо яркие туалеты, она имела право на все знаки почтения, прогулки в экипаже, комплименты и подарки: перед отъездом ей была преподнесена прекрасная чашка из императорского кофейного сервиза. «Адмиралу Малькольму оказывается предпочтение перед всеми прочими, его общество всегда желанно, ему льстят, беседы с ним с глазу на глаз длятся часами», — сообщает русский посланник. «А что касается леди Малькольм, — добавляет один из британцев, — так она больше гордится прогулкой с Бонапартом, чем приглашением сесть в карету принцессы Шарлотты».

Но за этими приятными беседами, которые напоминают Императору то время, когда лучшие умы

добивались чести быть принятыми им, морской офицер не забывает ни о своих обязанностях, ни о том, что он должен подчиняться сэру Хадсону Лоу. Флагманский корабль «Ньюкасл» с 60 пушками на борту должен охранять порт; с фрегата ведется наблюдение за подступами к острову, и два брига, неделями не вставая на якорь, крейсируют с наветренной и подветренной стороны. С заходом солнца все рыбачьи лодки возвращаются в гавань и досматриваются; вплоть до рассвета никто не имеет права выйти в море. Впрочем, дружеским отношениям, возникшим между Лонгвуд Хаус и домом Бриаров, где поселились Малькольмы, вскоре будет положен конец. Губернатора, несмотря на абсолютную лояльность адмирала, выводят из себя сообщения о его встречах и беседах с Наполеоном, ибо он не желает терпеть ни разговоров о своей политике, ни обсуждения оной, ни тем более критики. Отношения становятся все хуже, и в сентябре 1816 года адмирал, в чьем ведении находится морская стоянка на мысе Доброй Надежды, решает отправиться в Южную Африку, а перед самым отъездом нанести визит вежливости в Лонгвуд. Поскольку Малькольм был свидетелем бурной августовской сцены между Императором и Лоу, последний, полагая, что здесь задето его самолюбие и его власть, считает необходимым не допустить этого визита, показав таким образом населению острова, что командующий флотом следует политике Плантейшн Хаус. Он отправляет ему записку, долженствующую указать, полагает он, на неуместность встречи с Бонапартом, не больше и не меньше. Предупреждение не возымело желаемого действия, ибо адмирал вежливо, но твердо отверг все возражения.

«Я сожалею, что вы относитесь к визиту вежливости, который я намерен нанести Бонапарту, иначе, чем я. Я думаю, что даже если правительство приказало еще более ужесточить его положение, оно тем не менее не может не желать, чтобы ему продолжали выказывать некоторое уважение. Сия уверенность побуждает меня придерживаться известного вам мнения; кроме того,

мой визит, скорее всего, будет иметь сугубо протокольный характер».

Выиграв этот ход у губернатора, Малькольм явился с визитом к Наполеону, и тот, словно почуяв что-то, умело избегал упоминания имени сэра Хадсона Лоу, который снова остался в дураках. В марте 1817 года отношения между Плантейшн Хаус и домом Бриаров были окончательно прерваны. Переписка губернатора и адмирала приобретет особо острый характер, когда у Лоу появятся подозрения, что адмирал дает ему недостаточно подробный отчет о своих беседах с Наполеоном и в них затрагивается большее количество тем, чем указано в донесении.

«Я полагаю, что качество службы его величеству не зависит от степени подробности моего отчета, — сухо отвечает на эти придирки адмирал, — тем более что мое мнение в этом вопросе не совпадает с вашим. До тех пор пока я буду иметь честь исполнять обязанности командующего, я при любых обстоятельствах должен действовать в соответствии с моими собственными убеждениями».

— Я имею право надеяться, — выходит из себя Лоу, — что вы в своем поведении будете руководствоваться моим мнением, а не тем, что вам подсказывают ваши убеждения».

Однако ни разрыва отношений, ни публичного скандала не будет. Но когда Малькольмы покинут остров в июне 1817 года в связи с окончанием срока пребывания на посту командующего сэра Пултни, очевидной станет их неискоренимая взаимная неприязнь. Когда много лет спустя, листая свои объемистые досье, Лоу наткнется на имя адмирала, он не может удержаться от возмущенных комментариев:

«Из-за слишком частых визитов адмирала Малькольма в Лонгвуд у меня были с ним жесткие стычки. Он позволял себе, без моего ведома, посылать туда газеты. Он нарушал все правила, действуя исключительно по своему усмотрению. В конце концов, я отправил жалобу на него в министерство, сопроводив ее подробными отчетами. Это безответственный человек».

И еще:

«Этот человек был причиной всех моих неприятностей, это из-за него я не мог наладить отношения с *Соседам*. Он поддерживал их надежды, давая понять, что парламент может заинтересоваться их участью, что он добьется поддержки в Англии. Именно с этой целью он и прибыл на Святую Елену; он шпион. Но здесь он погорел. Он больше не получит никаких должностей».

Поддавшись ярости, Лоу выходит из себя и теряет всякий контроль над собой:

«Он — причина всех моих неприятностей в отношениях с иностранными комиссарами. Он наделал здесь много зла; его для того сюда и прислали, этого проклятого сукина сына!»

Теперь достоверно известно, что Малькольм стремился занять пост губернатора. Возможно, Лоу знал об этом. Но что двигало Малькольмом? Желание смягчить участь изгнанника? Честолюбие, стремление оказаться причастным к великому эпизоду истории? Или желание во что бы то ни стало взять верх над хозяином Плантейшн Хаус? Кто сможет когда-либо сказать это? Во всяком случае, Малькольмы встретили весьма любезный прием в Англии. Конечно же у них были обширные связи, и шум, поднятый вокруг их имени, исходил от той немногочисленной элиты, в чьих руках находятся и финансы, и политика, и пресса; но, кроме того, действовала еще и либеральная партия, желавшая поднять на щит благородное поведение сэра Пултни. Благодаря этому и возникли слухи относительно нового назначения адмирала. Речь шла якобы о должности Лорда Адмиралтейства и... о губернаторстве на Святой Елене. Говорили, что он выразил готовность сменить Лоу на посту губернатора при условии, что будут отозваны иностранные комиссары. Ничего этого, однако, не произошло, и адмирал достойно завершил свою карьеру, так и не сыграв желанной роли на этой затерянной в океане скале — что, возможно, изменило бы участь изгнанников. После его отъезда Лоу вздохнул с облегчением: среди британцев у него более не осталось на острове равных ему противников.

Мощный военный аппарат, осведомительная сеть, проблемы снабжения Лонгвуда, отношения с сухопутными и морскими частями поглощают все время сэра Хадсона. В своем мрачном и сыром кабинете в Плантейшн Хаус он получает письма и донесения, прислушивается к сплетням, выслушивает и расспрашивает офицеров и солдат, лакеев и прачек, а потом до позднего вечера строчит свои доклады государственному секретарю. Закончив эту работу и поручив исправления и переписку верному Горрекеру, он садится на лошадь и по круто поднимающейся вверх дороге Лэддер Хилл прибывает в Джеймстаун, где находится канцелярия Индийской компании. В старом Замке, в своем огромном кабинете с выходящими на море большими окнами, он встречается с членами Совета, своими помощниками по административным вопросам. Среди них казначей сэр Уильям Доветон, бухгалтер Роберт Лич, смотритель склада Томас Грентри, безликие статисты, безликие конторские служащие, которые при одном лишь появлении сэра Хадсона Лоу застывают в почтительной позе.

В зале Совета раз в неделю проходят заседания под председательством «его превосходительства сэра Хадсона Лоу, кавалера ордена Бани, губернатора и главнокомандующего» для обсуждения многочисленных вопросов повседневной жизни колонии, проблем жилья, снабжения, содержания поручений Компании, арендных договоров и иных прошений, поданных секретарю за истекшие дни. В исполнении этой части своих обязанностей Лоу не выказывает той страсти к мельчайшим подробностям, каковую демонстрирует в отношении военных дел: каждое досье обычно бывает тщательно рассмотрено и должным образом оформлено, и каждый корабль, направляющийся в Великобританию, везет объемистый пакет с депешами.

В 1816 году тон его посланий, равно как и ответов на них, весьма доброжелателен, и некоторые высокомерные замечания Лоу в Лондоне намеренно оставляют без внимания. Но дело фермера Брима все портит

и дает повод членам «Достопочтенной Палаты директоров» уведомить Лоу, причем в весьма резких выражениях, о том, что они думают о его правлении и о его отношении к ним.

Вкратце суть дела сводится к следующему: фермер Брим, служащий Компании, обвиняемый в хищении денежных средств, небрежном ведении счетов и незаконных продажах, был отстранен губернатором от исполнения своих обязанностей до завершения расследования, которое оказалось долгим и сложным и не дало окончательного подтверждения виновности этого человека. Последний, не теряя времени, отбыл в Англию и поднял шум, не оставивший безразличными «достопочтенных директоров». 2 мая, за три дня до смерти Наполеона, они так решительно атаковали Лоу, словно на них была возложена миссия подвести итог его губернаторству и положить конец его правлению. Под грифом «Секретно и конфиденциально» они излагают суть своих претензий:

«Когда мы читали депеши со Святой Елены за 1820 год, мы не могли не обратить внимания на тон и стиль как ваших писаний, так и выступлений губернатора в Совете. Мы убеждены, что вы не стремились выказать неуважение Палате директоров, но когда вы ознакомитесь с наиболее важными пунктами, кои мы сейчас перечислим, вы согласитесь, что у нас были основания истолковать подобным образом ваше поведение. И тогда, принимая во внимание позицию, занятую вами по отношению к Палате, вы признаете, сколь неуместно было ваше поведение. Мы не можем допустить, чтобы нам давались указания относительно способов получения сведений о наших делах на Святой Елене. Мы настаиваем на том, что имеем право критиковать любое действие вашей администрации. Ваш тон и ваша горячность совершенно неуместны, если принять во внимание ваше нынешнее положение по отношению к Палате. Мы не можем допустить, чтобы вы намеренно выражали нам неуважение в вышеупомянутых нами делах, а посему надеемся, что вы не замедлите убедиться в том, что позволили ввести себя в заблуждение и вынесли неправильное решение;

сие позволит положить конец этой неприятной переписке».

Этот грубый выговор заслуживает того, чтобы обратиться на него внимание, ибо позволяет дополнить психологический портрет непримиримого «тюремщика». Критика, действительно, исходит от британцев, которые подписываются как «ваши верные друзья» и не имеют никакого отношения к содержанию в плену французов. А потому они свободны от ярости и несправедливой пристрастности, отличающих суждения о Лоу очевидцев и историков. Лоу желал обращаться с директорами с теми же высокомерием, спесью и деспотизмом, что и с «пленниками Лонгвуда». Все, что в арсенале Индийской компании препятствовало осуществлению его миссии, казалось ему бесполезным, пустым и достойным осуждения; безграничные полномочия, полученные им от лорда Батхэрста, одобрение правящей партии Великобритании и находящихся на содержании правительства газет до такой степени ослепили его, что он возомнил, будто деятельность его всегда и во всем может вызывать лишь одобрение. Его защитники пытались представить его правление на Святой Елене как своего рода «просвещенное проконсульство». Они говорили об освобождении рабов, о посадках лесов, о водоснабжении и о полном одобрении его деятельности Индийской компанией. Вышеприведенный документ ясно показывает, что Палате директоров было так же трудно заставить этого непреклонного и несговорчивого советника считаться со своей властью, как и находящемуся в полной от него зависимости Наполеону — сохранять свое достоинство.

ИНОСТРАННЫЕ КОМИССАРЫ

Личности трех иностранных комиссаров, пребывающих на острове, интересны каждая по-своему. В силу обстоятельств они колеблются между двумя лагерями, склоняясь то на сторону надзирателя, то на сторону изгнанника, движимые кто склонностью к изысканному столу, кто любопытством, а главное, желанием угодить губернатору, дабы воспользоваться его гостеприимством и приблизиться к знаменитому пленнику, а значит, иметь возможность писать в донесениях своим дворам: «Бонапарт мне сказал» или «Бонапарт считает». Эти три комиссара — маркиз де Моншеню, представитель Людовика XVIII, граф Бальмен, назначенный русским царем Александром, и барон фон Штюмер, избранный Австрией.

В подписанном союзными державами 2 августа 1815 года Соглашении, определявшем участь Императора, предусматривалось следующее:

«Надзор за ним поручается британскому правительству. Выбор места и мер, кои могут наилучшим образом обеспечить оный, предоставляется Его Величеству королю Англии. На место ссылки Бонапарта Императорские дворы Австрии и России и Королевский двор Пруссии должны направить своих комиссаров, каковые, не будучи ответственными за надзор за ним, должны убедиться в его действительном там присутс-

твии. От имени четырех вышеупомянутых дворов его христианнейшему величеству предлагается направить французского комиссара в место заключения Наполеона Бонапарта».

Когда известие об этом пункте договора дошло до Наполеона, у него возникли некоторые надежды, связанные с этими посланниками и дипломатическим характером их миссии.

— В конце концов, — сказал он Лас Казу, — император Франц — человек религиозный, а я — его сын*. А что касается Александра, так ведь мы были друзьями.

Но в этом и заключается одна из слабостей Наполеона: выйдя из народа, он так и остался в душе простым человеком, а потому был убежден в искренности монархов, тем более абсолютных монархов, каковыми являлись Александр и Франц; он думает, как обыватель, что узы, выкованные в годы славы, останутся нерушимыми и в несчастье, как это бывает в корсиканских кланах. Он не может смириться с тем, что уверения в дружбе государей являются лишь частью их политики и что, лишенный императорской короны, он не будет уже ни «нежно любимым сыном» императора Австрии, ни «любимым братом» царя, но скорее напоминанием о постыдном союзе, которое поспешат уничтожить, выкупив за немалые деньги письма, кои в свое время имели неосторожность направлять ему. А посему иностранные комиссары не будут облечены особой миссией и не доставят Императору личных посланий своих государей; для изгнанника это окажется очень горьким разочарованием.

Маркиз де Моншеню

Талейран назначил Клода-Марэна-Анри маркиза де Моншеню на пост комиссара короля Франции на Святой Елене 23 сентября 1815 года, накануне того дня, когда Людовик XVIII поставил вместо него во главе

---

* Напомним, что Наполеон приходился зятем императору Францу, а сын Наполеона от Марии-Луизы Австрийской воспитывался при Венском дворе. (*Прим. ред.*)

правительства Франции герцога де Ришелье. Очевидцы уверяют, что, выводя свою подпись под министерским постановлением, тот, кого Император сделал князем Беневентским, насмешливо пробормотал: «Этот Моншеню дурак и болтун. Он уморит пленника скукой».

Но прежде чем уморить скукой Наполеона, маркиз немало потешит англичан. Уже в день прибытия он произведет колоссальное впечатление своим шитым золотом мундиром бригадного генерала, своей шпагой и напудренным париком с косицей. Маленький, краснолицый, живой, вылитый «старорежимный маркиз», он бросится к группе офицеров, пришедших посмотреть на высадку важных гостей, которых береговые батареи приветствуют тринадцатю пушечными залпами.

— Ради бога, господа, говорит ли кто-нибудь из вас по-французски? Ведь я не знаю ни слова по-английски! Я приехал доживать свой век на этой скале, а языка не знаю.

История эта быстро становится известной. Нетрудно себе представить, каким тоном и с какой улыбкой Наполеон, выслушав ее, произнес: «Я знаю этого Моншеню. Это старый м..., болтун, обозный генерал, даже не нюхавший пороха. Я его не приму!»

Русский резидент Бальмен, описывая этот эпизод в донесении царю, язвительно добавил: «Весьма досадно то, что портрет схож с оригиналом; маркиз очень высокого мнения о своей должности, ибо другой у него никогда не было».

Выходец с юга Франции, граф де Моншеню утверждал, что его семья связана родственными узами с королевскими домами Франции и Испании. В одно прекрасное утро он сделал выбор в пользу более звучного титула маркиза и на Святой Елене никогда не упускал случая в присутствии британцев и своих русского и австрийского коллег похвастаться древностью и величием своего рода. Ему пятьдесят восемь лет, а службу в армии он начал с пятнадцати лет и в 1791 году стал полковником. Само собой разумеется, он эмигрировал и нашел пристанище в Кобленце, где произвел на всех впечатление не слишком умного интригана, желаю-

щего быть замеченным, чтобы занять должность, на которой его предшественники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Его австрийский коллега после трех месяцев путешествия в обществе этого странного посланника пишет со Святой Елены в донесении своему двору: «Он напрочь лишен качеств, необходимых для исполнения возложенных на него обязанностей. Человек он порядочный, но малообразованный и на редкость бестактный; он никогда не занимался государственными делами, не имеет о них ни малейшего представления и не умеет логически мыслить. Во всем им движет лишь безграничное тщеславие; он не сумел завоевать здесь симпатий, а его смехотворные выходки окончательно лишили его какого бы то ни было уважения».

Но какой ненавистью он пылает! В то время как другие резиденты ведут себя с истинно дипломатической сдержанностью, нетерпеливый маркиз петушится, топает ногами и возвышает голос. Нужно выломать дверь Бонапарта, если он откажется показаться. Пусть дадут ему, Моншеню, гвардейский эскорт, и он возьмет это дело на себя. А все дело в том, что с тех пор как он вернулся во Францию и во время Империи, при содействии Камбасареса и Лебрена, был вычеркнут из списка эмигрантов, он не переставал плести интриги против «Узурпатора». Скрываясь в Лионе, почти без средств к существованию, он часто прилюдно заявляет: «Когда этот человек будет низвергнут, я стану умолять короля сделать меня его тюремщиком». Впрочем, это скорее свидетельствует о терпимости имперской полиции.

Слово свое он сдержал и теперь рассчитывает заставить говорить о себе во Франции и Европе. Свои обязанности он исполняет со всей возможной суровостью, не забывая при этом извлекать выгоду из этой ужасной ссылки. Его жалованье в 50 тысяч франков дает ему на Святой Елене 2500 фунтов, что представляет очень приличный доход. Но в каждом письме он вопиет о своей нищете, докучает Министерству иностранных дел сообщениями о том, что едят его лакеи, сколько стоит овес для лошадей и почему здесь свечи, и что

рыба здесь большая редкость*. В сопровождении молодого адъютанта, исполнявшего обязанности секретаря, некоего Жана Клода Гора, который, дабы оказать честь «старинному дворянству» своего шефа, добавил себе аристократическую приставку и превратился в капитана де Гора, он первым делом отправился на поиски жилья, что совсем непросто, так как все приличные здания заняты прибывшими для пополнения гарнизона офицерами. В конце концов он снял меблированный дом напротив дома Портеса и, покончив со всеми делами, принялся изливать свои жалобы герцогу де Ришелье, своему министру:

«Стирка здесь — нечто совершенно невообразимое: понять, что это такое, можно лишь зная о немыслимой цене топлива, о том, как трудно найти прачек; мыло также стоит невероятно дорого; я думаю, что эти расходы потянут на 100 фунтов; что касается корма для лошадей, то я сговорился с поставщиком Бонапарта на 4 шиллинга 2 пенса в день на каждую лошадь, так что, не съев еще и куска хлеба, я должен выложить 988 фунтов. Что касается продуктов питания, то труднее всего достать здесь говядину, молоко, масло, то есть продукты первой необходимости».

Месяц спустя он возобновляет свои жалобы: «Я нахожусь в большой крайности. То, как я живу, не может не вызвать у вас сострадания. Вы знаете, что бедность, в глазах англичан, лишает человека какого бы то ни было уважения; а потому мне часто приходится поститься,

---

* Нужно сказать, что цены на острове действительно были непомерными. За соломенные стулья у маркиза просили 65 фунтов, 370 фунтов — за жилье и 100 — за стирку. Слуги ему были предоставлены из числа рабов. 60 фунтов в год — за повара (которого он выбрал не сам), 42 фунта — за негра, который должен чистить лошадей, сопровождать его и подавать на стол, 40 фунтов — другому негру, который каждый день приносит воду и ходит в город за провизией, 36 фунтов — девице за мытье посуды и уборку в доме. Маленькие тощие цыплята — по 6 шиллингов за штуку, а говядина — и что это за мясо! — 2 шиллинга за фунт. 130 фунтов маркизу хватило на одежду, и он даже смог обновить свой гардероб, купив две круглые шляпы, два фрака, два сюртука, четыре пары брюк, три пары сапог, восемнадцать рубашек, двадцать четыре пары чулок, шесть полотенец, восемь пар кальсон, шесть ночных колпаков и пару простынь. Все эти сведения покоятся в архивах Министерства иностранных дел.

чтобы иметь возможность угостить бутылкой красного вина тех двух или трех посетителей, которые иногда приходят ко мне утром. Я имею честь вас заверить, что они этого заслуживают, хотя из-за жары и плохих дорог приезжают ко мне верхом».

В день Святого Людовика Лоу не без коварного умысла говорит ему:

— Вам бы следовало дать обед, это произведет хорошее впечатление.

Простак с удивлением смотрит на него и начинает объяснять, что у него в доме мало стульев, что у него нет серебряной посуды и денег на подобные траты и что он не хочет занимать деньги в счет своего жалованья, не зная, сможет ли он вернуть долг, а выглядеть нищим не желает. Праздник все же состоялся благодаря выданному Лоу авансу в 800 фунтов, которые маркиз с радостью положил в свой карман, потратив на раут лишь 171 фунт. Скупость его была прекрасно известна на острове, и что бы он там ни писал, он никогда не устраивал ни обедов, ни приемов, но и его приглашали, лишь когда он приезжал верхом, да и приглашать его не было нужды, ибо появлялся он по преимуществу в часы, подходящие для какой-нибудь трапезы. Прозвище его за несколько дней облетело всю колонию: его коллеги и британцы, понимающие французский, называют его «маркиз де Поднимись-к-нам»*, а англофоны, чтобы не оставаться в долгу, окрестили его *Old Munch Enough*, то есть «Старый обжора». Этот потомок благородного рода отнюдь не отличается безупречными манерами: на острове еще долго будут говорить о том, как он напивался в Плантейшн Хаус (однажды он перепачкал множество салфеток леди Лоу), о его попытках соблазнить свою домохозяйку, стареющую англичанку, которая отбивалась от него, как могла, а также о его пылких признаниях в чувствах леди Лоу, относительно которой он сообщал всем и каждому, что, «будь она помоложе, он бы наставил рога ее мужу». Вполне аристократические манеры...

Едва на горизонте появляется парус, пылкий «посланик» хватается за перо и строчит нескончаемые донесе-

---

* По-французски фамилия маркиза *Montcheni* звучит похоже на *Monte chez nous* («Поднимись к нам»). (Прим. пер.)

ния, хранящиеся в папках Министерства иностранных дел, в которых бессвязность и убожество соседствуют с глупостью и вульгарностью, но которые разукрашены всеми местными сплетнями. Судите сами:

«Монсеньор, ничего не переменялось с тех пор, как я имел честь писать Вашему Превосходительству 20 июня. Мы все еще не видели Бонапарта, и очень может быть, что мы его не увидим до тех пор, пока не поступит специальное распоряжение на сей счет английского правительства.

Я уже имел честь говорить о том влиянии, какое Бонапарт имеет здесь на всех; лица подчиненные, с которыми он очень ласков, обожают его, но он в ссоре с губернатором, который его боится, но при этом отлично выполняет свои обязанности и стесняет его свободу в той же степени, в какой ему выказывают неприязнь.

В прошлую пятницу у него посреди ночи начался пожар. Его потушили с большим трудом, благодаря усилиям шестисот человек, прибывших очень вовремя, ибо все считают, что появившись они десятью минутами позже, и все бы сгорело.

Жизнь так однообразна, что у него никогда не происходит ничего интересного. Однако вот небольшая историйка. Я уже имел честь говорить вам о Бетси Балькомб. В прошлое воскресенье были приглашены гости по случаю благополучного разрешения от бремени мадам де Монтолон. Когда они собрались у нее, Бонапарт, зная об этом, встал у окна, из которого видно ее комнату, и всех приветствовал. Он даже сказал несколько слов, а потом вышел в сад, куда все и направились. Он спросил у маленькой Бетси, которую он давно не видел и которая раздражает его своей фамильярностью, не перестала ли она быть такой злючкой. Он заметил, что она очень выросла, и тотчас добавил: «Впрочем, сорная трава всегда растет». Обиженная малышка заметила, что он в этот день не брился и ответила ему, что это «очень некрасиво и грубо» принимать женщин с такой длинной щетиной.

У него сорок слуг, как французов, так и рабов, и им требуется каждый день пятьдесят одна порция. У него

больше дюжины лошадей и два экипажа. Когда он выезжает в экипаже, его сопровождают Гурго и польский офицер; оба верхом и в мундирах; у него в упряжке всегда шесть лошадей*. Хотя у меня пока еще нет лошадей из-за невозможности достать их здесь, я уже знаю остров. Я уже побывал во многих местах с губернатором, который иногда одалживает мне лошадей. В двадцати трех местах воды стекают в море, однако есть лишь четыре места, где могли бы высадиться несколько человек на шлюпке, да и то с большим трудом, потому что прибой здесь очень сильный. И тем не менее все эти места охраняются и находятся под защитой батарей. Даже если бы несколько человек смогли высадиться в этих ущельях, то выйти из них практически невозможно, так как скалы здесь почти отвесные и полностью лишены растительности. А если увидят, что где-то пробежала собака, то там обязательно поставят часового.

Мы обнаружили небольшую бухту, именуемую Руперт, где корабль мог бы встать на якорь. В долине имеется тропинка, по которой, хотя и с трудом, можно пройти; напротив находится хорошо охраняемый форт с большим количеством артиллерийских орудий. Я, однако, должен заметить, что подойти туда можно лишь на шлюпках, а поскольку воды там лишь по плечи и бухта усеяна рифами, корабль может встать на якорь лишь в полумиле от батарей. Море везде довольно мелкое, так что, даже овладев фортом, невозможно оттуда выбраться; и там постоянно крейсирует фрегат с 36 пушками. Лонгвуд — единственная равнина на острове, весьма обширная, имеющая около четырех миль в окружности.

Вот в этом пространстве Бонапарт и его семья, как здесь говорят, имеет право прогуливаться без сопровождения, но только до тех пор, пока солнце не скроется за горизонтом. После захода солнца появляется

---

* Польским офицером был Пионтковский, прибывший на остров в конце 1815 года; он уверял, что обер-гофмаршал разрешил ему сопровождать Императора в качестве капитана легкой кавалерии. Человек этот был крайне подозрителен и при первой возможности был выслан со Святой Елены, после чего он объявил себя «графом, полковником Императорской гвардии, ординарцем Императора и офицером Почетного легиона».

ночная стража и выстраивается в пятнадцати шагах от дома, причем дозорные стоят почти вплотную друг к другу.

Губернатор четыре раза в день получает сведения о своем пленнике, где бы тот ни находился, на что требуется не более двух минут. Бегство совершенно невозможно, ибо даже если бы губернатор допустил его, то охрана, установленная на море, сделала бы его невозможным. Дозорные ведут наблюдение день и ночь. Как только появляется какое-нибудь судно, обычно на расстоянии 60 миль, раздается пушечный выстрел, и первый, кто его заметил, получает один пиастр. Два брига крейсируют день и ночь вокруг острова; а в двух местах, где возможна высадка, стоит по фрегату; зайти же в бухту Руперт невозможно, не подвергшись обстрелу из фортов города и с “Ньюкасла”. Ночью невозможно ни подойти к берегу, ни отчалить, так как вооруженные шлюпки патрулируют до рассвета.

Несколько дней назад американский корабль, которому непогода помешала подойти к Кейптауну, направился к острову с намерением войти в бухту; с дозорного корабля ему было вежливо предложено проходить мимо; капитан возмущенно заявил, что им нужна передышка, и требовал пропустить их; в ответ ему так же вежливо пообещали несколько пушечных выстрелов, и капитан, очень недовольный, вынужден был подчиниться. На следующий день португальскому военному кораблю повезло больше: у него кончились запасы воды, и, так и не позволив ему зайти в бухту, воду все же доставили на борт корабля.

После вечерней зари никто не имеет права перемещаться даже внутри территории, не имея пароля, который сообщается очень редко. Я же всегда его получал либо сам, либо посылая месье де Гора. Двое моих братьев вынуждены делать это самолично.

Адмирал, который часто бывает у Бонапарта, на прошлой неделе беседовал с ним в течение трех часов. Бонапарт говорил о Египте, о Ватерлоо и о многих английских офицерах. Он говорил с ним о нас и в связи с этим сказал: “Я не считаю себя пленным; вы не захватили меня, я сам доверился английской честности; я у

вас в руках, в добрый час, но я не считаю себя пленным. Если бы я принимал этих господ в качестве комиссаров, это бы означало, что я признаю себя пленником этих держав, а я ни за что не приму их. Если они хотят меня видеть, пожалуйста, им нужно всего лишь обратиться к Бертрану. И потом, что делает здесь этот австриец? Ему даже не поручено доставить мне известия о моей жене и моем сыне. Речь ведь идет о моем сыне. Двадцать раз я видел его господина у моих ног. А этот русский? У меня имеется тридцать писем его императора, в которых тот благодарит меня за все, что я для него сделал. Может быть, он думает сейчас обо мне и о том, чтобы облегчить мою несчастную участь? Я вам покажу все письма, которые мне писали эти государи. Что касается Людовика XVIII, то это другое дело, мне не на что жаловаться, ибо я никогда не имел с ним никаких сношений”.

Он очень жаловался на губернатора. “Неужели у Англии нет других колоний, куда можно было бы меня отправить?” Адмирал объяснил ему, почему нельзя ничего изменить. “Так, стало быть, я должен умереть здесь?” Адмирал ответил ему с улыбкой: “Думаю, что да”. Продолжая разговор, он бросил взгляд на вершину высокой горы и увидел там наблюдательный пост.

— Что за глупость! Зачем нужен этот пост? Они боятся, что я смогу убежать? Разве я птица, чтобы улететь отсюда? Зачем эта тюрьма? Почему нельзя позволить мне свободно передвигаться по острову?

— Вы можете это делать.

— Да, в сопровождении офицера; я понимаю, что нельзя позволить мне ходить одному по городу, это невозможно; но по всему острову? Зачем нужен этот офицер? Я все время выгляжу пленным; я не пленный; я в ваших руках, в добрый час, но я не пленный.

Вот, господин герцог, чем объясняется его поведение. Я имел честь говорить вам о необходимости иметь лошадей и о том, как трудно их здесь достать. Я решил отправить месье де Гора в Кейптаун, где они очень дороги, но где их все же можно найти. Кроме того, ему нужно было переменить обстановку, чтобы поправить здоровье. В Европе уж слишком хвалили здеш-

ний климат. Нельзя сказать, чтобы он был нездоровым, но достоинства его явно преувеличены. Я не то чтобы болен, но чувствую себя неважно. У меня нет аппетита. Здесь очень жарко, и даже в разгар зимы температура не опускается ниже 20° даже ночью. Пища, которую можно получить здесь за немалые деньги, совершенно нам не подходит. Я еще не говорил вам о моем жилье: из-за отсутствия средств я живу в каком-то сарае, и даже будь они у меня, я бы лишь с большим трудом смог получить нечто более или менее подходящее.

Я прошу вас оказать мне помощь временным кредитом, а через месяц, получив мой подробный отчет, вы сможете назначить мне соответствующее жалованье.

Я имел честь сообщить вам, что барон Штюрмер и я написали губернатору, чтобы получить возможность видеть Бонапарта. Но поскольку в инструкциях, полученных графом де Бальменом, не говорится ни о протоколе, ни о необходимости видеть его собственными глазами, последний полагает, что собственноручно добавленный Императором пункт, предписывающий выказывать пленному всяческое почтение, не позволяет требовать того, что могло бы быть ему неприятно.

Нам сообщили, что вскоре будет обнародовано нечто вроде манифеста.

Имею честь, господин герцог, быть покорнейшим и почтительнейшим слугой Вашего Превосходительства. Моншеню».

Русский комиссар не ошибался, когда в это же время писал о своем французском коллеге: «Он не создан для того, чтобы исполнять должность, требующую трезвости суждений и таланта, но он прекрасно себя чувствует в своем нынешнем совершенно бессмысленном положении: у него нет иных занятий, кроме как дожидаться получения жалованья». Отношения между Моншеню и Лоу не лишены оригинальности, но знакомство с их перепиской оставляет удручающее впечатление, если сравнивать лаконичную сухость записок Лоу, написанных несколько неуверенным, но гладким французским языком, с неловкостью, туманностью, погреш-

ностями в стиле и безвкусицей посланий маркиза. Безусловно, речь в них не шла о серьезных политических делах, но одному было важно держать в узде неисправимого и докучного болтуна, а другому — выпросить себе приглашение в гости или сгладить свою очередную бестактность... «Я очень приятно провел время в компании, которую одна или две женщины, неважно, хорошенькие или уродливые, но весьма любезные, украшали своим присутствием, — жаловался этот фигляр. — Вот что я хотел бы найти на Святой Елене, но я давно от этого отказался. Единственное мое желание — как можно чаще играть после обеда в вист в течение двух или трех часов, потому что я не люблю, выйдя из-за стола, приниматься за серьезные дела. Мое единственное желание — это убить время, прежде чем оно убьет меня». Трудно быть более откровенным — и более грубым по отношению к леди Лоу. Впрочем, губернатору не нужны эти наивные записки, чтобы понять, чего стоит его жалкий собеседник. Но при малейшем разногласии — а они нередки — кичливый посланник Людовика XVIII встает на котурны и с высоты своей глупости бросает в лицо губернатору фразы, которые считает заимствованными из дипломатического лексикона: «Наш двор, мой титул, международное частное право, международное публичное право, полномочия, коими я облечен». Ответ обычно не заставляет себя ждать, ибо Лоу знает, как осадить старика: «Это единственное объяснение, которое я в состоянии вам дать. Две записки, о которых вы говорите, не произвели ни малейшего впечатления. А другая, как формой, так и содержанием, противоречит существующим у нас обычаям». Вот так!

Но бывает и хуже. Как-то раз Моншеню предложил просить Людовика XVIII стать крестным отцом только что родившегося ребенка леди Лоу. Губернатор пришел в крайнее раздражение:

— Я скорее попрошу об этом Бонапарта!

А вот еще и другие перлы. В один прекрасный день Моншеню громогласно выражает протест и требует компенсации: французский консул в Кейптауне отправил ему дюжину баранов и сено, а командир корабля имел дерзость кормить этим сеном баранов, «предна-

значенных для острова». В другой раз он приносит извинение за то, что не явился на официальную встречу, потому что в приглашении день был написан буквами, а дата — цифрами, а он не умеет читать буквы по-английски. Или же как-то утром он надевает свой прекрасный мундир, чтобы пойти к губернатору и доложить ему о своей встрече с графиней Бертран в Лонгвуде. Моншеню попросил у нее конфет.

— А почему бы вам не зайти в дом? — предложила графиня. — Конфеты на столе.

Или в другой раз он жалуется, что леди Лоу не приняла его, когда он утром явился засвидетельствовать ей свое почтение, и бурно выражает свое возмущение. Но Лоу ставит его на место: «Тон и выражения, в коих была составлена ваша записка, не соответствуют нашим обычаям. Вы мне толкуете о правилах *высшего общества*, и я рассуждаю точно таким же образом». Когда его французского слугу полиция задерживает за то, что он выломал дверь, чтобы ворваться к рабыне со вполне определенными намерениями, он вопит, что слуги его «дома» подсудны только королю, его господину, который являет собой воплощенную справедливость. Ну разве не глупость?!

Не раз и не два Плантейшн Хаус сотрясается от проклятий в адрес *The Old Frog* («Старой Жабы»), которую здесь называют сволочью и болваном, а также в адрес его «господина» и его «двора». «Губернатор, — пишет Горрекер, — заявил адмиралу Плэмпину, что *Жирная Свинья* — Людовик XVIII — идиот и тупица, а адмирал его поддержал». А вот запись, сделанная днем позже: «Какая наглость со стороны *Жирной Свиньи* присылать подобные инструкции *Старой Жабе!*» А дело в том, что маркиз осмелился сообщить о полученных из Парижа депешах, предписывающих ему явиться в Лонгвуд и самолично получить сведения о Бонапарте.

— Ах, так ему приказано рассмотреть его поближе! — хохочет Лоу. — Ну что ж, пусть только попробует написать мне или заговорить со мной на эту тему. Я быстро поставлю его на место. Хорошенькое дело! Его двор требует, чтобы он вмешивался в мои дела и судил о моих действиях! Я с превеликим удовольс-

твием дам урок его двору, но я предпочитаю действовать с осторожностью, чтобы ни его двор, ни какой бы то ни было другой не вздумали совать нос в мои бумаги».

Хитрец прекрасно знает, что весь этот шум имеет не больше значения, чем легкий прибой, который всего лишь лизнет дорожки Плантейшн Хаус, и что красиво накрытого стола, изысканного обеда и обслуживания, достойного «высшего общества», достаточно, чтобы сделать Моншеню сдержанным и покладистым. «Пока я был в Бразилии, — сообщает Бальмен своему двору, — французский комиссар маркиз де Моншеню жил в Плантейшн Хаус, вкусно ел, играл в вист и не занимался никакими делами. Он попросил у короля своего господина в награду за службу на Святой Елене звание генерал-лейтенанта, красную орденскую ленту и дополнительные 500 фунтов в год. Ничего не скажешь, славный у меня здесь коллега!»

В зависимости от этих стычек и примирений Моншеню становится для Лоу то «гнусным интриганом, тупицей и фатом», то «единственным иностранным комиссаром, с которым можно договориться». Беда, правда, в том, что в его устах и то и другое звучит осуждением. А что касается Наполеона, то, поразмыслив, он лаконично заявляет в октябре 1817 года, что если маркиз осмелится явиться в Лонгвуд, «он прикажет дать ему под зад коленкой».

Барон фон Штюрмер

Австрийский коллега маркиза барон фон Штюрмер — профессиональный дипломат, сотрудник князя Шварценберга, исполнявший важные дипломатические поручения в Санкт-Петербурге, Париже и Флоренции и назначенный на Святую Елену в награду за «честную и добросовестную службу». Незадолго перед тем как ступить на борт «Оронта», он женился на молодой француженке, с которой познакомился совсем недавно, когда находился во французской столице вместе с представителями других союзных держав. Обитатели Лонг-

вуда имеют некоторые основания радоваться его прибытию, о чем Лас Каз сообщает Императору:

— Два или три года назад один служащий военного министерства приходил давать уроки письма и латыни моему сыну. У него была дочь, которую он хотел отдать в гувернантки и просил нас дать ей рекомендацию. Мадам де Лас Каз попросила привести ее к ней: девушка была прелестна и обаятельна. Так вот, эта юная особа, наша знакомая, наша подопечная, ныне является женой одного из комиссаров союзных держав, направивших их на Святую Елену. Но судите, ваше величество, каково было мое удивление. Я послал слугу ко вновь прибывшей особе. Вернувшись, он сказал мне, что эта дама ответила, что не понимает, о чем с ней хотят говорить.

Наполеон громко рассмеялся и дал своему смущенному дворецкому краткий, но горький урок психологии:

— Как плохо вы знаете человеческое сердце! Ее отец был воспитателем вашего сына или чем-то в этом роде? Ваша жена оказывала ей покровительство, когда она была никем? И вот теперь она стала немецкой баронессой? А потому, мой дорогой, она опасается вас здесь более, чем кого-либо другого!

По словам британцев, Штюрмер — человек «школы Меттерниха», невозмутимый, благовоспитанный, с учтивыми манерами, а баронесса — «просто хорошенькая парижанка и ничего больше». Она в восторге от того, что стала госпожой фон Штюрмер, она без ума от туалетов и драгоценностей, коих ей всегда не хватает. Один английский офицер сообщает, что эта мидинетка*, волею случая попавшая в мир дипломатии, бесстыдно заигрывает с генералом Гурго, чтобы получить от него бриллиантовую булавку:

— Вы должны мне что-нибудь подарить в память о нашей дружбе, например булавку. Вы знаете, она колется, но ведь она и связывает...

Что же касается профессиональных качеств ее супруга, то Лоу не понадобилось много времени, чтобы оценить их. «Он истинный ученик Меттерниха. Хаме-

---

* Мидинетка (*фр.*) — молоденькая парижская швея, модистка или продавщица в магазине женской одежды. (*Прим. пер.*)

леон не так часто меняет окраску, как он менял свои убеждения в зависимости от того, одобрял я или осуждал их». Похоже, отношения губернатора с австрийцем складываются так же благополучно, как и с маркизом, и комиссар не собирается всерьез препятствовать ему творить свой произвол. Увы! То, что не решаются или не желают делать государи, делают слуги, и со времен Фигаро среди них немало находится таких, кем движут страсть к интригам и желание угодить господину.

Пример тому «дело Велле». Вот в нескольких словах его суть. У императора Австрии, мрачного Франца, обожавшего ботанику, были в Вене интересные коллекции и гербарии. Когда он отправлял своего комиссара на Святую Елену, место ссылки своего зятя, у него возникла мысль — нет, не установить контакты между Марией-Луизой, его дочерью, и ее мужем, а совсем другая: послать туда ботаника с поручением привезти в Шенбрунн образцы тамошней флоры, и он выбрал для этого некоего Филипа Велле, помощника смотрителя императорских садов. Чтобы убедиться во всем известной неуклюжести и бестактности австрийского императора, вполне довольно этого жеста, этого нелепого желания иметь в своих оранжереях, где бывшая императрица порой прогуливается в сопровождении своего воздыхателя, тропические растения с табличкой «Святая Елена». Неважно, зато сношения между Лонгвудом и Веной, через Париж и Лондон, будут установлены если не на уровне послов, то по крайней мере на уровне слуг.

Мать Луи Маршана, лакея Наполеона, находившаяся при особе маленького Римского короля, ставшего принцем Пармским, поспешила вручить ботанику пакет и письмо, адресованное сыну: «Я посылаю тебе прядь моих волос. Если кто-нибудь сможет написать твой портрет, пришли мне его. Твоя мать». Такова, по крайней мере, официальная версия. Маршан в своих «Мемуарах» утверждает: «Я нашел в конверте аккуратно сложенную бумагу, на которой было написано: “Волосы Римского короля”; а на другой, почти такой же: “Моему сыну”».

— Это принадлежит тебе, — сказал Император, прочитав надпись, — а это — мне.

Развернув бумагу и увидев белокурые волосы своего сына, он велел положить их в свой несессер. Я положил их рядом с прядью волос императрицы Жозефины, присланной ему на остров после ее смерти. Эти две пряди хранятся теперь в моем ковчежце». Сразу же вызывают удивление наличие различных версий этого события и молчание Гурго относительно посылки его собственной сестры, содержавшей вышитый платок и письмо; возможно, некоторая осторожность соблюдалась для того, чтобы не скомпрометировать гонца и иметь возможность использовать его для установления двусторонней связи. Но они забыли о полиции Лоу и о том, что на Святой Елене — даже в наши дни — везде есть глаза и уши, и невозможно даже просто зайти в какой-нибудь дом, оставшись незамеченным. Лоу вышел из себя, когда узнал, что Маршан беседовал с ботаником, а когда обнаружил, что были доставлены и вручены адресату пакеты, он яростно набросился на австрийского комиссара и грозил отдать ботаника под суд «за нарушение английских законов, касающихся безопасности колонии». Штюрмер, как мог, защищал своего соотечественника, и Лоу, понимая, что следует соблюдать осторожность, поскольку Велле был посланником самого императора Австрии — серьезного противника для губернатора, пусть даже и английского, — ограничился тем, что выразил государственному секретарю лорду Батхэрсту опасения, несообразные с имевшим место инцидентом, и предложил принять более суровые меры по надзору за Лонгвудом.

«После этого дела Вашей милости станет ясно, что существуют препятствия к предоставлению Бонапарту большей личной свободы и больших средств сообщения, чем те, коими он располагает в данный момент; я не могу не рассматривать присутствие комиссаров в качестве единственного препятствия к предоставлению подобных милостей».

Сэр Хадсон Лоу, тюремщик и полицейский, умел использовать все средства!

Велле получил разрешение свободно собирать растения в любой части острова, каковой покинул лишь десять месяцев спустя. Что касается барона, то, устав от

унылого пейзажа и шума Джеймстауна, а также удушающей жары, он нанял за весьма солидную сумму 200 фунтов в год прелестный дом в Розмари Холл, где поселился вместе со своей супругой и русским комиссаром, делившим с ним скуку их существования*. Когда из-за дерзкого поведения его коллег отношения с губернатором обострились, Штюрмер стал покладистым и повсюду твердил, что ему приказано «не осложнять ситуацию и быть сдержанным, поскольку его Двор отвечает за “маленького человечка”». Ах, как это было неприятно человеку, облаченному в австрийский мундир, вспоминать, что у Наполеона есть сын, коему император Франц приходится дедом! Однако у него все же произошла довольно шумная стычка с хозяином Плантейшн Хаус.

— У вас есть приказ не позволять мне встречаться с Бонапартом?

— Напротив, — отвечал Лоу, — я готов пойти представить вас, но я ни за что не допущу, чтобы вы встречались с ним, не будучи предварительно представлены ему мною.

— Но это то же самое, что запрещать нам его видеть, поскольку известно, что он ни за что нас не примет вместе с вами! — вспыхнул барон.

Этим все и закончилось: получая 1200 фунтов жалованья, коих ему едва хватало, Штюрмер продержался до 1818 года, когда после своей последней ссоры с губернатором был отозван и направлен в Бразилию в качестве посланника Австрии.

В течение этих двух лет он будет направлять желчные доклады своему Двору, в которых, нужно признать, он рисует довольно мрачную картину местного общества.

«Мужчины здесь грубы и невежественны, женщины глупы и уродливы, дети великолепны, народ беден, а зажиточные люди скупы, как герой пьесы Мольера. Легкий поклон, гнусавое *ues* или глуповатая улыбка — это единственное, чего можно добиться в ответ на при-

---

* Штюрмер, к своей радости, обнаружил там свинью с поросятами, три или четыре овцы, кур и петуха. Все они имели честь фигурировать в его отчетах.

ветствие от местных дам. Англичане скучают и, следовательно, скучны. Леди Лоу, женщина лет тридцати четырех, напротив, весела, кокетлива и к тому же завязная сплетница; она, должно быть, была хороша в молодости и сейчас еще делает все, чтобы остатки прежней красоты были замечены. Леди Малькольм мала ростом, горбата и потрясающе уродлива; изысканность и оригинальность ее туалетов не в силах скрыть следы разрушений, оставленных безжалостной рукой времени, и над ней часто посмеиваются, но в общем это в высшей степени достойная женщина.

Есть еще: маленькая леди Бингэм, которая не дурна и не хороша, не умна и не глупа; некая мадам Виниярд, жена главного квартирмейстера, пользующаяся некоторым успехом, и еще одна барышня, Бетси Балькомб, живая, жизнерадостная и непосредственная, ставшая известной благодаря расположению к ней Бонапарта. Прочие не заслуживают чести быть упомянутыми».

Граф Бальмен

Русский резидент, безусловно, самый интересный из трех посланников и наиболее достойный доверия. Имя его указывает на непростое происхождение и объясняет сочетание ледяного шотландского юмора с безудержной русской фантазией, которые он демонстрирует в своих докладах и в своих разговорах. Александр Антонович Рамсей де Бальмен происходил из рода шотландцев, эмигрировавших следом за Яковом II Стюартом, чтобы служить в России; он был воспитан в петербургском кадетском корпусе, и его нетрудно себе представить коротко остриженным мальчиком в темном мундире, с веселым и лукавым взглядом. В 1800 году, двадцати одного года от роду, он становится гвардейским капитаном, но, получив звание, которое открывает ему дорогу к военной карьере, попадает в неприятную, но вполне обычную в ту пору историю: как многие отпрыски дворянских родов, он любит выпить и не прочь подраться, а напившись, мечтает поколотить жандарма. За драку с полицейским молодого Баль-

мена отдали под суд и, как героя Толстого, разжаловали. К счастью, в царствование Александра и в эпоху преобразований армии накануне наполеоновского нашествия подобное не являлось препятствием к преуспеянию. Разочаровавшись в военном ремесле, Александр Антонович вступает в 1801 году на дипломатическое поприще. В 1805 году он становится советником Дипломатической коллегии и вскоре отправляется с дипломатическими миссиями на Сардинию, в Неаполь, Вену и Лондон. В момент решающего наступления Великой армии в Россию он, подобно тем блестящим аристократам, которых изобразил Толстой и на которых он так похож, вновь надевает мундир, и вот он уже подполковник, участвующий в последних кампаниях против Наполеона рядом с Бернадотом и Веллингтоном, и даже в важных миссиях. За что и получает отличия: орден Святого Владимира, прусский орден «За заслуги» и шведский орден Шпаги. А по окончании войны он мечтает вернуться в посольство в Лондоне и вновь окунуться во фривольную атмосферу салонов эпохи Регентства. Принятый в лондонском обществе, этот старый холостяк возымел было намерение жениться на Маргарет Элпинстоун, племяннице лорда Кейта, но получил отказ, так как барышня нашла его «слегка чудаковатым». Ему понадобилось немало усилий и интриг, чтобы добиться этого назначения, свидетельству чему обнаруженное нами в его досье замечание графа Ливена, посла России при Сент-Джеймском дворе, благодаря которому и было принято решение о его назначении:

«Я осмелюсь напомнить Его Императорскому Величеству об обещании, которое он дал Великой герцогине Екатерине во время своего пребывания в Лондоне, одобрить назначение графа де Бальмена в Лондонское посольство, к коему он ранее принадлежал и какое оставил, чтобы служить в армии во время последней войны. Это человек, исполненный ума и всяческих достоинств, равно как и способностей к дипломатической деятельности».

Эта карьера, ордена, украшающие мундир русского посланника, произвели сильное впечатление на Хадсона Лоу, который тотчас по его прибытии поспешил

доложить в Лондон: «Русский комиссар, похоже, с пренебрежением относится к своим коллегам; я думаю, что он на голову выше их. Он происходит из шотландской семьи». Несмотря на 1200 фунтов жалованья, которое вскоре будет увеличено до 2 тысяч, и пособие в 1600 фунтов на обустройство, Бальмен быстро понял, что Святая Елена не идет ни в какое сравнение с Россией и что Джеймстаун не может заставить забыть Лондон, тем более что переводы из Лондона нередко задерживаются и ему часто приходится занимать деньги на жизнь у губернатора. Эта ситуация не могла вызывать особого оптимизма, и его первое послание звучит на редкость безрадостно: «Святая Елена — самое печальное, самое уединенное, самое неприступное место на свете, которое исключительно легко защищать и почти невозможно атаковать; место — самое неприветливое, самое бедное, где все стоит безумно дорого». Оно как нельзя лучше подходит для той задачи, исполнять которую ему назначено.

Для него, как и для Пьера Безухова в романе Толстого, центром притяжения является пленник Лонгвуда.

«Что с первого мгновения на острове более всего поразило меня, так это то огромное влияние, которое этот человек, окруженный стражниками, скалами и безднами, все еще оказывает на умы. Все на Святой Елене ощущают его превосходство, и Лас Каз говорит: “Мое блаженство заключается в том, что я могу постоянно лицезреть этого героя, это чудо”. Англичане приближаются к нему с робостью, и даже те, кому поручено надзирать за ним, счастливы всякому его взгляду, слову, разговору. Никто не смеет обращаться с ним как с равным. Обреченный судьбой на унижение, не видя вокруг ничего достойного своего гения, он забавляется этим отношением к себе окружающих, намеренно возбуждая зависть одних и выказывая расположение другим».

Как это непохоже на наивную болтовню маркиза де Моншеню! В течение четырех лет своего пребывания на Святой Елене, даже когда с Лоу его будут связывать отношения зятя и тестя, он не перестанет отправлять в Санкт-Петербург подробные и хорошо составленные депеши, которые его министры будут регулярно класть

на стол царю; дипломат и внимательный наблюдатель, русский комиссар умело сочетает точное исполнение своих обязанностей, свое восхищение Наполеоном и умение угодить желаниям своего государя, кои тот ясно высказал ему перед отъездом. Распоряжения относительно его миссии, составленные рядовым чиновником, были представлены на утверждение — мы это обнаружили в московских архивах — Каподистрия и Нессельроде, которые подчеркнули слова *личное уважение, каковое следует ему выказывать*, имея в виду поведение по отношению к бывшему Императору. Он постарается точно, тщательно и регулярно вести «дневник, который будет содержать лишь материалы, представляющие интерес для истории», и занятие это будет отвлекать его от удручающего убожества окружающего общества и всепожирающей скуки.

В октябре 1816 года Каподистрия сообщает Бальмену: «Граф Ливен передал ваши доклады № 3 и 4. Его Величество ознакомился с ними и выразил свое удовлетворение как тактичностью вашего поведения, так и точностью в описании событий, являющихся предметом вашего доклада. Его Императорское Величество приказал мне просить вас и далее держать нас в курсе ваших наблюдений, не опасаясь перегрузить ваши донесения сведениями, каковые никоим образом не могут быть лишены интереса. Его Величество считает их столь же ценными, как и те сообщения, кои вы нам недавно передали».

И еще: «Различные доклады были представлены для ознакомления Его Величеству, который с интересом прочел их и поручил мне засвидетельствовать полнейшее оными удовлетворение. Императору нравится получать непосредственно со Святой Елены известия обо всем там происходящем».

Утешением в этой ссылке, которую отсутствие семьи делает особенно тягостной, может служить удовлетворение, от того что каждая из его депеш привлекает внимание государя, а из внимания коронованных особ всегда можно извлечь немалую для себя выгоду, особенно если читателем является государь всея Руси. На всех депешах, приходивших со Святой Елены — в Мос-

кве мы их держали в руках, — имеется карандашная пометка, сделанная, как утверждают архивисты, рукой Александра I.

Чтобы с точностью обо всем докладывать, нужно быть в курсе повседневной жизни «пленных особ», а Лоу, к несчастью, очень скуп на информацию и делает все возможное, чтобы не представлять иностранцев обитателям Лонгвуда и не позволять им отправиться туда самостоятельно.

Бальмену он говорит об этом без обиняков: «Это совершенно невозможно. Я хорошо все обдумал. Мне не было дано на этот счет никаких распоряжений. Обратимся еще раз с запросом к нашим министерствам. И потом вы же не подсудны законам нашего Парламента. Любой из англичан может быть повешен. Мне могут отрубить голову. Но вас не могут ни повесить, ни отрубить вам голову. Вы находитесь в ином положении, чем мы. И потом Бонапарт непристойно ведет себя со мной, он обращается со мной как с последним ничтожеством. Он оскорбляет меня, клеветает на меня. Он станет говорить вам обо мне мерзости, гадости. Я не могу этого допустить. Этот человек слишком хитер. Он отнюдь не успокоился. Он действует, приказывает, работает, строит планы, как если бы он был в Тюильри. Я знаю достойных людей, например адмирала Малькольма, невольно ставших орудиями в его руках. Свита его отвратительна, ужасна. Все они интриганы. Вы находитесь в ином положении, исключительно тягостном, я согласен. Но ведь и мое не лучше».

Русскому комиссару, как и двум его коллегам, приходится прибегать к хитростям, а поскольку ему не занимать ловкости и изобретательности, то в его отношениях с обитателями Лонгвуда появляется нечто от шпионского романа. Конечно, он так никогда и не встретится с Наполеоном лично, и ему придется довольствоваться возможностью лишь издали посмотреть в подзорную трубу на знаменитый силуэт, но зато он никогда не упускает случая завязать разговор с кем-нибудь из его свиты. Он начинает действовать сразу же по прибытии: желая выказать уважение пленнику, он решительно отказывается присоединиться к демаршам

своих коллег, которые, едва прибыв, возымели намерение силой проникнуть в Лонгвуд, чтобы убедиться в реальном существовании Бонапарта. Докладывая о своем отказе, он ловко добавил: «Они увидели в этом проявление возвышенных и великодушных чувств нашего Августейшего Государя, и сам Бонапарт выразил свое удовлетворение. Один француз из его свиты подошел ко мне в городе и очень любезно сказал: “Император знает, что вы не подписали ноту комиссаров, и он ценит этот благородный поступок; он просил меня поблагодарить вас за это”». Это, возможно, объясняет лестное высказывание Наполеона о России: «Эта страна, если не принять мер предосторожности, будет диктовать свою волю другим. Одни только ее легкие воинские части, казаки, двинувшиеся со всех сторон, в состоянии опустошить Европу. Русский солдат смел, силен и вынослив. Казаки знают толк в партизанской войне. Они идут из страны в страну, не зная ни языка, ни дорог. Они умеют внезапно нападать и вовремя отступить. Их невозможно схватить. Они живут грабежами».

Этими посланиями Бальмен усердно льстит царю Александру: «Бонапарт не раз говорил: “Будь я во власти русского царя, все бы мои желания удовлетворялись. Это благородный и великодушный государь”». Несколько недель спустя Лас Каз младший приходит к русскому комиссару и осыпает проклятиями англичан, но не добивается желаемого одобрения; тогда к нему посылают Гурго, который уверяет, что Император готов принять комиссара русского царя.

— Он питает к вам истинно дружеское расположение. Он будет вести себя с вами просто и непринужденно. Вы доставите всем нам огромное удовольствие.

Затем к нему присылают Монтолона.

— Почему вы не приходите в Лонгвуд, чтобы немного рассеять вашу скуку? Вас там ждут и встретят с распростертыми объятиями.

Наконец, в решающее наступление переходит обергофмаршал.

— У Императора Наполеона гордая и возвышенная душа. Он непоколебим в своих убеждениях и, имея основания жаловаться на английского регента, он не уни-

зится до того, чтобы писать ему. Лишь Императору Александру, будь у него такая возможность, отправил бы он послание с описанием своих несчастий. Ибо он любит этого государя. Он уповает на его помощь и признает его великие достоинства.

Бальмен конечно же понял, о чем идет речь: «Бертран намекал, что мне хотели бы доверить письмо к нашему августейшему государю, но я сделал вид, что не понимаю, о чем идет речь, сохраняя невозмутимую серьезность, которая сбивала его с толку». Но отступление было лишь подготовкой к решающему маневру. В апреле 1818 года карты были открыты. «В последние дни генерал Бертран сделал мне странное предложение. Рассказывая о страданиях и несчастьях Бонапарта, он мне внезапно сказал: “Император, изнемогающий от скуки, страдающий от бесчеловечного обращения на этой скале, покинутый всем миром, хочет написать Императору Александру, в коем видит свою единственную опору. Заклинаю вас, не откажите передать это письмо”. И он сделал жест, словно желая вынуть его из кармана. “Нет, это невозможно, — ответил я. — Для меня это значило бы изменить моему долгу”. — “Ничуть, — ответил он, — ибо Император Наполеон желает сообщить Императору Александру нечто исключительно важное. Речь идет не только о том, чтобы защититить от угнетения великого человека, но и том, чтобы принести пользу России. Письмо это будет прочитано с удовольствием и даже с благодарностью и радостью. Не отправить это письмо вашему двору, значит, пренебречь его интересами, не принять их во внимание, а точнее, принести их в жертву англичанам. Кроме того, должен вам заметить, вы представлены там в столь благоприятном свете, что сие всенепременно будет споспешествовать вашему дальнейшему преуспеянию”. — “Я обещаю вам, — ответил я, — точнейшим образом передать моему двору то, что вы мне сообщаете устно; но я не приму от вас никакого письма. Я не имею на это права. Если бы я это сделал, меня бы дезавуировали”. — “Ба! — воскликнул он, — вас бы дезавуировали формально на Святой Елене, но вознаградили бы в России, я в этом уверен. В общем, подумайте об этом”».

Было ли это письмо написано? Что в нем содержалось? Было бы в высшей степени интересно узнать это,

но обер-гофмаршал ничего об этом не говорит, хотя и дает понять, что в апреле 1818 года не раз беседовал с Наполеоном об Александре.

Об этих встречах русского комиссара с пленниками и о их разговорах докладывают Лоу, и тот, снедаемый любопытством, не может устоять перед желанием учинить Бальмену допрос, выходя при этом не только за рамки дипломатии, но и элементарной учтивости.

— Что касается моих встреч с Гурго, — протестует комиссар, — кои вы мне ставите в упрек в вашей записке, то сделайте одолжение, изъясните мне суть ваших желаний и намерений.

— Не думайте, что я хотел в чем бы то ни было упрекать вас, — вкрадчиво отвечает губернатор. — У меня нет никаких к вам претензий, а Гурго — славный человек, настоящий военный. И опасаясь я вовсе не его. Но если вы не будете осторожны, вам подсунут Бертрана и Монтолона, а о них я думаю совершенно иначе: они интриганы.

— Мне приказано, — извиняется Бальмен, — наблюдать за всем происходящим с близкого расстояния, собирая урожай анекдотов и прочих пустяков, так как Император придает этому огромное значение.

В июне 1818 года он докладывает своему Двору о том, что вызывает его опасения: «Я просил губернатора официально написать вам следующее: “Комиссарам союзных держав категорически запрещается входить за ограду Лонгвуда и разговаривать с французами”. — “Нет, — испуганно воскликнул он, — я этого не сделаю. Я даже думать об этом не смею”». Несколькими днями позже тон меняется.

— Ваш Двор запретил вам давать оценку происходящему на Святой Елене, и тем не менее вы докладываете о моем поведении!

— Мой Двор не желает, чтобы я вмешивался в дела Святой Елены, и я неукоснительно исполняю это требование. Но любой мыслящий человек имеет собственное мнение о происходящем. На этой скале я так же независим, как и вы сами*.

---

* Лоу обижается на эту реплику, так как слово «скала» часто звучит в устах Наполеона. «Это чисто французское выражение, — невозмутимо отвечает Бальмен. — Сделайте милость, разъясните мне суть ваших мыслей».

Лоу догадывался, с полным к тому основанием, что русский посланник давал не слишком одобрительную оценку его политике. В какую ярость впал бы он, если бы мог заглянуть в некоторые из его депеш.

«У Хадсона Лоу есть особый талант, нанося удар, принимать невинный вид. Человек ума неглубокого, непоследовательного и неуравновешенного, губернатор обладает неисчерпаемым запасом избитых идей; нрава холодного и недоверчивого, он бывает крайне неприятным, даже желая быть любезным, что усугубляется тиранической пунктуальностью в исполнении своих обязанностей. В делах Лоу мыслит очень ограниченно, возложенная на него ответственность душит его, заставляет трепетать, беспокоиться по пустякам, он ломает себе голову из-за мелочей, суетится и исполняет с большим трудом то, что другие сделали бы без малейших усилий. А кроме того, он вспыльчив, легко впадает в ярость и, уже не понимая, что говорит и где находится, окончательно теряет голову. Он взял за правило унижать Наполеона, противоречить ему, препираться по пустякам, чем окончательно вывел его из себя. Отдав Императора во власть человека, не обладающего ни трезвостью суждений, ни великодушием, ни деликатностью, ни возвышенностью души, настоящего *салдафона*, англичане сторицей возвращают ему то зло, которое он им причинил, и должны быть готовы ко всякого рода оскорблениям и злобным действиям с его стороны. Хадсон Лоу переиначивает, искажает факты и истолковывает все вопреки здравому смыслу. Я знаю его хитрость, его криводушие и не верю ни одному написанному им мне слову. “Если бы мы были в России, — говорят и господин, и слуги, — мы бы жили, как в Париже. У Императора были бы дворец, прекрасные сады и экипажи, приятное и изысканное общество. Император Александр великодушен, не то что эти гадкие англичане”. Эти речи передают губернатору, что приводит его в отчаяние и настраивает его против меня».

Чтобы временно положить конец более чем натянутым отношениям с губернатором, Бальмен — впрочем, с одобрения самого Лоу — отправился в середине 1818

года в Южную Америку. Поднявшись на борт крейсерского судна, направлявшегося в Бразилию, он на время забыл и остров, и тамошние интриги, открыв для себя ошеломившие его страну и город; а поскольку хорошее настроение является лучшим из лекарств, то он внезапно вновь обрел здоровье и душевное спокойствие. Дело в том, что Бальмен — «Северный человек», или «Медведь», как его называл Горрекер, — ужасно страдал от пребывания в тропиках. «Едва я прибыл в Джеймстаун, — пишет он, — у меня началось воспаление рта и глотки». От боли и ужаса он буквально катался по полу. Затем болезнь перекинулась на желудок и печень, он стал чахнуть на глазах. Возможно, от цинги, явившейся следствием длительного плавания. К тому же его мучили приступы нервной мигрени. Эти явления все еще сохранятся и год спустя. «Здоровье мое плохо, — пишет он в 1817 году. — У меня нервы не в порядке. Здешний климат плохо на меня действует. Остров Святой Елены действительно вреден для здоровья». Вскоре «из-за спазм мочевого пузыря» он не решается ни пить вино, ни ездить верхом.

В общем, «проклятая страна», как выразился Наполеон.

По возвращении из Бразилии Бальмен не страдает более от приступов боли и страха и в подробностях рассказывает о своей аудиенции у короля этого молодого государства; однако что касается его отношений с Лоу, то его отсутствие никоим образом их не изменило. Сразу же по приезде он совершает прогулку в направлении Лонгвуда, и тотчас же на него обрушивается лавина записок из Плантейшн Хаус, которые он пересылает в Санкт-Петербург, сопроводив их выразительными комментариями, ибо губернатор пишет их, полагаясь на донесения майора Горрекера.

«Майор Горрекер всем обязан губернатору, и он уже не в первый раз лжет, чтобы оправдать его. Я дал ему понять, что есть нечто непристойное в желании столкнуть меня со своим адъютантом. Эта записка удивительна, немыслима, несуразна; она рассмешила меня до слез. Как можно заниматься подобными пустяками! И вот такому человеку поручили надзор за Наполео-

ном! Он пригласил меня на обед, я имел с ним беседу. Он обещал мне больше не присылать записок своего адъютанта и не обращаться со мной как с преступником. Я пошел ему навстречу, отказавшись от визита к мадам де Монтолон, и наши взаимоотношения сейчас как никогда хороши».

Однако отношения эти не замедлили принять неожиданный оборот благодаря интригам леди Лоу, которая имела твердое намерение воспользоваться положением своего мужа, чтобы «пристроить» барышень Джексон: она хотела иметь зятем офицера — неважно, морского или сухопутного.

И занял это место русский дипломат. Ухаживания сорокалетнего комиссара за восемнадцатилетней англичанкой не могли не обрадовать Лоу, который в октябре 1819 года цинично заявил майору Горрекеру: «Ну, теперь русскому комиссару не до визитов в Лонгвуд. Он проводит время в другом месте, катаясь верхом со своей избранницей».

Офицеры русского царя в будуарах не менее решительны, чем на полях сражений, и уже 5 ноября в Санкт-Петербург была отправлена депеша:

«Доведенный до изнеможения постоянными и мучительными нервными припадками, я опасался, что не смогу исполнять обязанности, кои Ваше Величество изволили поручить мне, с тем усердием и энергией, на которые я чувствую себя способным, и был вынужден просить отозвать меня. Но с согласия врачей, это чистая истина, я подумал о женитьбе. Сия юная особа сочетает достоинства ума с прекрасными душевными качествами. Она образец изящества и любезности. Ее родители уже дали согласие на наш союз. Леди Лоу, чтобы испытать дочь, стала говорить ей о моем возрасте и не слишком привлекательной наружности. Она осталась совершенно равнодушной к этим замечаниям и сказала, что мое общество ей приятно»*.

Одновременно с разрешением на вступление в брак Бальмен получил положительный ответ на свою прось-

---

* У девушки, которой Лоу отказался дать приданое, на острове не было никакого выбора, а титул русской графини был достаточно веским аргументом, чтобы принять предложение.

бу быть назначенным адъютантом при августейшей особе царя. Церемония бракосочетания состоялась 26 апреля в библиотеке Плантейшн Хаус, и 3 мая супруги покинули остров после череды блистательных приемов, вернувших русского посланника в лагерь тестя. Бальмен несколько смягчил тон своих депеш и с удовлетворением уведомил своего министра Нессельроде, что покидает остров «в добром согласии со всеми». Перед отъездом он шепнул на ухо маркизу де Моншеню, остававшемуся единственным представителем союзных держав: «Вы останетесь вдовцом, господин маркиз».

Возвратившись в Россию, Бальмен регулярно переписывался с Лоу, но тон его писем стал шутливым, как то и следует между зятем и тестем. Потом он вдруг стал добиваться возвращения на Святую Елену. Ему пришлось спорить, писать, умолять, убеждать — поскольку его преемник, некий барон де Холанд, должен был вот-вот отбыть к месту назначения — и добился успеха лишь к июню 1821 года, за несколько дней до получения рокового известия. «Ради бога, помогите мне, смерть Наполеона ставит меня в безвыходное положение, — умоляет он своего министра. — Я должен был выехать в следующее воскресенье и потратил немалые деньги. А теперь у меня нет ничего, кроме долгов». Единственное, чего он добился, это права получать жалованье комиссара вплоть до 1823 года. На этом и теряются следы Александра Антоновича, графа Рамсей де Бальмен, ставшего знаменитым тем, что, прибыв на остров, чтобы «видеть» Наполеона, так с ним и не встретился. Его воспоминания о жизни на Святой Елене столь же интересны, как и его донесения.

Таковы были три человека, которые должны были исполнять обязанности «помощников тюремщиков». Один из них был французским маркизом, другой — посланником бывшего тестя пленника, а третий — посланником его бывшего друга. Надо сказать, что они причиняли немало беспокойств британцам. «Спутники Бонапарта могут вступить в тайное соглашение с комиссарами, у которых так много свободного времени, что от скуки они вполне могут совершить опро-

метчивые шаги», — предвидел лорд Батхэрст, — вам следует поощрять их желание развлечься и сменить обстановку, отправившись в Кейптаун, а также регулярно составлять для них бюллетени о состоянии здоровья вашего пленника, которые они будут отправлять своим дворам». Что касается премьер-министра лорда Ливерпуля, то он вполне разделял пессимизм своего государственного секретаря. «Так как на острове им почти нечего делать, комиссары вскоре начнут скучать, затем ссориться, и их ссоры могут в значительной степени осложнить надзор за пленником». Как исполнительный чиновник, Лоу примет к сведению эти мнения и своим изощренным тиранством сделает невыносимой повседневную жизнь этих трех иностранцев; выказывая расположение одному, ссорясь с другим и презирая третьего, он сможет держать их в отдалении от Лонгвуда, обрекая на праздность, недовольство и скуку, побуждая их бежать с этого острова, который одно его присутствие делало едва ли не проклятым. Лишь самый глупый из трех, Моншеню, окунув в яд свое перо, осмелился сказать ему напрямик: «Жизнь наша здесь невыносима. Мы живем словно во вражеском лагере. Люди едва ли не боятся говорить друг с другом. Почему здесь нет даже намека на учтивость? Я встречал ее в Лондоне, стало быть, она не вовсе чужда вашей нации».

А затем он не лишает себя удовольствия злорадно добавить, что «полномочные посланники», такие как он, имеют преимущества перед губернатором. Это, конечно, не так, но почему бы лишний раз не уязвить противника!

Что касается Наполеона, то он поначалу надеялся, что комиссары, и в их числе даже француз, будут «аккредитованы» в Лонгвуде и позволят ему поддерживать сношения с государями. Но затем он реагирует точно так же, как и британцы: «Что за нелепость присылать сюда комиссаров, не имеющих никаких обязанностей и ни за что не отвечающих? У них не будет иного занятия, как слоняться по улицам и карабкаться на скалы. Прусское правительство выказало более благоразумия и сэкономило деньги».

Как свидетели перед судом истории, эти трое, за исключением Бальмена, значат немного: маркиза зани-

мали лишь цены на продукты и возможность вкусно поесть, а своим стремлением оставаться «незаметным человеком» он изрядно напоминал вольтеровского аббата Трюбле; австрийцу равно не хватало как ума, так и здравого смысла. И только русский резидент попытался понять положение низвергнутого монарха, разделить изгнание которого он имел честь. Только он в своих депешах мог в известной мере передать отравленную атмосферу Святой Елены той поры.

ВОЕННЫЕ

Годы 1815—1821 оказались кошмаром не только для Наполеона, но и для других обитателей Святой Елены, европейцев и местных, гражданских и военных. Суровость и подозрительность сэра Хадсона Лоу и его агентов грозили им с тем же неумолимым постоянством, что и пленникам; перенаселенность, недостаточное снабжение и постоянная слежка превращали их жизнь в казарменную рутину. Имея лишь косвенное или вовсе не имея никакого отношения к официальной политике и высшим полицейским чинам, они должны были безропотно сносить и нехватку продуктов, и произвол полицейских чинов, и необходимость знать пароль, и домашние обыски, и всякого рода правила и запреты, и гнетущую атмосферу государственной тюрьмы, где все подчинено соображениям безопасности.

Конечно, положение у всех было разное: полковнику все видится иначе, чем рядовому, а старейшине острова сэру Уильяму Доветону — иначе, чем рабам, составляющим большую часть рабочей силы на Святой Елене. Но каждый в своей среде и на свой лад страдает от тяжелого бремени всяческих ограничений; страх делает людей столь молчаливыми, что нужно перелистать кипы бумаг в общественных и личных архивах, множество дневников, писем и мемуаров, чтобы воссоздать в подробнос-

тях повседневную жизнь тех, кто непосредственно не был связан ни с Хадсоном Лоу, ни с Наполеоном.

Местное общество произвольно разделилось на кланы, как это обычно происходит с любыми ограниченными объединениями людей, в частности военных, когда и в семье приходится жить гарнизонной жизнью. Жизненный уклад определяется принадлежностью к сухопутной армии, морскому флоту или Индийской компании. На более низкой социальной ступени нет и речи ни о каком объединении: нужно просто жить, то есть работать, есть и пить и стараться избежать кнута или, того хуже, веревки.

Первенствуют на Святой Елене военные, и это естественно на острове, где губернатор носит эполеты, а главным персонажем, хотя и пленным, является «генерал самого высокого ранга». Моряки, привилегированная каста в Великобритании, а также служащие Индийской компании, занимающие видное положение, с явным неудовольствием относятся к вторжению этих полутора тысяч европейцев, которые сметают все лучшие продукты, нанимают себе в услужение лучших слуг, занимают лучшие дома и, как хозяева, распоряжаются там, где раньше появлялись лишь в качестве гостей. В конечном счете недовольны все, и множество документов свидетельствует об усталости, горечи и несчастьях, порождаемых этой тюремной атмосферой.

Сухопутная армия

Армейские чины, первыми прибывшие на «Нортумберленде» вместе с Наполеоном, поспешили устроиться как можно более удобно в Лемон Вэлли, Фрэнсис Плейн, Дедвуде и Хатс Гейт. Командующий, полковник Бингэм, занимает Ноллкомб, прелестный дом, расположенный в небольшой уютной долине, в пяти минутах от Плантейшн Хаус. Высшие офицерские чины, по большей части расквартированные в Дедвуде, рядом с Лонгвудом, живут в коттеджах, окружающих лагерь, в то время как младшие чины вынуждены довольствоваться бараками. Семьи живут в тех же условиях, что и мужья,

и на офицеров из окружения губернатора, занявших самое лучшее жилье, смотрят не слишком доброжелательно... Сэр Томас Рид, остановивший свой выбор на Аларм Хаус, на полпути между Лонгвудом и Джеймстауном, забирает себе лучшую мебель, к великому возмущению Горрекера, который, будучи холостяком, вынужден довольствоваться унылой комнатой в Плантейшн Хаус, обставленной разрозненной мебелью, расшатанной и облезлой. Полковник Виниярд с молодой женой поселился в Рок Роуз, на лоне удивительного пейзажа Санди-Бэй, посреди пышно разросшихся камелий, фуксий и дурмана; а очаровательный лейтенант Джексон — тот, к кому равнодушна мадам де Монтолон, — вместе со своим товарищем Уортхэмом обосновался в расположенном по соседству и столь же идиллическом Роуз Коттедже. Позже, для того чтобы он находился поблизости от тех, а точнее от той, за кем он должен следить, Лоу поселит Джексона в самом Лонгвуде, в коттедже, примыкающем к караульному помещению.

Унтер-офицеры и солдаты живут в палатках. Положение их незавидно, потому что плато Дедвуд расположено таким образом, что зимой — в сезон дождей — оно насквозь продувается ледяным ветром, а летом превращается в выжженную пустыню, где нет ни деревца, ни скалы — словом, никакой защиты от палящих лучей. Подобные условия жизни, климат, некачественная пища и отсутствие гигиены приводят к катастрофическим результатам. «Самые распространенные болезни, — сообщает доктор О'Мира, — это дизентерия, воспаление кишечника, заболевания печени и тяжелые формы лихорадок». За двенадцать или тринадцать месяцев его пребывания на острове во втором батальоне 66-го полка от этих болезней умерли пятьдесят шесть человек из шестисот тридцати, то есть каждый одиннадцатый. Это очень тяжелая дань, и имена всех этих молодых людей, которых оторвали от их родной Ирландии или Шотландии и зарыли в твердую землю Плантейшн Хаус, составляют скорбный перечень в приходских списках умерших рядом с именами поселенцев и местных жителей. В первую неделю мая 1821 года писарь выведет тем же аккуратным почерком

перед строкой: «Наполеон Бонапарт, бывший император французов, скончавшийся в Лонгвуд Хаус и похороненный во владении Ричарда Торбета» имена бесславно умерших на Святой Елене шестерых солдат — Уильяма Хагерти, Джона Мэрфи, Ханна Форда, Джеймса Сисстера, Теренса Канингеяла и Майкла Инглиша, погибших не в «праведной войне», а во время этого удручающего предприятия.

Ибо для этих несчастных жизнь — лишь адская череда ночных и дневных дозоров, нарядов, всяческих работ и переходов то под палящим солнцем, то в непроглядном тумане. «Часовые стоят, — пишет Бальмен, — у деревьев, цветочных клумб, под окнами. Месье де Монтолон говорил мне, что из окна своей комнаты он насчитал их не менее тридцати. От Лонгвуда до Джеймстауна — не больше шести миль, и я обнаружил там девять офицерских постов, три — унтер-офицерских и пятнадцать часовых. Более трети гарнизона стоит на часах. Часовых ставят где только можно, и с момента моего прибытия четверых или пятерых снесло ветром в пропасть». Дисциплина должна была быть очень суровой, чтобы не допустить совершаемых просто от скуки подрывных действий, что было совсем не редкость в Индийской компании несколько лет назад. Однажды Лоу обнаружил на своем письменном столе анонимное письмо, где выражалось возмущение положением солдат; этого Лоу опасался более всего, а потому, прежде чем отправить письмо в Лондон, поспешил возложить ответственность за случившееся на коменданта гарнизона и командующего полком.

Ежедневный рацион вряд ли может поддержать боевой дух войск. Из-за трудности снабжения острова все военные, офицеры и капралы, сидят на голодном пайке, получая в день полтора фунта хлеба, фунт солонины, шестьдесят граммов риса и три фунта дров. К тому же цифры эти зависят от сроков поступления провианта, и в феврале 1818 года один корреспондент сообщает, что Лоу «бросил все силы на строительство оборонительных сооружений для защиты от бонапартистов и совершенно не заботится о снабжении войск». Солдаты уже месяц как получают лишь половину пайка, а у лоша-

дей нет корма. У офицеров, конечно, имеются финансовые возможности дополнить свой рацион фруктами, овощами и яйцами, необходимыми для нормального питания, но по какой цене! Если в одну колонку записать денежное довольствие капитана — 300—400 фунтов в год, а в другую — стоимость продуктов питания, то придется признать, что прокормить семью совсем непросто и что все, как офицеры, так и рядовые, нередко должны варить себе похлебку из солонины. Баранина стоит два шиллинга фунт, курица — от шести до десяти шиллингов, кочан капусты — один-два шиллинга, морковь — один шиллинг дюжина, дюжина яиц продается за пять-шесть шиллингов, а владельцы гостиниц в Джеймстауне берут за день проживания тридцать шиллингов — жалованье командира батальона. Нужно ли удивляться, что жена доктора Шорта, когда ей приносят кусок баранины и несколько персиков, спешит отметить это событие в своем дневнике между упоминанием о визите майора Горрекера и о бале в Плантейшн Хаус! Конечно, есть еще ни с чем не сравнимые удовольствия светской жизни и всяческих вечеринок, столь милых сердцу британцев: холостяки устраивают пирушки в офицерской столовой в Дедвуде, а женатые и имеющие кое-какие личные доходы — у себя дома; у доктора О'Мира иногда желтоватый цвет лица и опухшие глаза гуляки, и он жалобно сообщает Наполеону о том, сколько бутылок портвейна было выпито накануне. Более всего ценятся приемы в Плантейшн Хаус, если, конечно, не считать приемы у «генерала Бонапарта», чей дом открыт отнюдь не для всех, но куда бы все с радостью устремились, будь у них такая возможность. В просторных комнатах первого этажа Колониального дома, освещенных хрустальными светильниками, дамы в провинциальных туалетах, жеманясь, скользят по китайским коврам, и каждому капитану, каждому письмоносницу Компании кажется, что он переживает мгновения блистательного успеха под ледяным взглядом государей, взирающих на них с украшающих стены зала портретов. Губернатор, говорят британцы, — это олицетворение «Короны». И неважно, что в эти годы, 1816—1821, она венчает голову безумного

короля, беседующего с деревьями в Виндзорском парке и воображающего, что он при Ватерлоо ведет в атаку один из своих полков*. Неважно, что обязанности этого короля исполняет жалкий и смешной принц-регент, тот, кого памфлетисты называют *The Prince of Whales* («Принц Китов») — из-за его толщины и ожорства, тот, кто, как они пишут, «тонет в пороке, но с элегантностью, в изящном костюме, в роскоши и благоухании духов». Из-за своей толщины он является постоянной мишенью для памфлетистов и авторов эпиграмм:

Нет более жирной рыбы, чем он,
Резвящейся в северных морях.
Посмотрите на этот жир, на эти жабры,
Наполненные океаном вина.

Но чиновникам нет дела до лондонских сплетен и скандалов, а потому *Добрая старая Англия* для них — вовсе не этот сорокалетний краснощекий, порочный и напыщенный человек, который правит от имени своего безумного отца; для них — это тяжелая драгоценная корона, осеняющая чело монарха, это лев и единорог на королевском гербе, это гордый девиз и орден Подвязки. Вот символ, воплощающий Англию, а на символах не может быть пятен. Корона — это британская мощь, победившая Наполеона, а губернатор — ее славный представитель; в его присутствии трепещут, но боятся его отсутствия; его опасной дружбы одновременно ищут и избегают, приемы у него — тягостная обязанность и лестная честь.

В украшенном цветами холле адъютанты встречают гостей и докладывают о них сэру Хадсону и леди Лоу, которые стоят у дверей гостиной. Губернатора очень занимает, как он выглядит, и он то и дело проверяет, как лежат галуны на его мундире. «Он рассказывает, как павлин, — посмеивается Горрекер, — любуясь собой и рассматривая себя в зеркало, застегивая и расстегивая свой мундир, весьма довольный своим отражением, и часто интересуется мнением леди Лоу». Последняя делает невероятные усилия, чтобы быть *lady* до

---

* См. прим. на с. 31.

кончиков ногтей. Не обладая врожденной и неповторимой элегантностью британской аристократии, она всего лишь временно обласканная фортуной мещаночка, коей зачастую не хватает чувства меры. Однако она не жалеет усилий и хлопочет с жаром начинающей светской дамы, так что даже Штюрмер, не питающий к ней особой симпатии, признает: «Она прирожденная хозяйка, которая любит принимать гостей и прекрасно это делает. Дом ее в Плантейшн Хаус всегда открыт, и она принимает моряков, офицеров, государственных чиновников и всех сколько-нибудь известных путешественников. Она душа здешнего общества, всегда готовая на прогулки верхом, экскурсии к пику Дианы и в Санди-Бэй, на вечера и балы». Лас Каз, человек светский, завсегдагатай лондонских и парижских салонов с их безупречными манерами, находит ее «красивой, любезной, но несколько жеманной». Другие добавляют: «слишком накрашенная», «любительница слишком откровенных декольте» и к тому же «слишком властная». Горрекер не клюнул на эту приманку, и великосветские манеры не производят на него никакого впечатления. «О, суэта! О, мелкое тщеславие!» — пишет он. Сплетни из людской доходят до него, и смеху ради он записывает их. Леди Лоу не прочь приложиться к бутылке, и этот повеса Джексон заметил, что у нее заплетается язык, когда она от белого вина переходит к хересу; а потом есть еще местный адъютант губернатора некий Дэн Тааф, которому она выказывает слишком явное расположение, которого приглашает играть в вист и который подолгу живет в их доме.

Почтительная и покорная толпа гостей произвольно рассаживается в гостиной, херес и джин развязывают языки, и первоначально тихие разговоры перерастают в гул. Снаружи ветер может сотрясать столетние деревья, потоки дождя струятся по каменной террасе, но внутри, за плотными шелковыми шторами, ярко горящие свечи позволяют забыть и время, и место, и скуку, и изгнание. В положенное время дворецкий почтительно склоняется перед сэром Хадсоном и церемонно объявляет: «Ваше Превосходительство, ужин подан». Индийская компания снабдила дом большим количеством

прекрасной серебряной посуды, а потому освещенный хрустальным светильником красного дерева стол, за которым может разместиться около тридцати человек, выглядит великолепно. Лоу и его супруга сидят, на английский манер, друг против друга, то есть посередине стола, так что они хорошо видны всем, и гостям порой кажется, что у сэра Хадсона встревоженный и отсутствующий вид. В конце стола, где сидят адъютанты, молодые офицеры и дочери леди Лоу, царит веселье, и Горрекер, который ничего не упускает из виду, с возмущением замечает, как неисправимый лейтенант Джексон — опять он! — бесцеремонно обнимает за талию Сюзанну, младшую из барышень Джонсон. После того как слуги убрали со стола, бокалы наполняются портвейном для заключительного тоста. Сэр Хадсон Лоу встает, окидывает внимательным взглядом гостей, которые следуют его примеру, и произносит торжественным голосом: «За Короля!» Все хором повторяют: «За Короля!» и снова садятся; дамы, по английскому обычаю, уходят, чтобы «попудрить нос», а затем поболтать в соседней комнате. Мужчины остаются одни, продолжая то и дело наполнять рюмки портвейном. Сей обычай, о котором доктор О'Мира рассказал Наполеону, кажется последнему очень забавным.

— На вашем месте, — сказал он жене Уильяма Балькомба, — я был бы в ярости от необходимости ждать два-три часа, пока муж и его друзья напиваются, запершись в его кабинете. Как отличаемся от них мы, французы, полагающие, что отсутствие женщин лишает общество какой бы то ни было привлекательности.

В пору Регентства обычай этот вошел в моду; это время *smoking room stories* — историй, рассказываемых в курительной, порой фривольных, недопустимых в присутствии дам. Леди Лоу тут совершенно непреклонна. «Она не выносит ни малейшего намека на непристойность», — замечает Горрекер и тут же добавляет, что это не мешает ей смотреть сквозь пальцы на свидания Джентилини, лакея Наполеона, с миссис Снелл в Рок Коттедже. Наполеон преувеличивал, говоря о двух-или трехчасовом отсутствии: на самом деле, портвейн распивают не более полчаса, ровно столько, сколько

нужно женщинам, чтобы привести в порядок свой туалет, подправить макияж и выпить кофе в гостиной, где к ним присоединяются мужчины. После кофе и ликеров наступает время игр, шарад, болтовни, а леди Лоу, обожающая вист, предлагает сесть за карточный стол. Для губернатора — это одновременно и отдых, и работа, ибо он, переходя от одной группы к другой, от кресла к дивану, рассуждает, спорит и задает вопросы.

Когда часы бьют одиннадцать, супруга самого высокопоставленного гостя встает, давая понять, что пора прощаться, и, пожимая руки и церемонно кланяясь, гости удаляются, за исключением Горрекера, который с фонарем в руках под дождем идет к себе в коттедж или же удаляется в свою комнату на втором этаже в конце темного коридора.

Ужины и балы в полку также привлекают всех важных особ острова. А добраться до мрачного лагеря в Дедвуде по темным и разбитым дорогам — это ведь настоящая экспедиция! Чтобы доехать из города до плато, красотики набиваются в шарабан, запряженный шестеркой лошадей или волов, а на спуске, для надежности, меняют упряжь, ставя две лошади впереди, а четыре — сзади. Они в дорожных платьях, а бальные туалеты везут в сундучках. Вот так они и карабкаются под луной или в темноте, в зависимости от времени года, влекомые тяжеловесными и неторопливыми животными, и нередко на повороте к Аларм Хаус дождь и туман обрушиваются на крышу их экипажей, а ветер задувает фонари, которые несут идущие впереди рабы. Лагерь, украшенный сотней маленьких фонариков, конечно, мало похож на Карлтон Хаус, резиденцию принца-регента. «Темной и сырой ночью, — пишет одна дама, — выходя из карет, мы чуть не по колению погружаемся в грязь». К счастью, молодые офицеры совершают просто чудеса, чтобы разукрасить свое жилище, ибо обустроены они не лучше, чем император и его спутники в Лонгвуде. Их дома, построенные из старых досок, кишат крысами, а сделанные из дранки и просмоленной бумаги крыши текут в дождливые дни. А ведь всем известно, сколько здесь бывает дождливых дней! Гости, жены и дочери офицеров и

поселенцев, восемнадцатилетние свежие и наивные дикарки, не обращают внимания на эту жалкую обстановку и в упоении танцуют до зари, ибо этот бал позволяет на время забыть скуку, завязать роман и показать свои туалеты и украшения. Гурго, которому не по вкусу все это кокетство и который смотрит на женщин трезвым взглядом солдата, оставил живописный рассказ об одном из таких гарнизонных балов, где собрались двести человек, чтобы поужинать, потанцевать и полюбоваться фейерверком:

«Адмирал меня спрашивает, буду ли я танцевать, если он найдет для меня даму. Я отвечаю: да. Некоторое время спустя он сообщает мне, что первый контрданс я буду танцевать с мадемуазель Балькомб, второй — с Бетси, а третий — с Розовым бутон^{*}. Я не хотел танцевать с Балькомбами, и вот попался. Танцевать два раза подряд с одной дамой — это настоящее наказание. Мне сказали, чтобы к ужину я вел мадам Дефонтен, жену советника. После второго танца все направились в столовую. Недоразумение. Я сажусь рядом с пожилой дамой, не на то место, которое было мне указано, и правильно делаю, потому что с наглецами надо быть наглым. Я смог вернуться домой только к пяти часам утра. Барышня в розовом во время танца громогласно пукнула».

Как тут не сокрушаться — целая ночь без сна! На следующий день языки работают без устали, и малейшие подробности вечера становятся темой для разговоров за утренним чаем и кофе. Эти *morning teas*, которые дамы устраивают по очереди, превращаются, за отсутствием газет, в рассадник самых ужасных сплетен, где всем перемывают кости, *torn to pieces* — разрывают на кусочки, как говорят британские кумушки. Местные сплетницы, умирающие от скуки посреди роя служанок, находят удовлетворение в этом злословии, подглядывании в замочную скважину и мелких ссорах, и леди Лоу, что весьма прискорбно, с большим энтузиазмом ведет эскадрон в атаку. «Она фыркает, — замечает Горрекер, — и высмеивает наружность мадам Виниярд, платье, в котором она появилась на вчерашнем ужине,

---

* Такое прозвище дали французы дочери земледельца, живущего в долине близ Лонгвуда.

ее прическу и неудачное сочетание одежды и цветов в волосах». Как насадка, выставляющая напоказ своих цыпочек, которых мечтает пристроить, она никогда не упускает случая противопоставить благовоспитанность, красоту и элегантность двух своих взрослых дочерей небрежности в одежде и дурному вкусу приглашенных дам.

Королевский флот

В этом душном, пошлом и лицемерном мирке Королевский флот выглядит сеньором среди простолюдинов, ибо морской корпус представляет собой грозную силу, сыгравшую решающую роль в окончании Наполеоновских войн. Сила эта грозная, но честная, выказавшая благородство по отношению к побежденным. Моряки, за редким исключением, держат себя достойно и учтиво, а некоторые даже и с симпатией по отношению к французам.

Конечно, четыре адмирала, исполнявшие с 1815 по 1821 год непростые обязанности командующего морскими силами, — люди совершенно разные. Кокбэрн, высокомерный, но справедливый и разумный; аристократ Малькольм, любезный и сострадательный; Плэмпин, суровый морской волк; и Лэмберт, учтивый, но бесцветный, — все они поддерживают с Лонгвудом лишь сдержанно-официальные отношения, за исключением Кокбэрна, который руководил обустройством французов на Святой Елене. Но в целом, нужно сказать, корпоративный дух заставляет их склоняться на сторону изгнанников и Наполеона, а тот, чувствуя, откуда дует ветер, стремится к общению с моряками, завязывает дружеские отношения с офицерами и мягко и доброжелательно обращается с матросами, которым поручено служить ему. Право же, есть нечто странное в этом исполненном некоторого взаимного восхищения разговоре бога сухопутных армий и «синих тужурок» его величества короля Англии. Оказавшись на борту «Беллерофона», Наполеон смог оценить дисциплину, порядок и оснащение Королевского флота, который спас

Британские острова от вторжения. Что касается англичан, то они втайне почитают великого человека, если, конечно, верить молодому мичману с «Беллерофона» Джорджу Хоуму, который, упоминая письмо Наполеона к принцу-регенту («Я пришел как Фемистокл...»), с горечью пишет в своем дневнике: «Увы! Бедный Наполеон. Его призыв был обращен к сердцу человека более бесчувственного, чем персидский сатрап. Кастрли и его “священные союзники” не имеют представления о подобном великодушии». Другой *midship*, вглядываясь в морское пространство между островами Ре и Олерон в надежде увидеть шлюпку бывшего Императора, кричит рулевому со всем жаром своих шестнадцати лет: «Вот самый прекрасный день твоей жизни! Ты ступишь на борт, чтобы отдать честь самому великому из когда-либо рождавшихся людей».

На борту печально известного «Беллерофона» Наполеон был принят с королевскими почестями, а на «Нортумберленде», когда все будет кончено и он станет всего лишь генералом Бонапартом, адмирал Кокбэрн, коему поручено охранять его, и командир корабля капитан первого ранга Росс будут с ним учтивы в той мере, в какой полученные ими суровые инструкции позволяли это в отношении «государственного преступника». Император сидит во главе стола, как на официальном приеме, негромко играет полковой оркестр, Кокбэрн, скованный своей ролью адмирала-надзирателя, скромно занимает место слева от своего удивительного пассажира и даже приказывает сократить число блюд, узнав, сколь равнодушен он к радостям застолья. Молодые офицеры с юношеским пылом добиваются чести подать руку «генералу», чтобы помочь ему пройти по скользкой палубе и услышать от него хоть одно слово. Всем кружит голову присутствие этого байроновского героя, и все, от адмирала до мичмана, шлют своим семьям более или менее точные, но всегда вдохновенные рассказы, ибо флотские любят поважничать и совсем не прочь пустить пыль в глаза сухопутным, особенно если это пыль с золотых эполет Императора французов, который является, быть может, последним великим завоевателем в истории.

По прибытии на Святую Елену французы иногда будут жаловаться на адмирала и на установленные им порядки, но когда пройдет слух, что его, должно быть, заменит некий Хадсон Лоу, Наполеон первый говорит, что, возможно, они еще пожалеют о нем. Действительно, Кокбэрн пунктуально исполняет полученные приказы, — не считая устных распоряжений, которые никогда не были обнародованы, но он сам часто старается смягчить положение изгнанников, и надзор, установленный им за владением Бриаров, ничем не напоминает режим постоянной боевой тревоги, учрежденный Хадсоном Лоу в Лонгвуде. Как только принимается окончательное решение о резиденции Императора, он заставляет своих матросов буквально творить чудеса, чтобы за три месяца закончить расширение и обустройство дома. «Каждый день, — пишет О'Мира, — отряды численностью в 200—300 человек были заняты доставкой из Джеймстауна необходимых для строительства материалов». Наполеон выражает желание совершить прогулку верхом в Санди-Бэй, где живет самый влиятельный член Правительственного совета сэра Уильям Доветон, — и Кокбэрн и его секретарь тотчас являются, чтобы почтительно сопровождать его, избавив таким образом от надзора унтер-офицера. На следующий день Наполеон, в высшей степени довольный, уверяет, что «покорил» моряка, того самого, кого в гневе называет «акулой», но в котором признает храброго и честного солдата:

— Мы сожалеем о нем, это человек чести; его резкость задевает нас, но это по-настоящему храбрый солдат.

Похвалы сэру Джорджу Кокбэрну станут звучать все громче, когда придется день за днем сражаться с Хадсоном Лоу, и французы будут считать уместным постоянно сравнивать прусское упрямство генерал-лейтенанта с великодушной суровостью адмирала.

— Вам даны те же инструкции, что и сэру Джорджу Кокбэрну, — кричит Наполеон Лоу, — он мне это говорил; но вы их толкуете на свой лад и исполняете в сто раз более сурово!

Доктор О'Мира, который принадлежит к медицинской службе Королевского флота, будет содействовать

установлению хороших отношений между Лонгвудом и флотом с самого начала ссылки, а не только с того дня, когда его ненависть к губернатору и щедрость Наполеона привлекут его в лагерь активных противников Лоу. Он выполняет функции неофициального посла и приводит в Лонгвуд командиров, капитанов и офицеров кораблей, находящихся у берегов Святой Елены транзитом или стоящих на рейде, сторающих от желания обрести возможность похвастаться встречей с Бонапартом. Французы, конечно, весьма охочи до этих встреч, которые нарушают однообразие унылой череды дней и недель и позволяют ткать своего рода информационную сеть под носом у губернатора и его приспешников.

— Только благодаря тому, что мы позволили извлекать прибыль из наших сообщений путешественникам, офицерам, торговцам и капитанам торговых судов, все проходит сквозь кордоны и печатается в Европе, — объясняет Монтолон Бальмену*.

Эта открытая дверь в свободный мир не может не беспокоить Плантейшн Хаус. Губернатор нередко возмущается этими «синими тужурками», к великому удовольствию Горрекера, который, запершись в своей комнате, спешит записать бессвязные речи своего шефа.

— О'Мира — величайший прохвост на свете! Он во всем одобряет и поддерживает *Coceda*! А ведь вначале он вел себя вполне прилично; все началось с приезда адмирала Малькольма. Этот тип во всем и виноват. Это такой же отпетый негодяй, как и Бертран!

Врач в конце концов будет изгнан. Изгнан после шумных сцен, во время которых Лоу мчался за ним по коридорам Плантейшн Хаус, вопя во весь голос:

— Убирайтесь, сударь, убирайтесь!

Право же, это напоминает стычку портовых грузчиков!

Моряки втайне осуждают политику губернатора и вовсе не стремятся участвовать в миссии, которая идет

---

* Когда в июне 1816 года «Нортумберленд» покидал Святую Елену, Наполеон поручил передать некому Куперу золотую шкатулочку: столь ценным подарком вознаграждают лишь исключительные услуги.

вразрез с их традициями, а этого-то Лоу и не может допустить. Ему известно, что в кают-компаниях весьма нелестно отзываются о нем самом и его действиях и что сам адмирал Малькольм с апломбом заявляет, что все переменится, если он будет назначен губернатором.

— Моряки все заодно, — возмущается Лоу, — посмотрите на этого адмирала, который делает вид, что осуждает О'Мира, а на документы никак не реагирует. Во всем виноват этот прохвост, этот проклятый адмирал со своими визитами и заискиванием перед Бонапартом. Все дело в том, что общество настроено в пользу Бонапарта, а этого не должно быть!

Наполеон, естественно, выказывает расположение адмиралу и его супруге и не упускает случая с похвалой отозваться о их уме, благородстве, остроумии. Бертра-на связывают дружеские отношения с командиром стоящего в порту Святой Елены судна «Гавана», капитаном Гамильтоном, который небезразличен к прелестям графини, бедной *Madame Bertrand**. Во время плавания на «Нортумберленде» он имел честь сидеть за одним столом с Императором, а когда накануне своего возвращения в Англию, 21 апреля 1816 года, он приходит с прощальным визитом в Лонгвуд, Бертран записывает в своих тетрадах: «Капитан Гамильтон обедает у нас, пакет передан».

У сэра Хадсона Лоу было более чем достаточно оснований не доверять морякам: за его спиной устанавливались связи между людьми, отнюдь не склонными возносить ему хвалы.

Бертраны также часто бывают у капитана первого ранга Димона, командира «Фаэтона», доставившего чету Лоу на Святую Елену. Для Фанни он не только друг, но и родственник. Конечно, Димон, попробовавший французских тюрем, терпеть не может Наполеона, но вряд ли он способен отказать Бертранам в просьбе выполнить кое-какие поручения или даже переправить их письма. Уорден, врач с «Нортумберленда», опубликовал свои знаменитые «Письма с мыса

---

* Наполеон уверяет Гурго, что этот моряк является отцом новорожденного сына Бертранов, маленького Артура.

Доброй Надежды», которые породили в Европе волну сочувствия по отношению к изгнанникам. Во время болезни Наполеона в 1819 году Бертран приглашает не врача артиллерийской части, ставленника Лоу, а доктора Стокоу, который служит на «Конквероре», стоящем на рейде в Джеймстауне. Во владении Бриаров, где французы бывают часто и вполне могут их там встретить, Балькомбы поддерживают тесные отношения с Королевским флотом: Балькомб имеет небольшой пивоваренный заводик и снабжает суда пивом, что приносит неплохой доход, и Лоу, готовый любое происшествие обернуть в свою пользу, тотчас возлагает на него ответственность за эпидемию, свирепствующую на флагманском корабле, в результате которой за год умер восемьдесят один человек. Это, быть может, не лишено оснований, если принять во внимание качество воды, используемой на заводе. Юная Бетси умирает от любви к красавцу мичману, неотразимому Джорджу Карстеру, и всенепременно хочет представить его Наполеону, который по окончании аудиенции заявляет, что «имел удовольствие видеть редкое сочетание благородного происхождения с любезным нравом и живым умом». А когда он узнает, что этот любимец кают-компании, пользующийся расположением адмирала Малькольма, выказывает на суше столько же сноровки, как и на море, умело справившись со странным поручением — обеспечить работу одной фермы на острове, — он решительно добавляет, — так чтобы слова его дошли до Плантейшн Хаус, — что «английские моряки любое дело доводят до успешного завершения».

Когда Лоу видит на своем столе подобные донесения, с ехидной улыбкой представленные ему Горрекером, он воспринимает их как настоящие провокации и по своему обыкновению выходит из себя, бранится, угрожает и в конце концов довольно гнусно мстит. Если адмирал, желая обосноваться на суше в коттедже Бриаров, просит предоставить ему мебель для обстановки, ему спешат весьма сухо ответить, что администрация не имеет обыкновения полностью обставлять такого рода помещения и может предоставить ему лишь самое необходимое. А когда Малькольм собирается в Лонгвуд,

где всегда рады его видеть, он получает от Лоу одну из тех записок, кои тот так ловко умеет составлять:

«Ваш визит в Лонгвуд может свести на нет впечатление, произведенное вашим решением не встречаться более с Бонапартом после имевшей на днях место грубой и возмутительной сцены, по поводу коей я не получил никаких объяснений. Я предоставляю вам самому решать, достаточное ли это основание, чтобы заставить вас отказаться от вашего визита».

Подобное приказание можно было бы прислать подчиненному, но сэр Пултни Малькольм, контр-адмирал, кавалер большого креста ордена Бани и весьма почетных орденов Святого Михаила и Святого Георгия, не позволил обращаться с собой как с простым матросом: «Я внимательно прочел ваше письмо, но мои убеждения не позволяют мне менять свои решения». С этим бесстрашным джентльменом у Лоу всегда случается осечка.

Было еще нечто, что постоянно мучило губернатора и настраивало его против командующего морскими силами: это весьма болезненный для профессионального военного вопрос старшинства и места в иерархии рангов. Старинный обычай считать «должность важнее чина», конечно, ставил его над адмиралом, но все на острове знали, что Лоу был всего лишь полковником, а чин генерал-лейтенанта получил только на время пребывания на Святой Елене, тогда как адмиралы, от Кокбэрна до Лэмберта, сохранявшие свое звание везде и повсюду, шли впереди даже имевших равное с ними звание высших офицерских чинов в пехоте в силу привилегий, коими обладал Королевский флот. Такое положение вещей давало всем командующим морскими силами почти полную независимость от Лоу, и присутствие на Джеймстаунском рейде флагманского корабля было свидетельством этой независимости. Не менее, чем рауты в Плантейшн Хаус, успехом пользуются и приемы на борту кораблей: в уютных, роскошно обставленных кают-компаниях, на сверкающих умопомрачительной чистотой палубах адмирал, в парадном мундире, с подзорной трубой под мышкой, окруженный блестящими штабными офицерами, принимал

«у себя дома», и соглядатаи губернатора далеко не всегда бывали в числе приглашенных. Когда девушки и мичманы, под веселым отеческим взглядом сэра Пултни и в присутствии леди Малькольм, со свойственным их возрасту пылом, под звуки волынки, предаются радостям экосеза, можно на один короткий вечер забыть о том рыжем человеке, который превратил прежнюю радостную колониальную жизнь в невыносимое тюремное существование.

Но однажды, в июне 1817 года, Лоу удастся взять верх над флотом: в этот день, подгоняемый юго-восточным ветром, к рейду приближается «Конкверор», с флагом контр-адмирала Плэмпина на флагштоке. Премником Малькольма станет этот пятидесятипятилетний человек, который, несмотря на прекрасное знание французского, не сможет завоевать Лонгвуд. После аудиенции, коей по прибытии его удостоил Наполеон, последний скажет О'Мира: «Немного людей имеют столь приятную наружность и обладают более располагающими манерами, чем Малькольм. Этот же похож на одного из тех грубых голландских матросов, вечно пьяных, которых я видел в их стране сидящими с трубкой в зубах за столом перед куском сыра и бутылкой джина».

Оценка была суровой, но свидетельствовала об изрядной проницательности.

«В день нашего отплытия из Англии, — пишет один офицер с «Конкверора», — мы стали свидетелями прибытия странной пассажирки. На рассвете к острову Уайт причалила шлюпка и вскоре, пока мы поднимали паруса, вернулась с дамой на борту. Ее прибытие в такой час в виду Портсмута тотчас вызвало не слишком лестные соображения относительно этой дамы, так как мы не могли себе представить, чтобы Адмиралтейство могло запретить проход супруге адмирала. Наши подозрения усилились во время плавания и подтвердились по прибытии на Святую Елену».

Заход в порт большого корабля — важное событие на острове, а потому на набережной полно народу, и вновь прибывших засыпают вопросами: «Что за человек новый адмирал? Женат ли он? Приехала ли жена вместе с ним?» Ответы даются весьма уклончивые, и

любопытные остаются ни с чем. Вскоре адмирал сходит на берег, чтобы явиться с официальным визитом к губернатору, причем один. На следующий день он, также один, приходит засвидетельствовать свое почтение леди Лоу, которая довольно долго дружески с ним беседует. И ни одного слова о госпоже Плэмпин. Но длится это недолго! В этом крохотном и изолированном от мира сообществе, где смерть барана — уже происшествие, новость распространяется с быстротой молнии и повергает всех в изумление: адмирал и та особа, что находилась на его корабле, не связаны священными узами брака, но живут «во грехе» уже шестнадцать лет. Какой скандал!

«Более всего шума это вызвало в Плантейшн Хаус, — сообщает один из очевидцев. — Дамы, образующие двор королевы острова, единодушно считают, что адмирал, который является вторым лицом в колонии, своим поведением наносит им жесточайшее оскорбление. Долг губернатора — сурово наказать его. Вскоре распространяется слух, что дама будет изгнана с острова, о поведении адмирала доложат его начальникам, и он будет отозван в Англию. Эти слухи, без сомнения, дошли до его ушей вместе с известием о произнесенной в церкви проповеди, осуждающей его поведение».

Преподобный Бойз, пастор суровый, надменный и проницательный, счел необходимым с церковной кафедры яростно осудить адмирала, бросившего своим поведением вызов христианской морали. Плэмпин явился с протестом к Лоу, и тот, в глубине души осуждая поведение адмирала, решил использовать сей неподобающий союз, чтобы принудить вновь прибывшего действовать по своей указке.

Вызывающие проповеди, становящиеся все более суровыми, следовали одна за другой вплоть до того дня, когда их просто перестали слушать. Между тем старикашка, поселив свою любовницу в коттедже Бриаров, вплоть до истечения срока своей службы на Святой Елене был раболепным приверженцем официальной политики Лоу. Молодые офицеры гарнизона проявляли твердость и в большинстве своем отказывались принимать приглашения Плэмпина и его старой под-

руги; молодежь же осмеливается иметь свое мнение и часто бывает заводилой в спорах о морали.

В свете всего этого дозволительно задаться вопросом: какова была бы жизнь Наполеона и повседневная жизнь обитателей острова, если бы, уступив давлению либералов, британское правительство согласилось поставить на место Лоу Малькольма? Речь об этом, конечно, шла, и свидетельство тому — письма, например, письмо Балькомба к О'Мира: «Оба идиота скоро будут отозваны». Это бесцеремонное выражение возмущает Лоу и Рида, «двух идиотов», и Горрекер слышит, как его шеф кричит: «Пусть только попробуют меня отстранить, я такого о них наговорю, что они от этого не отмоются!»

Эта угроза, адресованная его противникам, а может, и начальникам, не только свидетельствует о том, как он боялся быть разоблаченным и замененным Кокбэрном или Малькольмом, но и проливает свет на некоторые особенности его характера и на природу его миссии. Можно предположить, что в данных ему инструкциях содержались какие-то особые указания, позволявшие ему прибегнуть к шантажу, который привел бы в негодование общественное мнение, а он был человеком вполне способным исполнить свои угрозы! Но он не был заменен, и все это остается лишь предположением; принимая во внимание характер отношений Наполеона с адмиралом Малькольмом, можно с уверенностью утверждать, что назначение последнего на пост губернатора закрыло бы довольно мрачную страницу отношений Наполеона с британцами. Адмирал разрешил бы Императору жить так, как того желали в Лонгвуде, то есть как *gentleman farmer*: свободно передвигаться по острову, иметь сношения с местными жителями, и эти два достойнейших человека поддерживали бы *modus vivendi*, который, конечно, не изменил бы ход истории, но значительно облегчил бы участь изгнанника в последние годы его жизни.

Санитарные условия

Кроме офицеров здесь живет и трудится множество солдат и цветных, в том числе китайцев и прочих, представляющих собой безымянное стадо, которое держат в

стороне от политической и общественной жизни и у которого нет иных развлечений и иного предназначения, кроме как исполнять повседневные обязанности и служить либо своему господину, либо Компании. Документальных свидетельств о их образе жизни немного, хотя они играли весьма существенную роль в жизни общества: матросы с «Нортумберленда» переносят на своих плечах камни для расширения Лонгвуд Хаус, солдаты обеспечивают постоянную и изнуряющую охрану пленников, китайцы копают землю, расчищают участки и ухаживают за садами, разбитыми вокруг дома, и наконец, рабы своим трудом обеспечивают снабжение острова овощами и рыбой.

Две тысячи солдат, принадлежащих к регулярной армии, вынуждены терпеть грубости и зуботычины от скорых на расправу офицеров и унтер-офицеров. Дисциплина, набор рекрутов и производство в следующий чин в британской армии нередко вызывали язвительные комментарии Наполеона. Высшему военному руководству в Лондоне было известно, сколь необходимы серьезные реформы, а потому в декабре 1820 года появился циркуляр государственного секретаря по военным вопросам, предписывающий командующим корпусами «неизменно помнить, что запрет употреблять грубые и оскорбительные выражения лучше чем что бы то ни было позволяет поддерживать дисциплину и соблюдать иерархию званий». Солдаты ведут жалкую жизнь, их ежедневный рацион сведен к минимуму: хлеб, соленое или свежее мясо, рис, а также дрова. На Святой Елене к этому добавляется ужас одиночества, оторванности от родной земли, суровый климат и болезни.

Для удобства службы части распределены между Джеймстауном — для охраны города и порта, Лэддер Хилл — для защиты от атаки с моря, Фрэнсис Плейн — для защиты западного побережья и Лонгвуда, а также для пикетов, контролирующих подходы, и для расстановки часовых в Лонгвуде. Генерал Бертран, посетивший лагерь в Дедвуде в мае 1816 года, нашел, что в солдатских и офицерских бараках чисто, проветрено и нет дурного запаха; солдаты спят в гамаках с матрасами и одеялами. Этого относительного и чисто британс-

кого комфорта недостаточно, чтобы компенсировать спартанскую пищу, воздействие губительного климата и недостаток, а точнее, отсутствие какой бы то ни было гигиены. Врач Королевского флота рассказывал, что во втором батальоне 66-го полка 56 человек из 630 умерли от дизентерии. Та же болезнь косила экипажи судов, находившиеся в худших условиях из-за того, что они были вынуждены жить в удушающей атмосфере батарей и стоять на якоре в бухтах, куда не проникало освежающее дыхание ветра. Флагманский корабль «Конкверор» за полтора года потерял 110 человек из 600 человек экипажа, а 107 человек были списаны на берег и отправлены в Великобританию. А на кораблях меньшего водоизмещения теснота и скученность являлись благоприятной почвой для распространения тропических болезней. «Москитов» и «Рекун» из 100 человек экипажа потеряли один 16, а другой 24 человека. «Леврет» похоронил 12 моряков из 75, а «Гиффон» — 15 из 85. На торговом судне, сделавшем десятидневную стоянку на Святой Елене, вскоре заболело 100 человек, возможно, из-за воды, содержащей болезнетворные бактерии*.

Не только ужасный климат, но и отсутствие гигиены и находящаяся в зачаточном состоянии колониальная медицина превращают этот остров в могилу для огромного числа молодых людей. Поскольку местные показатели смертности превышают те, что были зарегистрированы во время военных кампаний в дальних странах, стоит задаться вопросом: действительно ли климат острова является столь неблагоприятным и даже смертоносным? Историки, журналисты и склонные к писательству путешественники много рассуждали на эту тему, пытаясь ответить на этот вопрос; но делали они это с позиций нашего времени, когда наличие компетентных врачей и современных лекарств позволяет вовремя выявлять и лечить болезни, и к тому же

---

* Чтобы угодить Лоу, доктор Бакстер объяснял смертность пребыванием на солнце, жизнью в палатках, избыточным употреблением алкоголя, провоцирующим болезни и осложняющим их течение, а также слабым здоровьем новобранцев. А новобранцы все были в возрасте от 16 до 22 лет.

в одном конкретном месте — Джеймстауне, где условия жизни совсем не такие, как на Лонгвудском плато. Те, кому никогда не приходило в голову побывать в этих местах, в своих домыслах опирались на предположения писателей прошлого века, в то время как сведения об этих двух тысячах молодых и энергичных людей позволяют нам не только составить полное и точное представление о положении дел в Лонгвуде — причем в прошлом веке, но и, учитывая расположение войск, при необходимости дать также описание микроклимата различных частей острова.

Чтобы разобраться в этом вопросе, ни в коем случае не следует полагаться на одни лишь официальные доклады Британского музея, просмотренные и исправленные Лоу (что уже само по себе является обвинительным свидетельством). Лучше обратиться к дневникам и личной переписке, в которой физические страдания и суровость климата занимают главное место. Подробности, которые мы там обнаруживаем, говорят о реальном положении вещей больше, чем медицинские отчеты.

Маркиз де Моншеню, для которого эпидемии — замечательный повод для жалоб своему министру, не может скрыть своего беспокойства. «У нас тут есть два госпиталя, где хирурги получают каждый по 1200 фунтов жалованья. С некоторых пор смертность — а она довольно высока — стала здесь делом обычным; но я убежден, что пока она не обрушится на Лонгвуд, я могу быть спокойным. Закупорка печени здесь самая распространенная болезнь; граф де Бальмен стал ее жертвой, но, к счастью, вовремя начал лечиться. Здесь очень часто встречаются всяческие воспаления, и к тому же весьма опасные, от которых за четыре дня человек или умирает или выздоравливает; самая распространенная сейчас здесь болезнь называется *инфлюэнца**. Она вызвана засухой, которая длится уже несколько месяцев».

И в заключение этот посланник Людовика XVIII пишет, что храбрость, каковую он выказывает в этом лазарете, заслуживает 3 тысячи фунтов годового жало-

---

* Грипп, или инфлюэнца, свирепствует и в наши дни; эта болезнь была, есть и будет. Был год, когда из 5 тысяч жителей заболели 2400.

ванья. «Умоляю ответить немедленно, ибо положение мое здесь весьма тягостно». Как и прочие жители, особенно европейцы, он заплатит дань этой болезни: то он жалуется на воспаление глаз, которое заставляет его прятаться от света масляных ламп, то сообщает, что из-за задержания мочи ему ставили катетер.

В этом же году, а именно в апреле 1817 года, Гурго записывает: «Уныние царит и в Лонгвуде, и в лагере, где за неделю четверо солдат умерли от дизентерии», а барон фон Штюрмер сообщает своей сестре, что «множество англичан страдают от закупорки печени и всяческих воспалений; нет дня, чтобы кого-нибудь не хоронили». Бальмен, ставший жертвой практически всех местных болезней, нарисовал устрашающую картину своих мучений, кроме уже упоминавшегося «воспаления рта и глотки», сопровождавшегося «болями и приступами тревоги и страха». «Нет и дня, — говорит он, — чтобы я не мучился от болей в желудке, нервных припадков, начинающейся закупорки печени; я чахну на глазах». Вскоре он уточняет: «За этим следует упадок сил и депрессия. Врачи уверяют меня, что одиночество, скука и вообще жизнь на Святой Елене не позволяют мне окончательно поправиться и что в конце концов я впаду в маразм». В конце 1817 года после приступов лихорадки, которые приковывают его к постели, жалобы возобновляются: «Здоровье мое очень плохо, меня мучают нервы, здоровье мое слабеет. Остров Святой Елены действительно непригоден для жизни».

Желая добиться необходимого результата, он обращается непосредственно к послу России в Лондоне: «Мое здоровье в удручающем состоянии, мистер Бакстер считает, что я непременно должен вернуться в Европу. Уже полтора месяца я почти не выхожу из дома, потому что у меня то и дело возникают нервные спазмы, лишаящие меня слуха и зрения. И при этом меня постоянно точит и сушит тоска, с которой мне никак не удастся справиться. Адмирал Малькольм, так же как и леди Малькольм, тоже не может выносить эту скалу. Они оба утратили свою веселость. За исключением губернатора, все нас покидают, а те, кто сменяет их, уедут через год, так как дольше никто здесь не выдерживает. Кроме кли-

мата, который совсем не таков, как о нем говорят, здесь убивает скука. Оставить здесь кого-нибудь навсегда — настоящее варварство, если конечно это не преступник. Здоровье мое с каждым днем все хуже. Ипохондрия угнетает меня до такой степени, что врачи, перепробовав все средства для моего излечения, решили, что мне следует отсюда уехать. Жгучий воздух этой скалы убивает меня. Даже рассудок мой начинает слабеть».

Три года спустя в 1819 году он отправляет депешу, в которой повторяет: «Я так и не смог привыкнуть к этой скале, меня постоянно мучают нервные припадки. По признанию всех врачей, чрезмерная, невыносимая жара вредна моему здоровью и уже разрушила его. В прошлом месяце я был тяжело болен, и меня все еще мучают нервы». В августе 1818 года, когда он отправился в Бразилию, он написал министру, чтобы объяснить свое решение: «После нервных припадков и действительно невыносимых мигреней я решил, после двадцати семи месяцев страданий, совершить небольшое путешествие».

«История болезни» русского комиссара очень любопытна. Если отбросить преувеличения, имевшие целью оказать давление на Санкт-Петербург, из нее следует, что Бальмен с самого прибытия, по всей вероятности, страдал от цинги, живописно названной воспалением глотки и явившейся следствием долгого плавания; затем от нервных мигреней, вызванных скукой, одиночеством и жарой — тремя факторами, следствием которых может быть неврастения, впоследствии переходящая в невроз; и наконец, от желудочно-кишечных расстройств, вызываемых отвратительной пищей, солониной, сомнительной свежести рыбой, некачественной водой и грубыми овощами.

Дневник генерала Гурго предоставляет нам многочисленные подробности, порой даже интимного свойства, этого заболевания — дизентерии. Среди французов он оказался первым, кто заплатил ей дань. В феврале 1816 года Гурго заболел; его лечили, но не слишком успешно, поскольку в конце месяца он записывает: «Не мог продолжать дневник из-за сильнейшего приступа дизентерии, которая к середине марта привела меня на

край могилы». Действительно, в это время он уже собирается продиктовать свою последнюю волю, а врач, доктор Уорден, дежурит около него по ночам. Едва поправившись, он является к Императору, и тот со своей обычной резкостью, которая в данной ситуации выглядит жестокой, спрашивает о причинах его печального вида. Гурго отвечает, что плохо себя чувствует, и Наполеон, пожав плечами, признается, что его тоже мучают боли в кишечнике.

— Проклятая страна!

Чуть позже, когда Наполеона все еще мучают сильнейшие колики, Гурго пишет: «В лагере много больных. Много солдат умерло. Лучше бы умер Хадсон Лоу; это произвело бы хорошее впечатление, а то умирает только простой люд». В мае у Бертрана начинаются после еды колики, а в октябре заболевает Альбина де Монтолон, которую лечат каломелью. В это же время маленькому Тристану де Монтолон становится так плохо, что приходится сделать ему кровопускание, чтобы «спасти его». В 1819 году заболел и Маршан: он жалуется на боли, которые странным образом похожи на те, что терзали перед смертью Чиприани Франчески, сгоревшего за несколько дней в чудовищных муках, и миссис Диаз, которая скончалась в одночасье 12 марта 1818 года. «Я был занят рисунками для вышивки, о которых меня попросили эти дамы, когда у меня вдруг начались ужасные колики, и я принужден был лечь в постель». В течение трех недель его лечили обычными тогда ртутными пилюлями, от которых у него расшатались зубы, а во рту появились волдыри. Эти пресловутые *blue pills*, считавшиеся панацеей в британской армии, возможно, из-за их эффективности при лечении сифилиса, содержали ртуть, мед, сахар и измельченные лепестки красных роз. В Лонгвуде все принимали их в большом количестве.

Два врача уделяли серьезное внимание санитарному состоянию острова: О'Мира и Антоммарки; их выводы совпадают, а так как они имели свободный доступ в госпиталь и пробыли в Лонгвуде один три года, а другой полтора, их мнение заслуживает внимания. После общих рассуждений об отвратительном

климате О'Мира добавляет: «Совершенно очевидно, что климат Святой Елены вреден не только для европейцев, но действительно обладает вредоносными свойствами, о чем свидетельствует высокий уровень смертности на острове. Даже незначительные изменения погоды или легкое похолодание часто вызывают приступы дизентерии, воспаление кишечника или лихорадки, которые за несколько дней принимают опасный оборот, если не начать сразу действенное лечение. Дизентерии и обычно сопровождающие их заболевания печени приобретают по большей части тяжелую форму и не поддаются воздействию самых сильных и эффективных лекарств. До прибытия знаменитого пленника слишком мало европейцев длительное время оставались на острове, и я могу утверждать, исходя из личных наблюдений, что у большей части лиц, находившихся тогда на острове, даже у офицеров, случались более или менее сильные приступы дизентерии и гепатита, и с сожалением должен сказать, что в их числе был и я. Врачи, которые оказались в состоянии составить себе точное представление об острове, полагают, что климат его крайне вреден для здоровья и что дизентерия и гепатит свирепствуют здесь с неслыханной силой». И далее ирландец ссылается на работу врача 66-го полка доктора Лея, в которой тот опирается на личные наблюдения: *«Медицинская диссертация о гепатите и дизентерии на Святой Елене»*.

В 1819 году доктор Антоммарки высказывается столь же точно и категорично: «Я здесь обнаружил лишь дизентерию и гепатит в острой или хронической форме; никому не удастся избежать губительного воздействия климата». Его слова подтверждают с научной точки зрения наблюдения Бальмена: «В гарнизоне свирепствуют заболевания печени. Мало кому удастся избежать этой болезни. Она появилась на острове лишь пять лет назад, но распространяется на редкость быстро».

Какова же природа этого свирепствующего в войсках и поражающего всех европейцев заболевания, которое побудило военного врача написать диссертацию? Говорили об амёбной дизентерии или амёбиазе, страш-

ной болезни, часто приводящей к абсцессу печени, повсеместно распространенной в Африке и Азии. Вполне приемлемая гипотеза, если учесть, что большая часть 66-го полка совсем недавно участвовала в индийской кампании, а пятьсот китайцев, работающих в Компании, приехали из той страны, где амёбиоз свирепствует постоянно. Лоу говорил об этом своему министру в 1817 году, но, как всегда, прикрывая реальность стыдливой вуалью, «вихляя задницей», как говорил Наполеон.

«Осенний период благоприятен для лихорадок и дизентерии, и в прошлом году количество заболеваний едва не вызвало панику из-за неосторожного заявления медиков о возможности заражения, и я весьма благодарен доктору Бакстеру, принявшему соответствующие меры для опровержения этого мнения. Первый капеллан, даже не поставив меня о том в известность, вознамерился возносить с амвона молитвы, предназначенные для времен эпидемий и чумы, и если бы не доктор Бакстер, быстро принявший решительные и действенные меры, чтобы исправить допущенные ошибки, эти слухи могли бы достичь Европы и Востока и вызвать большую тревогу, впрочем, совершенно беспочвенную».

С восхитительной и чисто британской флегмой государственный секретарь ответил, что если *«генерал»* умрет от этой эпидемии, его следует похоронить на Святой Елене; тело его ни в коем случае не должно быть перевезено в Европу.

Если к этому добавить, что амёбиоз передается от одного человека к другому и что переносимый болезнью микроорганизм очень устойчив, то нетрудно себе представить, что является источником заражения: загрязненная ключевая вода или вода в открытых каналах, поливка овощей, приготовление пищи, не говоря уже об экскрементах бесчисленных крыс, возможных переносчиков лептоспироза. Интересно отметить, что хотя с тех пор, как была создана система очистки воды, амёбиоза на Святой Елене больше нет, остров до недавнего времени все еще сохранял дурную репутацию в отношении желудочно-кишечных заболеваний, и если местные жители обладали благоприобретенным иммунитетом, то европейцы нередко испытывали недомогания.

В подобных материальных условиях солдатам нелегко переносить гарнизонную жизнь, особенно принимая во внимание тягостный порядок службы. Служба отличается невыносимым однообразием, а поскольку офицеры требуют строжайшего исполнения приказов, то малейшее нарушение сурово карается. Труднее всего приходится находящимся в Дедвудском лагере, обязанным наблюдать за Лонгвудом, потому что пикетов выставляется очень много и в таких местах, где негде укрыться от непогоды. Днем все еще ничего, несмотря на яростный ветер и палящее солнце, но в зимние ночи это становится действительно суровым испытанием. Когда на возвышенностях дождь льет как из ведра и заливает убежища, где несчастные пытаются укрыться, горе тому, кто в обманчивой темноте осмеливается выйти на глинистую дорогу; его находят на рассвете лежащим без сознания или мертвым на дне оврага. А дневная служба порой превращается в настоящую головоломку: то, что разрешено сегодня, завтра может быть запрещено; границы перемещения государственных преступников могут быть изменены в тот же вечер, а распоряжения губернатора порой меняются, еще не успев дойти до последнего часового. Все плохо, а иногда и неправильно понимают друг друга, так что однажды один часовой открыл огонь по Наполеону, когда тот совершал верховую прогулку, а другой не желал впускать в дом обергофмаршала. А что ждет провинившегося солдата, когда случается нечто подобное?! Вызванный к губернатору, он должен в присутствии Горрекера, который записывает его показания, — а всем известно, и Горрекеры в том числе, как Лоу умеет добиваться «чистосердечного признания», — подписать текст, подготовленный до его прихода, и выказать искреннее раскаяние в том, что навлек на себя гнев главнокомандующего.

Женщины

Нельзя говорить о солдатах и моряках, не сказав ни слова о женщинах и о вине. Особенно когда военные находятся на Святой Елене, где никто не лишает

себя плотских утех, а бренди льется рекой. У моряков остров пользуется репутацией вседозволенности, и если некоторые писатели называют его «постоялым двором в Океане», то другие заменяют выражение «постоялый двор» на «бордель». Расположение острова, по правде сказать, весьма удачно, ибо на долгом и тяжелом пути в Европу или Африку к нему удастся пристать лишь после множества испытаний и опасностей, экваториальной жары и бурь у мыса Доброй Надежды. Желая поскорее вычеркнуть из памяти это мучительное время, моряки и путешественники спешат ступить на берег. В эпоху парусного флота для любой молодой обитательницы Святой Елены любовная связь с моряком — это сказочная перспектива замужества, возможность окончательно расстаться со скукой жизни на острове и поселиться в Европе. В этих связях почти или вовсе нет корыстных побуждений, которые появятся лишь с прибытием королевских войск в 1815 году. Подобная атмосфера, естественно, весьма по душе солдатам и холостым офицерам, не говоря уже о прислуге в Лонгвуде, тем более что законные супружеские пары до такой степени задают в этом отношении тон, что Наполеон часто раздражается, видя вокруг себя женщин «с торчащими животами». Сам суровый Хадсон Лоу с радостью приносит дань Купидону. Женившись в сорок шесть лет, — в то время как Наполеон, которому столько же лет, объявляет себя стариком и уверяет, что женщины могут без опасений приходить к нему, ибо он более не помышляет о том, «чтобы его ухаживания увенчались успехом», — губернатор незамедлительно делает детей леди Лоу, уже не очень молодой, которую совсем не приводит в восторг это запоздалое материнство. «Она жалуется, — рассказывает Горрекер, — что если бы она знала, что сможет иметь детей от сэра Хадсона, она бы не вышла замуж». За пять лет у четы родятся девочка и два мальчика, один из которых умрет вскоре после Наполеона в 1821 году. Адмирал Кокбэрн содержит любовницу, которой, уезжая, дарит свои локоны. На большее он не расщедрился! У графини Бертран было пять или шесть выкидышей, до и после рождения маленького Артура, а мадам де Монто-

лон принадлежит к числу тех, кого имел в виду Наполеон, говоря о «торчащих животах». Ее дочь Наполеона, родившаяся в Лонгвуде в 1817 году, доживет до 1907 года и будет, вероятно, последним «свидетелем» со Святой Елены.

Холостые французы, хозяева и слуги, имеют многочисленные связи с женщинами, что не обходится без ссор на почве ревности; но тот, за кем все следят, даже шпионят, сохраняет среди всего этого распутства, рожденного праздностью и свободой нравов, истинно императорское безразличие.

— Мужчине в сорок восемь лет вполне еще могут позавидовать молодые, — мурлычет Алина де Монтолон, которая преследует собственные цели и борется за право занять место официальной фаворитки.

— Конечно, — вздыхает Наполеон, — но им не довелось испытать тех горестей, что выпали на мою долю!

Объяснение, которое далеко не все объясняет: лишь в 1817 году в разговоре с обер-гофмаршалом он произносит все разъясняющую фразу:

— Это могло бы попасть в газеты и нанести немалый вред.

Чуть позже, узнав о связи Маршана с мулаткой по имени Эстер Везе, дочери английского сержанта, которая служит у Монтолонов, он приказывает прогнать эту женщину, очень решительно добавив, что едва ребенок Эстер появится на свет, в Европе станут говорить, что это бастард Императора, приписанный, согласно придворным обычаям, самому преданному из слуг. Дело в том, что перед лицом Европы, сначала изгнавшей его, а теперь всеми силами стремящейся его унижить, перед лицом австрийской семьи, даже не упоминающей его имени в официальных актах, необходимо утверждать тот освященный христианской Церковью союз, который связал его с одной из самых высокородных и знаменитых правящих фамилий. Распутство Марии-Луизы не является для него тайной, так как иногда он упоминает «этого негодяя Нейперга». Но оно не имеет значения, ибо перед Богом, перед людьми и в глазах дворов она должна оставаться его супругой, матерью Римского короля; он никогда не упускает случая упомянуть о

ней в разговоре, дабы лишний раз напомнить о статусе своего сына, о его принадлежности, по праву рождения, к двум императорским дворам и о его правах наследования; кроме того, это средство напомнить о родстве, безусловно стеснительном, но реальном, о том, что англичане, посмеиваясь, называют «его страстью изображать императора». Если Мария-Луиза, согласно придворной иерархии, официально именуется «Ее Величество», то кто же тогда ее муж, как не «Его Императорское Величество и король»? Чтобы подтвердить этот тезис и обеспечить будущее своего юного сына, он скажет об этом в первых же строках своего завещания:

«Я всегда был доволен моей дорогой супругой Марией-Луизой и до последнего часа буду питать к ней самые нежные чувства; я прошу ее сделать все, чтобы оградить моего сына от окружающих его опасностей».

Эта фраза, увы, тем более актуальна, что молодая и прелестная императрица уже подарила двух бастардов своему любовнику генералу Нейпергу, в 1817 и 1819 годах, и когда эти навеки прославляющие ее строки завещания дойдут до нее, она будет производить на свет третьего ребенка.

Любовная связь Наполеона на Святой Елене или даже просто интрижка с какой-нибудь негритянкой, без сомнения, позабавила бы канцелярии и дала бы пищу газетам, а потому британцы с комическим упорством собирают рассказы и пересуды слуг, надеясь отыскать там хоть что-то интересное для себя. Однажды во время очередного бурного объяснения с Лоу Наполеон пожаловался на систему слежки и на часовых, которые прячутся под каждым кустом, так что, будь у него любовница, он не смог бы принимать ее.

— Но у вас же ее нет, — подскочил губернатор, одновременно испуганный и заинтригованный.

— Но я мог бы ее иметь, — насмешливо отвечал Наполеон.

— О, я доложу об этом моему правительству.

Это неожиданно вырвавшееся короткое восклицание свидетельствует о том, что Наполеон затронул тему, которую лондонское правительство считало важной и которая давала повод находящимся на жалованье

у министров карикатуристам изобразить Бонапарта у ног какой-нибудь замарашки. А какой удачей это было бы для Венского двора! Последний, зная о решении Ватикана не признавать развод с Жозефиной и считать недействительным брак Марии-Луизы, был весьма встревожен кончиной первой императрицы в июне 1814 года, которая побуждала верховного понтифика предложить — не без злобного умысла — освящение второго брака, о чем император Франц и Меттерних не желали и слышать. Что касается Марии-Луизы, то, если верить секретарю Наполеона Меневалю, она клялась, что не согласится на развод, но льстила себя мыслью, что он пойдет на любовное прекращение отношений, «каковое, впрочем, является необходимым». Демарш Рима был словно гром среди ясного неба, и возможно, такой выдающийся папа, каким являлся Пий VII, пошел на этот шаг с тайным намерением вернуть бывшую императрицу к ее христианским обязанностям матери и супруги. Из этой затруднительной ситуации Венский двор мог выпутаться, только представив доказательства адюльтера, и, само собой разумеется, как можно более скандальная связь явилась бы великолепным тому подтверждением. В этом Меттерних мог рассчитывать на своих британских друзей Кастри и Батхэрста, каковые действовали со всей возможной энергией. В 1819 году бывший главный врач на Святой Елене доктор Бакстер, после трех лет пребывания на острове вернувшийся в Англию, тотчас получил от лорда Батхэрста записку с приглашением явиться в министерство.

«Едва я вошел в кабинет, его милость подошел ко мне, дружески пожал руку, предложил сесть и тотчас стал расспрашивать меня о Бонапарте. Я ответил, что, по моим сведениям, он чувствует себя хорошо. Тогда он спросил меня, много ли он гуляет. Я ответил, что обычно он выходит по вечерам, но, как говорят, делает много физических упражнений у себя в бильярдной. Его милость всенепременно хотел знать, есть ли у Бонапарта возможность принимать женщин и правда ли, что мадам Бертран и мадам де Монтолон принимают его ухаживания. Я ответил, что сие мне неизвестно,

но вполне возможно, что тщеславию этих дам льстит сознание того, что они могли бы стать предметом его внимания».

У благородного лорда было весьма своеобразное представление о своих высоких обязанностях!

Из-за глупых намеков Гурго и Бальмена, повторяемых Моншеню и Штюрмером, Наполеону приписывают многочисленные и весьма странные связи: сначала юная Бетси Балькомб, девчушка пятнадцати лет от роду; затем «Нимфа Долины» мисс Робинсон, живущая со своим отцом в Лонгвуде; «Розовый Бутон», девушка, отличающаяся чисто английской красотой, на которую заглядывается Гурго; затем мадам Бертран и, наконец, мадам де Монтолон. Гурго, который ненавидит любого, будь то мужчина или женщина, кто отвлекает Императора от повседневного общения со своими офицерами, заполняет свой дневник возмущенными словами, какие имеет неосторожность произносить вслух.

— Что дурного, — возмущается Наполеон, — в том, что мадам де Монтолон посещает меня? Вы сами говорили на днях, что у каждого своя подружка. Вы хотели сказать, что это мадам де Монтолон?

Остановить кипучий словесный поток офицера невозможно: он так бурно и многословно возмущается, что Наполеон приписывает это воздействию ртутных пилюль, который «ударил ему в голову». Но поток этот не иссякает. «Монтолонша всеми силами старается привлечь к себе внимание его величества, — записывает этот безумец в своем дневнике. — Умильный взгляд, вызывающая походка, платье, подчеркивающее талию; она старается выглядеть красивой, а это непросто». А вот что он пишет на следующий день: «Я никогда не соглашусь, чтобы на Святой Елене месье де Монтолон, а тем более его жена, шли впереди меня. Она может быть потаскухой, если хочет, но я нахожу гнусным, когда мужчина соглашается плясать под дудку женщины, тем более женщины уродливой и интриганки». Несколько дней спустя он саркастически замечает: «Его величество хорошо принимает Монтолоншу, он щиплет ее за ж...» Эти гнусные обвинения положат начало стычкам Гурго с Монтолоном, а затем и с самим

Наполеоном, когда тот попытается не допустить дуэли между двумя генералами.

Долженствовавшие позабавить царя Александра рассказни Бальмена о том, кто еще несколько лет назад внушал ему страх, звучат гораздо более непристойно и жестоко. «Мадам де Монтолон, старая, распутная и уродливая, тем не менее является ныне любовницей великого человека*. Ранее она была его наперсницей и приводила особ прекрасного пола в его постель. А затем с помощью услужливых забот и жеманства сама туда забралась и неплохо справляется со своими обязанностями. Ее любят до безумия, ей дарят платья, драгоценности и прочие предметы туалета. Завтракают, обедают, встают и ложатся в удобное ей время. И вообще она заправляет всем в Лонгвуде». К несчастью для Бальмена, эта депеша датирована 16 марта 1818 года, а Гурго покинул остров 14-го, вне себя от ярости и смертельно завидуя тем, кто остался на своем посту при Наполеоне. Совпадение дат бросается в глаза, и совершенно очевидно, что русский резидент, не имевший личных сношений с бывшим Императором, а стало быть, и не имевший возможности располагать столь точными сведениями, получил оные от ординарца Императора. Перед отбытием Гурго облегчил душу и не побоялся перегнуть палку, так же как позже он это сделал в Лондоне, уверяя министров, что у Императора были тысячи возможностей бежать, что он вел постоянную секретную переписку с Европой и что он втайне располагал огромными средствами. Ненависть к Монтолонам до такой степени ослепила этого храброго солдата, что он нанес огромный вред своему бывшему государю, своими фантастическими откровениями побудив британцев ужесточить надзор за Лонгвуд Хаус. А если попытаться найти ему извинение, то нужно принять во внимание тот факт, что он был тогда человеком молодым, энергичным, даже бесстрашным, который,

---

* Эта «старая женщина» была гораздо моложе русского резидента, который шесть месяцами позже совершенно иначе будет отзываться о ее характере: «Мадам де Монтолон — женщина умная и волевая, честолюбивая и любезная, которая была мне весьма полезна на Святой Елене».

оказавшись на этом крошечном острове, вынужден был терпеть высокомерие своих бывших врагов и был оттеснен от своего Императора, своего кумира, ловкими придворными; этот грубоватый и прямолинейный солдат, вдали от биваков и полей сражений, стал навязчиво требовательным и опасно неуравновешенным. В его оправдательное досье следует также вписать вынужденное подавление в течение трех лет сексуальных потребностей; он с вожделием смотрит вслед каждой девушке, но местные «красотки» не обращают внимания на этого ссыльного генерала без состояния, без будущего, умеющего красиво говорить, но уж слишком горячего. Дочь губернатора Уилкса, предмет его первого увлечения, достаивает его лишь легких улыбок; другая англичанка, мисс Черчилль, находящаяся на острове проездом, выказывает ему немногим более внимания. А другие женщины, готовые заполучить титул баронессы, пусть даже баронессы Империи, отказываются от своих притязаний, услышав, как достойнейшая миссис Скелтон, жена губернатора, напрямик говорит французам: «Ваше положение здесь так ужасно!»

А потому ему приходилось довольствоваться более вульгарными радостями, и в дневнике Гурго полно весьма вольных описаний его мимолетных связей. «Я пригласил к себе негритянку... Я встретил в городе хорошенькую мулатку... Я привел из города женщину, переспал с ней, дал ей шесть фунтов... Я встретил хорошенькую рабыню, велел ей прийти ко мне, она согласилась». И все это из-за того, что он не последовал совету Наполеона «наставить рога Бертрону».

Даже суровый Лас Каз, который живет в маленькой комнатухе со своим сыном, не боится заводить интрижки с цветными женщинами. Что касается слуг, то они заводят множество связей, как законных, так и «сезонных». Швейцарец Новерра женится на Жозефине, горничной мадам де Монтолон, а Али сочетается законными узами с мисс Мэри Холл, воспитательницей детей Бертрона. Аршамбо, смотритель конюшен, живет с Мэри Фосс, а Маршан, преданный слуга, такой тихий и робкий, делает ребенка, а может и двух, Эстер Везе, мулатке, о которой Наполеон говорит, что «она своего

в жизни не упускала». Джентилини, молодой уроженец Эльбы, любимец жен военных, является предметом сплетен, записанных майором Горрекером: «Джентилини каждое воскресенье отправляется в Рок Роуз Коттедж, чтобы заниматься любовью с миссис Снэлл; другие дамы также бывают там». Эта миссис Снэлл, наделенная пылким темпераментом, часто бывает в Лонгвуде. В 1816 году она была кормилицей Наполеоны де Монтолон, а в 1820 году, будучи прачкой, привела сюда свою дочку. Наполеон иногда играет с девочкой.

Что касается британских моряков и солдат, находящихся в услужении в Лонгвуде, их галантные похождения не попадают в хронику, но предположить, что они хранили строгое целомудрие, значило бы нанести оскорбление их молодой мужской силе. Они ведут столь шумный образ жизни, что Монтолоны обращаются с жалобой к Лоу, после чего количество часовых вокруг дома удваивается, к великой ярости Наполеона, который обрушивает свой гнев на супругов:

«Вы говорите, что они приводят девок! Если это принимает скандальный характер, вы вполне можете положить этому конец без англичан. Или вы хотите, чтобы они жили здесь как в монастыре?!»

Золотые слова: в мансардах над его апартаментами жили только очень скромные Али и Маршан; прочие же слуги и солдаты обитали над Монтолонами, а деревянные потолки были весьма слабой защитой от шума.

Любовные увлечения

Любовные истории будут продолжаться столько же, сколько будет длиться изгнание. Только Новерра и Али увезут своих супругов в Европу, а Маршан позаботится о маленьком Джеймсе-Октаве Везе, передав поверенному на содержание малыша 500 фунтов, настоящее состояние для того времени. По странному совпадению этот же поверенный содействовал очень выгодному вложению денег, получив под ипотеку Аларм Хаус, резиденцию сэра Томаса Рида, безоглядно преданного Лоу. Соогласно местному преда-

нию, юный Джеймс-Октав был изгнан с острова за дурное поведение в 1840 году, именно в тот момент, когда его отец должен был вернуться на остров для эксгумации останков Императора и церемонии возвращения его праха во Францию, что, по всей вероятности, и породило слухи о возможном отцовстве Наполеона.

В Плантейшн Хаус также хватает галантных историй, но офицерам и слугам, капралам и писарям известно, что они быстро перестают быть для кого-либо секретом: остров сплетен — это своего рода стеклянная клетка. У майора Горрекера есть «приятельница», которую он стыдливо упоминает в своих записках и с которой леди Лоу отказывается беседовать в Дедвуде; чтобы быть допущенной на ипподром и тем более «представленной», нужно было принадлежать к клану «белых». Имя ее так и останется неизвестным. Молодой майор, кроме того, питает некоторую слабость к прачкам, но леди Лоу даже и слышать не желает о связях с прислугой в своем доме, а потому бдительно следит и за офицером, и за смазливymi служанками, контролируя входы и выходы. Особа в высшей степени нравственная, а по мнению Горрекера, просто ханжа, сия дама не допускает ни малейшей вольности, и даже разговоры в ее присутствии ведутся лишь самые невинные, что, однако, не мешает некоторым солдатам весьма бесстыдно развлекаться с работающими в Плантейшн Хаус негритянками, но ночью, в большом парке.

Суровый доктор Бакстер также сподобился сделать ребенка рабыне по имени Энн Росс, и преподобный Бой — ах, какой чудной души человек этот пастор! — с негодованием записывает в своей книге записей гражданского состояния после имени отца: «Генеральный инспектор госпиталей». А когда 9 июля 1820 года о рождении своего незаконного ребенка по имени Джон заявляет сам грозный сэр Томас Рид, пастор тем же добродетельным пером вычеркивает титул «сэр». Нужно сказать, что сей офицер осмеливается открыто появляться в обществе своей девушки в этом колониальном Клошмерле*.

---

* «Клошмерль» — роман французского писателя Г. Шевалье (1934). (Прим. ред.)

Двусмысленное положение Плэмпина, вызвавшее публичный скандал, позволило Лоу извлечь, как мы видели, немалую для себя выгоду. Но сколько других тайком наслаждаются незаконной любовью! Правда, для этого им нужно обманывать чужую злобную бдительность, а это весьма непросто. А еще им требуются молчаливые сообщники и изрядная доля лицемерия. Вот одна из любовных историй, довольно громкая, которой упиваются все местные жеманницы. Ее исказили историки, перепутавшие капитана Пионтовского, польского офицера из свиты Императора, с капитаном Попплтоном, надзирающим офицером в Лонгвуде, но она ничем не отличается от прочих историй в духе пьес Куртелина, рассматриваемых в исправительных судах. В одно прекрасное утро лейтенант 53-го полка Нейгл, действуя от имени своей жены, вызывает в «Верховный суд Святой Елены» некую Кэтрин Янгхазбэнд, супругу капитана того же полка, самодовольную дуру, уверяющую, что она происходит из рода Кромвеля, которую Гурго ненавидит, за то что она уродлива и строит из себя «ученую». Судьи, сэр Хадсон Лоу, Томас Брук и сэр Бингэм, вынуждены ознакомиться с этим делом, не лишенным, надо сказать, пикантности. Нейгл обвиняет мадам Янгхазбэнд в том, что она распространяла у Балькомбов и в Дедвудском лагере гнусные слухи, согласно которым молодая мадам Нейгл была обнаружена своим супругом в спальне капитана Попплтона в час ночи; обвиняемая якобы утверждала, что между мужем и любовником произошло бурное объяснение, но что уже на следующее утро все успокоилось, после того как Попплтон прислал обманутому мужу три соленых окорока, которые местные кумушки тотчас же назвали «компенсационными». Три окорока взамен утраченной добродетели — не слишком дорого она добродетель ценилась! Представляя сам свое обвинение, Нейгл сообщил, что Попплтон — давний и верный друг его семьи; а поскольку служебные обязанности часто заставляют его, лейтенанта Нейгла, уезжать далеко от дома, то с его согласия его молодая супруга обычно дожидается его возвращения в Лонгвуде у его товарища Попплтона. Свидетелей много, от

командующего полком до Бетси Балькомб, от доктора О'Мира до ординарца капитана. Рассказывается много любопытного, перетряхивается много грязного белья, чтобы попытаться скрыть эту банальную и скорее всего подлинную историю, сохранить видимость приличий, защитить честь мундира и доброе имя полка. Кэтрин Янгхазбэнд, за то что она изменила долгу добропорядочной англичанки и сделала предметом судебного разбирательства гнусные сплетни, касающиеся частной жизни белой супружеской пары, приговорена к 250 фунтам штрафа. Предупреждение было услышано, и с 1816 года «Верховному суду» более не доводилось рассматривать дела, касающиеся супружеских отношений.

То, что стыдливо называли «маленькой слабостью» и на что закрывали глаза во Франции — быть может, из уважения к достойнейшему Камбасаресу, — свирепо преследовалось британским законом со времен Генриха VIII как «гнусное преступление мужеложства». И тем не менее среди военных, расквартированных на Лонгвудском плато, лишенных женского общества, такого рода отношения процветали, о чем, кстати, и говорил Наполеон с Гурго 24 января 1816 года. Но предававшиеся этому пороку серьезно рисковали. Вскоре после смерти Наполеона сержант Шильдс и его партнер раб Бахус, застигнутые в компрометирующих позах, были повешены после короткого судебного разбирательства, протокол которого занял всего две странички.

НАСЕЛЕНИЕ

Положение гражданского населения между двумя группами людей в мундирах его величества незавидно: им нужно лавировать в отношениях с армией и флотом, ибо у первых в руках власть, казна и полиция, вторые же обладают бесценной монополией на связь со свободным миром. Нетрудно вообразить, что значили для отрезанного от мира и скудно снабжаемого населения эти суда, курсирующие между Святой Еленой и Кейптауном или тем более Англией! Сколько доставляли они съестных продуктов, сколько всяческих безделушек для дам, от розовой воды и медвежьего жира до вееров и украшений из Китая! Не говоря уже о личной корреспонденции, которая, путешествуя в сундучках моряков, избегает цензуры, проскальзывая под железным занавесом, которым сэр Хадсон окружил эту скалу.

В зависимости от звания и принадлежности к той или иной группе человек может жить более или менее благополучно и при новой военной администрации. Однако избежать неприятностей не удастся никому. Само собой разумеется, что белые, африканцы и азиаты, оказавшиеся вместе на острове, разделены на кланы в соответствии с социальным положением и цветом кожи*.

---

* Перепись 1814 года дает следующие цифры: гражданские лица — 736 человек; военные — 891; свободные негры — 420; рабы — 1293;

Во-первых, есть «белая знать» — чиновники Индийской компании, затем «рядовые» белые — их подчиненные, с которыми первые поддерживают дружеские и слегка покровительственные отношения. Несколько особняком стоят офицеры полков, расквартированных на Святой Елене: это горстка британцев, которые после долгого пребывания на Востоке отнюдь не стремятся возвращаться в сырой и туманный Альбион, а потому отдали свою слегка заржавевшую шпагу на службу Компании и теперь командуют шестью сотнями военных, составляющих пехотные и артиллерийские части на острове. На гораздо более низкой ступени прозябают члены милиции Святой Елены, набранные среди самой обездоленной части населения. В мае 1816 года, сразу по прибытии, Лоу реорганизовал эту не слишком славную фалангу таким образом, чтобы каждый находился от него в зависимости. Он разрешил членам милиции приобретать у Компании за 4 пенса фунт солины в неделю. За такую цену вряд ли можно завербовать в свои ряды людей выдающихся, а посему милиция в ту пору, похоже, не блистала усердием, и толку от нее было немного.

«Белая знать»

Эта группа принимает самое активное участие в управлении островом, и члены ее обладают наибольшими возможностями, чтобы отстаивать свои интересы и занимать видные места. Являясь потомками тех британцев, что в течение двух веков селились на острове и обзаводились тут семьями, они присвоили себе все главные должности. Если тесть — судья, то зять — шериф; когда один брат — аптекарь, другой становится врачом, а когда дочь выходит замуж за советника в правительстве, ее старшая сестра бросается в объятия командира

китайцы — 247. Итого — 3587 человек. В 1817 году картина изменилась: белые (гражданские и военные) — 821; рабы — 1540; свободные негры — 820; королевские войска — 1475; семьи военных — 352; китайцы — 618; бродяги — 24. Итого — 6150 человек. (Так у автора. — *Прим. ред.*)

полка. Скорее суровая необходимость, чем свободный выбор! Неизбежное следствие жизни в этом изолированном мире.

Однако, чтобы эти родственные связи не превратили остров в предприятие с очень ограниченной ответственностью, Индийская компания возвела в незыблемый закон назначение верховным правителем отставного офицера индийской армии, который легко и доброжелательно правил этой горсткой породнившихся друг с другом чиновников*. Таков был в 1815 году губернатор Уилкс, которого прибытие Наполеона лишило приятной синекюры и который так славно проводил время в гостиных Плантейшн Хаус. Ибо дела, обсуждаемые в Совете, немногочисленны и незначительны: наказание кнутом раба, заключение в карцер пьяницы, содержание судов, сельское хозяйство, сорняки и падеж скота, а главное, непосредственно его касающиеся вопросы снабжения. Компания никогда не рассматривала Святую Елену как «выгодную» факторию, но видела в ней лишь промежуточный порт по дороге на Восток и не считала целесообразным посылать туда человека предприимчивого, молодого, энергичного и даже честолюбивого, такого, кто в одночасье мог бы изменить судьбу обитателей острова.

Прибытие Наполеона и последовавшие за ним административные изменения стали жестоким потрясением для этого маленького мирка, дремлющего в праздности, привыкшего к короткому рабочему дню и долгим беседам за чаем или бренди, к просторным жилищам и многочисленной и дешевой прислуге. Они с тревогой смотрят на высадку французов. Этот маленький генерал в

---

* В то время как дипломатическая карьера в XVIII и XIX веках привлекала британскую аристократию, колониальная карьера, за редким исключением, была уделом среднего класса или даже его нижней части (*low middle class*), которому колонизация в значительной степени обязана тем, что в ней есть дурного. Кроме того, должности на Святой Елене плохо оплачивались и не могли быть ступенькой к успешной карьере, а потому губернаторы являли собой череду скромных персонажей, довольствовавшихся относительной свободой действий и уютным покоем в ожидании благословенного часа отставки.

своим дешевым сюртуке станет для них источником множества неприятностей, и прежде всего они лишатся абсолютной власти, которую до сих пор делили между собой несколько семей, что делало вполне сносной их жизнь на этом острове среди океана.

Эти крупные собственники, само собой разумеется, владеют лучшими домами: Маунт Плезант принадлежит Доветонам, Мальдивия — Ходсонам, Проспект — Брукам, Оукленд — другим Брукам, Фарм Лодж — полковнику Смиуту из местных артиллерийских частей. Это красивые дома в георгианском стиле, с прохладными комнатами, высокими потолками и начищенной до блеска мебелью, где по вечерам собирается изысканное общество, чтобы болтать о всяких пустяках и пересказывать местные сплетни. Как возмущенно комментируют они высадку солдат его величества и последовавшие за ней реквизиции, ограничения, правила, пароли и комендантский час! Но зато с какой поспешностью предлагают они свои услуги новому губернатору, ибо нужно правильно вести себя, чтобы сохранить свои должности и, возможно, получить какие-нибудь новые преимущества, вытекающие из чрезвычайной ситуации. Так, сэр Уильям Доветон останется в Совете в качестве казначея, Роберт Лич — бухгалтера, Томас Брук — секретаря, а Томас Грентри — начальника складов. И все становится ясным, когда вспоминаешь, что Доветон выдал свою дочь за Грентри, что Брук женился на мисс Райт, дочери командира полка, что сестра Лича является женой помощника секретаря и что, наконец, эти самые Доветоны, Личи, Бруки и Грентри являются судьями и магистратами, а майор Ходсон, зять Доветона, — заместителем прокурора. Уверенные в надежности своих позиций, досконально знающие остров и все трудности управления им, эти важные персоны будут приняты в доме Хадсона Лоу, который совсем не прочь переложить на их плечи бремя гражданских дел, и добьются назначения себе солидного жалованья, от тысячи до 1400 фунтов в год. И наконец — это очень важно в местных условиях — они потребуют для себя высшие места в иерархии рангов в Плантейшн Хаус, оказавшись таким образом впереди полковников,

сразу за губернатором, адмиралом и главнокомандующим. *Vanitas vanitatum!** А что касается реквизиций, то они тоже окажутся благом для владельцев домов: Моншеню и Бальмен платят за жилье по 400 фунтов в год — сумма немалая, если учесть, что жалованье капитана едва дотягивает до этой цифры.

Имена некоторых из этих поселенцев связаны с пребыванием на острове Наполеона: прежде всего Доветона, которого французы дважды посещали в Маунт Плезант в 1816 и 1820 годах. Старик, произведенный королем в 1817 году в рыцари и ставший сэром Уильямом, покинул свой официальный пост в силу почтенного возраста — ему было около семидесяти — и удалился в свое владение Санди-Бэй. Компания выплачивает ему ежегодную пенсию в 800 фунтов, и он очень гордится своим положением местного патриарха. Однако он ничем не напоминает живописных помещиков аристократов из английских романов. Долгое пребывание на отрезанном от мира острове сделало сэра Уильяма очень наивным. Чтобы быть посвященным в рыцари, ему пришлось отправиться в Лондон, и злые языки немало потешались над его злоключениями в столице. Говорили, что в своем простодушии деревенского жителя он был так поражен сутолокой на улицах, что принял ее за какое-то праздничное шествие. Его впечатления от встречи с Наполеоном были такого же свойства. Это было октябрьским утром 1820 года. Император вышел из Лонгвуда через ворота, где часовые отдали ему честь, и направился к Санди-Бэй, который был выбран для пикника. Дорога, постоянно петляя, идет вдоль склона горы к сказочно прекрасной *Fairy Land*, стране фей, где властвуют Доветоны. Гигантские папоротники покрывают склоны хребта, где возвышается пик Дианы, а дорогу, окаймленную капустными деревьями, оживляют красные цветы канны и желтые — имбиря. В Рок Роз Коттедж, где жил полковник Виниярд и куда красавец Джентилини приводил своих возлюбленных, перед глазами путника на фоне безбрежного океана внезапно появляются колеблемые ветром цветущие магнолии. Подъехав к воротам,

* Суета сует! (*лат.*).

Монтолон отправился уведомить старого господина об августейшем визите и попросить разрешения проехать через его земли. В своем отчете Хадсону Лоу владелец Маунт Плезант добавляет: «В подзорную трубу я увидел, что речь идет о государственных пленниках из Лонгвуда. Я вернулся в дом и пошел к моей дочери, миссис Грентри, которая занималась своим младшим сыном, чтобы уведомить ее о визите Бонапарта». Монтолону он сказал, что его владение открыто для всадников. Гости, за которыми на некотором расстоянии следовали Бертран и четверо слуг, спешили перед домом. Наполеон вошел, сел на софу, усадил миссис Грентри справа от себя, сказал, что у ее детей замечательно здоровый вид, и пошутил по поводу неумеренности в питье ее мужа. Последнее очень рассердило даму, которая заявила, что уже год, как не видела своего мужа пьяным. Сельский обед состоялся на лужайке под большими дубами, где перед гостями открывалась сверкающая всеми красками панорама: слева — зеленая гряда утесов, в центре — огромный красноватый кратер Санди-Бэй с дымящимися жерлами вулканов, справа — бескрайняя гладь океана, и повсюду — бесконечное разноцветье сотен тропических растений: гибискусов, камелий, амариллисов, лунных лилий, бугенвилей, диких фуксий и дурмана. Слуги Императора подали шампанское, а сэр Уильям угостил гостей отвратительным самодельным пойлом, чем-то вроде сивухи, приготовленной из перебродивших в спирту фруктов. Меню французов островитяне нашли обильным, но вовсе не в британском вкусе: паштет, рагу, холодное мясо, ветчина, салат и фрукты. Что же касается Наполеона, то он показался бравому командующему милицией на Святой Елене (простодушный старик сохранил свое высокое звание) «таким же жирным и круглым, как китайская свинья». Ах, как эти слова порадовали бы сэра Хадсона Лоу! Старик даже не понял, что этот визит вырвал его из той безвестности, в которой он прозябал, вписав его имя в местную историю.

Если бы Наполеон не был уже так близок к концу своей жизни и не так плохо себя чувствовал, — вернувшись в Лонгвуд, он принужден был сразу же лечь в пос-

тель, — он оценил бы эту колониальную атмосферу, вошедшую в моду со времен «Поля и Виргинии», простодушие старика, здоровую красоту детей и безмятежный пейзаж. Увы! Попрощавшись с хозяевами, на один день оказавшими ему гостеприимство, он с трудом сел на лошадь. Добравшись до Хатс Гейт, он спешил, бросился в ожидавшую его коляску и, закрыв глаза, позволил довести себя до крыльца своего дома.

Другая дочь Доветона замужем за майором Ходсоном, который совмещает должности гарнизонного офицера и заместителя прокурора; он живет в Мальдивии в восхитительном доме в глубине Джеймстаунской долины, у подножия коттеджа Бриаров; тенистый и прохладный сад, где анакарды и другие редкие деревья, европейские и тропические цветы и журчащий ручей создают неповторимую атмосферу. Однажды ноябрьским вечером 1815 года, в то время как офицеры готовятся к балу у адмирала, Наполеон выходит из коттеджа в сопровождении Лас Каза, чтобы идти на прогулку, и, увидев этот прелестный утопающий в зелени дом и ухоженный цветущий сад, сбегает по ведущей к нему крутой тропинке; это довольно утомительно, Лас Каз с трудом поспевает за ним, и к крыльцу дома они подходят совсем запыхавшись. Майор и его жена любезно принимают их, приглашают в гостиную, а потом в парк, освещенный косыми лучами заходящего солнца. День в тропиках всегда внезапно сменяется ночью, а потому вернуться назад по тропинке невозможно, и путники возвращаются домой на лошадях Ходсонов. Императору с первого взгляда понравился хозяин дома, гигант шести футов роста, с открытым и приветливым лицом, и он мысленно назвал его *Геркулесом*. Возможно, из дымки воспоминаний перед ним внезапно возникли лица, фигуры, торопливая почтительность тех молодых офицеров, которые в европейских дворцах и на биваках суетились вокруг него, всех этих адъютантов, ординарцев, камергеров и курьеров. В благодарность Ходсоны удостоились беспрецедентной чести стать единственными среди обитателей острова допущенными к столу Императора. Балькомбов, конечно, тоже иногда приглашают на эти обеды, но они не идут ни в

какое сравнение с простодушными *yamstocks*^{*}, потому что на этой скале они обосновались совсем недавно, и их образ мыслей и жизни все еще остается вполне европейским. Эти простые люди откровенно забавляют Императора: как-то вечером одна жеманная дама спросила, «не кажутся ли улицы Лондона немного скучными после ухода китайского флота, подобно тому, как Джеймстаун опустел после отплытия его шхуны».

Другой раз, вечером у Балькомбов заходит речь о модных романах и о «Матильде» мадам Коттэн, чей сумрачный романтизм приводит всех в восторг, и один толстый англичанин, слушавший затаив дыхание, спрашивает, кто такая эта Матильда и где она живет.

— Сударь, — невозмутимо отвечает Наполеон, — она умерла и ее похоронили.

Толстяк едва не плачет. Жалкая компания!

Офицеры полков, расквартированных на Святой Елене, являются естественными союзниками местных латифундистов; вместе они противостоят новому порядку, но, не в силах сбросить в море англичан и французов всех скопом, они рассыпаются в любезностях, чтобы войти с ними в соглашение, сохранить доходные места и таким образом компенсировать унижительную утрату престижа. Ибо рядом с офицерами действительной службы его величества наемники Индийской компании выглядят довольно жалко. Набранные из отставников индийской армии, из частей, дислоцированных в Кейптауне, или из семей, обосновавшихся на Святой Елене в прошлом веке, эти полковники, майоры и капитаны не выдерживают сравнения с профессиональными военными, увенчанными славой и орденами, ветеранами Наполеоновских и других войн, которые теперь главенствуют в гарнизоне. Какой удар судьбы! Целых два полковника, два майора, тринадцать капитанов, двадцать лейтенантов и восемь младших лейтенантов (цифры кажутся нереальными!), внезапно оторванные от безмятежной сельской жизни, вынуждены повиноваться новым начальникам, испол-

---

* *Yamstocks* (едоки ямса, или батата) — прозвище, данное британцами обитателям острова из-за их любви к сладкому батату. (Прим. пер.)

нять, казалось бы, давно забытые повинности и терпеть бесцеремонное обращение! Если возникает даже незначительный спор между одним из его офицеров и служакой из Индийской компании, Лоу тотчас же выходит из себя и начинает кричать, что он, лучше зная местную обстановку, предпочитает пользоваться услугами артиллериста, имеющего более высокий чин, который поставит на место этих «ублюдков». Какое потрясение для людей, которые незаметно перешли от военных обязанностей к полицейским, а затем — к менее утомительным и более прибыльным — сельскохозяйственным и скотоводческим. Бедный полковник Райт, командующий пехотой, бедный полковник Смит, командующий артиллерией, которые в 1815 году вели спокойную жизнь богатых владельцев! Бертран, посетивший однажды земли Смитов, потрясен: «У него двадцать волов, шестьдесят баранов, двадцать пять рабов. Двадцать пять лет назад он сам посадил все деревья, и сам за ними ухаживает. У него самый прекрасный сад на острове».

Благодаря серии браков «белая знать» и офицеры полков Индийской компании тесно связаны между собой, и те, кто командуют, и те, кто исполняют, встречаются вечером в семейном кругу за общим столом. Долгими вечерами, из-за отсутствия местной прессы и контактов с внешним миром, дневные происшествия пересказываются, обсуждаются, в бесконечных вариациях повторяются, и все это сопровождается язвительными комментариями и забавным злословием. В подобных условиях военная дисциплина не отличается суровостью, и нужно быть действительно очень бестолковым, горьким пьяницей или совершенным бездельником, чтобы навлечь на себя гнев губернатора. Что, однако, случилось с лейтенантом Уильямом Фуллером в октябре 1815 года и благодаря чему его имя сохранилось в местной истории; он предстал перед губернатором 17 октября, и о результатах этой встречи написано на том же листе и тем же пером, которым была сделана запись: «Прибытие генерала Наполеона Буонапарте и некоторых других лиц в качестве государственных пленных». Фуллер взят под арест за то, что, находясь в

состоянии постыдного опьянения, лежал на дороге к форту, когда был дан сигнал общей тревоги, и во время заключения оказывал неповиновение и вел себя недостойным офицера образом, выказав, кроме того, умственные способности, несовместимые с исполнением обязанностей офицера.

Если вторжение регулярных войск нарушало спокойствие большей части мирного населения, то оно оказалось весьма выгодным для персонала Индийской компании, с удовольствием узнавшего от военных властей о неожиданном решении: «Принц-регент имел удовольствие одобрить решение о выдаче патентов с присвоением соответствующего ранга, действительного на Святой Елене, всем офицерам, которые служат в Индийской Компании». Таким образом, капитан войск Его Величества имеет то же положение, что и капитан Индийской компании, и креолец Онезифорус Бил может обращаться свысока с каким-нибудь Мармадьюком только потому, что имеет одной нашивкой больше.

Офицеры Компании вообще почти не имеют сношений с французами в Лонгвуде, за исключением майора Ходсона, *Геркулеса*, которого Император всегда с удовольствием принимает и который числится в списке гостей графини Бертран. Но зато один из них имеет свободный доступ в Плантейшн Хаус, ибо сэр Хадсон Лоу, желая иметь своего осведомителя среди знатных островитян, взял себе еще одного адъютанта, некоего лейтенанта Дена Таафа, который под пером Горрекера превратился в *Damn Tuff* («Проклятого интригана») или *Yam* («Батат»). Очевидно, это красивый малый, ибо леди Лоу то и дело бросает на него томные взоры, но беспечный и неуклюжий, который к тому же за едой «пыхтит, как кашалот». Роль он играет весьма незначительную и, похоже, служит чем-то вроде красной тряпки, которой размахивают перед носом у Горрекера, чтобы вывести его из себя. А имя некоего капитана Бенетта упоминается рядом с именем Наполеона во время похорон последнего в долине Герани; офицерам Лонгвуда в ответ на их просьбу предоставить красное дерево для изготовления гроба Императора было

сказано, что на острове это дерево не растет и склады не могут выдать им требуемые доски; Бенетт вспомнил, что в столовой у него есть большой стол, и предложил использовать его. И ныне под сводами собора Дома Инвалидов Император покоится в гробу красного дерева, изготовленного из стола, принадлежавшего офицеру гарнизона Святой Елены*.

Что касается отношений между регулярными войсками и местными, они никогда не были ни дружескими, ни близкими, несмотря на официальное равенство положения. «Дневник» миссис Шорт, жены преемника доктора Бакстера на посту начальника госпиталей острова, является ценным свидетельством светской жизни того времени и содержит множество болтовни на эту тему. В нем очень редко упоминаются вечера, проведенные в обществе местных жителей, однако есть одно любопытное замечание: «На обеде присутствуют только англичане, потом приходят женщины, живущие на острове; все немного танцуют».

«Рядовые» белые. Официальные приемы

Это горстка мелких служащих Компании, которые в губительной праздности дожидаются старости или ухода тех, кто занимает высокие должности, в надежде заполучить более доходную синекуру. Являясь потомками британцев, живущих на острове с прошлого века, они, благодаря череде брачных союзов, заняли прочные позиции на острове. Все эти Фаунтины, Кеи, Силы, Портесы, Барбазоны, Бродвеи носят пышные звания — кто купеческого старшины, кто писателя, кто интенданта земельных угодий, интенданта общественной торговли или начальника порта. Пока что они исполняют вторые роли, но уверены в том, что однажды займут место Доветонов, Грентри и Бруксов, с которыми

---

* Дочь капитана Бенетта, которая родилась в январе 1821 года и которую во время похорон Императора отец держал на руках, умерла в 1916 году. В 1840 году она сделала трехцветный флаг, который развевался на шлюпке, перевозившей гроб Наполеона от набережной до «Belle Poule». Фрагмент его хранится в Лонгвудском музее.

состоят в родстве. В 1815 году они весьма недоброжелательно встретили поток военных и гражданских лиц, забравших в свои руки бразды правления и отодвинувших их на задний план.

Если «белая знать» является обычным окружением губернатора, то эти семьи, занимающие менее высокое положение, участвуют в публичной жизни лишь время от времени — главным образом на приемах и балах в Плантейшн Хаус и Замке, которые устраиваются редко, только по случаю больших календарных праздников или тезоименитства принца-регента 12 августа. Сколько оно буквально сводит с ума! Повсюду, от берегов Темзы до самого отдаленного британского владения, проходят пышные торжества: на рассвете, когда раздаются артиллерийские залпы, и посреди ночи, когда тысячами огней сверкают фейерверки, все радуются счастьем его королевского высочества, а тот в парике, разукрашенный лентами, окруженный осыпавшими его лестью придворными, нередко уже навеселе, даже не решается появиться перед лондонцами! Но какое значение имеет особа монарха или его представителя! На торжествах в честь этих двух бесцветных фигур — словно вышедшего из какой-нибудь шекспировской трагедии безумного короля в Виндзорском замке и марионетки из Карлтон Хаус, «Георга Принца-Регента», — церемониал соблюдается с неукоснительной точностью везде, где развеивается флаг Соединенного Королевства. Дело в том, что для британцев — народа, надменного и тщеславного, который в XIX веке главенствует на международной арене, — этот день является поводом чествовать и превозносить самих себя с тем большей пышностью, что государь его вызывает лишь сострадание и презрение. «Нация торгашей», — сказал о них Наполеон и в общем-то был прав; каждая книга, посвященная этому периоду истории Англии, должна начинаться примерно так: «Англия — это остров, населенный торговцами». И конечно, наглядным свидетельством процветания является эта лавина пушечных залпов, балов и парадов, которые даже в самых удаленных ее владениях напоминают о могуществе «старой доброй Англии». Какой восторг вызывают эти салютующие

батареи на Святой Елене, когда они стоят под самыми окнами Императора, чей силуэт вырисовывается за жалюзи гостиной графини Бертран!

Накануне губернатор является сообщить французам, что пушечный залп будет дан в честь его королевского высочества, и осведомляется, угодно ли им будет присутствовать на балу, который он дает в Плантейшн Хаус. Утром, едва рассвело, раздаются пушечные залпы, а Дедвудский лагерь готов к параду. Губернатор, затянутый в роскошный генерал-лейтенантский мундир, прибывает в сопровождении своего штаба. Как только он спешивается, оркестр играет *God save the King*, потом начинается парад, за которым Император наблюдает сквозь жалюзи гостиной Бертранов. Пестрая толпа с восторгом смотрит на это зрелище: «знать» в первом ряду, духовенство, «рядовые» белые, рабы, лавочники, дети, все как один восхищаются чеканным шагом, безупречными мундирами и белой кожаной амуницией.

Вечером сэр Хадсон и леди Лоу встречают гостей, пришедших на ужин в Плантейшн Хаус. «Ужин в честь принца-регента». В пригласительных билетах указано: «форма одежды парадная», а потому и военные, и штатские затянуты в свои лучшие мундиры и фраки, а дамы — в свои самые элегантные платья. В столовую все чинно идут парами под звуки полкового оркестра. За десертом сэр Хадсон поднимает бокал за здоровье его королевского высочества, и маркиз де Моншеню не может сдержать волнения. «12 августа мы праздновали тезоименитство принца-регента, и губернатор устроил торжественный ужин примерно на пятьдесят персон. В конце ужина он произнес тост за здоровье принца, встреченный дружными криками “ура”! Тост за здоровье короля сопровождался восторженным гулом, длившимся минут пять под звуки полкового оркестра».

С наступлением темноты Дедвудский лагерь озаряется тысячью огней, и повозки, впереди которых идут рабы с фонарями, доставляют со всего острова приглашенных на военный бал. Когда все гости собираются, прибывает сэр Хадсон Лоу в сопровождении адмирала и группы офицеров. В паре с супругой адмирала он открывает бал, и звуки музыки звучат до утра. Леди

Лоу, которая не любит шумных народных собраний, остается в Плантейшн Хаус и, возможно, как обычно, жалуется на трудности своего положения: люди дурно воспитаны, не имеют ни малейшего представления о правилах учтивости, не оказывают должного внимания супруге губернатора. Действительно, суতোлка этих народных праздников не слишком привлекательна, так как царящая там непринужденность имеет следствием близкое соседство самых разных людей, и на несколько приятных и хорошо одетых приходится столько пьяных физиономий и нелепых одеяний! Австрийский комиссар ошеломлен этим. «Мужчины грубы и невежественны, женщины глупы и уродливы, народ несчастен и беден».

На следующий день, когда цветные фонарики погашены и парадные туалеты убраны, весь этот мелкий люд возвращается к своей работе, кто в свою канцелярию, а кто и в тюрьму, — ибо нет никого, вплоть до тюремщиков, кто бы не принимал участия в этих замечательных празднествах. Вся эта мелкая сошка занята лишь незначительными делами, ибо абсолютная власть находится в руках одного человека. А каково британцу обходиться без всех этих комитетов, советов или «митингов», от которых он без ума и которые дают ему ощущение собственной значимости! Поскольку военные досье находятся в Плантейшн Хаус и в Замке, прочим остаются лишь всякие пустяки. И если «председатель Совета» имеет высокое представление о своей миссии — Лоу даже заявляет Горрекеру, что его пост на Святой Елене не менее важен, чем пост государственного секретаря, — то председатель комитета по отбору жеребцов-производителей, инспектор овец и коз, дьяконы и иподьяконы также не склонны преуменьшать свою значимость. Дэвид Кей, Гэбриэл Доветон, Роберт Лич, Джон Бэгли и Джон Легг собираются каждый год, чтобы составить список жителей, способных исполнять обязанности шерифа, члена фабричного совета, бальи, инспектора овец и коз и ответственного за обнаружение глистов у скота. Чтобы придать блеска этим комитетам и удовлетворить свою страсть к порядку и подробным описаниям, они состав-

ляют длинные отчеты примерно такого содержания: «12 апреля 1818 года, согласно пожеланию губернатора, комитет ознакомился со списком жителей и рекомендовал следующих лиц. Список претендентов на должность смотрителя дорог не был представлен». Было решено, что только владения размером не менее пяти гектаров должны выделять одного смотрителя. Комитет также считает, что ответственные за выявление глистов у скота должны получать вознаграждение в 3 пенса за каждого червя от владельца зараженного животного.

Близкие родственники богатых поселенцев, естественно, присваивают себе лучшие из этих второстепенных должностей, в частности, должность шерифа — без четко определенных обязанностей, но с привилегией присутствовать с орденской цепью на шее на официальных церемониях и заседаниях трибунала. Так, после утверждения комитетом списка обладающих должными способностями лиц в нем можно обнаружить имена Фаунтина, Доветона, Лича и Сила, каковые все состоят в родстве с членами Совета. Другие должности менее востребованы, и среди исполнявших оные в 1815—1821 годах нет ни одной известной фамилии. Портес, хозяин гостиницы, где Наполеон провел свою первую ночь в изгнании, является членом фабричного совета, так же как и начальник порта Брейбазон; еврей Саул Соломон, который имеет магазинчик в Джеймстауне и поставляет дамам из Лонгвуда и Плантейшн Хаус китайские безделушки и украшения, является почетным сельским сторожем, в то время как Уильям Балькомб является инспектором коз и овец. Когда эту должность предложили некому преподобному Сэмюэлю Джонсу, тот сухо ответил, «что на нем уже лежит ответственность за дикое стадо, каковым является его паства».

Это жалкое общество, столь тщеславное, столь жестокое по отношению к рабам и столь раболепствующее перед властью, потрясающе невежественно. Французы поражены несоответствием между положением этих людей и их претензиями. Гурго проявлял интерес к некой мисс Робинсон, знакомой императору и прозванной в Лонгвуде «Нимфой Долины»; и вот однажды

капитан Пионтковский зашел поболтать к ее отцу-крестьянину. «О, как вам хорошо живется, у вас каждый день на обед свежее мясо! — бормочет старик. — Как мы были бы счастливы, если бы имели то же самое!»

— Разве это подходящее место для тех, кто привык жить среди человеческих существ?! — возмущенно восклицает Наполеон, выслушав эту историю.

Робинсон добавил, что губернатор — очень хороший человек: он выступал перед тремя сотнями «милиционеров» и в благодарность за их службу обещал выдавать им свежее мясо шесть раз в году.

Продовольственные ресурсы

Еда — главная тема на острове. Все — от сэра Уильяма Доветона в его имении Маунт Плезант до фермера из Долины Рыбака — как один настроены против французов, которых обвиняют в том, что они без конца пируют, в то время как снабжение острова продуктами питания находится в критическом состоянии. Когда Наполеон отправляется к старику Доветону, а затем приглашает его разделить с ним его сельскую трапезу, плантатор потрясен не тем, что он приглашен самым великим полководцем в истории, а тем, что составляет меню пикника. «Англичане, — пишет маркиз де Моншеню, — были возмущены тем, что в это время дня ему были поданы блюда из различных видов холодного мяса, а вместо чая — очень хорошее вино, а еще и шампанское, черный кофе и ликеры». Какое лицемерие! Ведь всем известно, сколько пили на острове! Доктор О'Мира откровенно говорил, что пьянство в сочетании с климатом является во множестве случаев причиной заболеваний печени, которые ему приходилось лечить, а барон фон Штюрмер иронически пишет о дамах Найп и Бродвей, что от них с утра за версту разит бренди.

И в менее смутные времена снабжение продовольственными ресурсами всегда представляло собой серьезную проблему. В 1815 году «с прибытием Бонапарта число потребителей удвоилось, а с запретом иностранным судам

заходить в порт полностью исчезла конкуренция, — пишет маркиз де Моншеню. — Все поступает к нам из Англии, вплоть до горючего, раз в год, и мы ждем прибытия двух кораблей, доставляющих его, с большим нетерпением, чем некогда ожидали галионов из Кадиса. Введенный Лоу, словно для зачумленных, строгий карантин отпугивает суда, которые раньше в обмен на несколько бочек воды доставляли нам съестные припасы; теперь, зная, что за передвижением судов ведется бдительное наблюдение, они всего лишь появляются на траверзе острова и удаляются. У самого губернатора две недели на столе нет ни куска мяса, а в больницах готовят бульон из солонины. Уже два месяца как сливочное масло невозможно купить ни за какие деньги. Баранина является такой редкостью, что мы платим по три шиллинга за фунт. Если так пойдет и дальше, я не знаю, что с нами будет, так как запасы птицы скоро будут исчерпаны. А Лонгвуд в это время получает каждый день по шестьдесят фунтов говядины и тридцать фунтов баранины. Но они жалуются, потому что из-за отсутствия сливочного масла не могут испечь пирожных; мы же, платя втридорога, не можем получить даже самого необходимого».

Расточительство, царящее в Лонгвуде, конечно же вызывает возмущение и враждебность: на острове всем известно, что английские солдаты по вечерам пьются французским вином и что французские слуги веселятся и наживаются за счет этого изобилия. «Недопустимо, — соглашается Гурго, — чтобы в день выпивалось семнадцать бутылок вина и съедалось девяносто восемь фунтов мяса и девять цыплят; это значит подставлять себя под удар». Горячий, простодушный Гурго смотрел в корень, ибо действительно, вся Святая Елена, где отсутствует даже самое необходимое, больше ненавидела Бонапарта за то, что он ест баранину и жарит цыплят, чем за то, что в свое время, введя континентальную блокаду, поставил Англию на колени.

По жестокой иронии судьбы, когда, по неудачному совету Монтолона, французы жалуются на плохое качество поставляемых им продуктов, местные жители направляют губернатору возмущенную петицию относительно нехватки продуктов питания. Так как установленные адми-

ралом правила безопасности запрещают лодкам выходить ночью на обычные места лова, рыба стала продуктом редким и дорогим. Те, в чьих руках находится рыбный промысел, «белая знать», такие как Сил и Грентри, которые причастны к любому прибыльному делу, умоляют губернатора разрешить ночной выход в море под надзором военного флота. Лоу по обыкновению уклоняется от ответа и говорит, что инструкции не менялись с отъезда полковника Уилкса в 1815 году и что рыбаки, желающие выходить в море ночью, могут это делать при условии, что будут действовать небольшой флотилией, предварительно получив пропуск, выдаваемый перед выходом специальной службой, находящейся на флагманском корабле. Это весьма ловкая увертка, так как настоящие владельцы лодок никогда не унизятся до того, чтобы просить необходимый документ, а рабы, которым доверены снасти и сам лов рыбы, не осмелятся появиться с просьбой в кабинетах «Его Превосходительства контр-адмирала, главнокомандующего морским флотом».

Чтобы улучшить положение со снабжением, Лоу принимает решение отправлять с этой целью к побережью Африки шхуну «Святая Елена»; за один заход можно будет доставить пятьдесят волов и тридцать баранов, за которые на месте платится от семи до десяти долларов; правда, изрядное число за время плавания погибнет естественной смертью или каким-то иным образом. А так как этот прирожденный полицейский всенепременно желает закручивать все гайки до отказа, то даже разумная мера сопровождается распоряжением Совета, каковое обязывает всех жителей уведомлять об имеющемся у них скоте, предназначенном на убой; за нарушение предусмотрен штраф в два фунта стерлингов, половина из которого выплачивается тому, кто донес на нарушителя. Удивительная мораль!

Духовенство

Душевные муки неотделимы от телесных страданий, и когда голод терзает обитателей острова, дьявол искушает их, и добродетель легко уступает ему. А поскольку

душевные язвы находятся в ведении служителей культа, хроника жизни Святой Елены была бы неполной без паломничества к божественным источникам, а именно посещения двух пастырей общины в их жилищах в Сент-Поле и в Джеймстауне.

Пути Господни неисповедимы, и объяснить тот факт, что в 1815 году — и так в течение века — «преподобные отцы» были все сплошь сварливыми, нетерпимыми, распутными и неуживчивыми, можно лишь тем, что приходы были нищими, а приносимые ими доходы жалкими, и что удаленность от остального мира и материальные условия не позволяли быть слишком требовательными в выборе пастырей. Едва ступив на остров, эти служители Господа тут же обнаруживали все свои дурные наклонности и становились постоянным источником неприятностей для администрации. Все они отличались крайней скупостью и раскошеливались лишь на вкусную еду и бренди, к тому же были грубы и всегда готовы затеять скандал, что и являлось причиной яростного соперничества между политической властью и этими странными миссионерами. А в начале века, с прибытием Наполеона, ситуация становится еще более щекотливой, ибо англиканская Церковь обретает неслыханное могущество, которое при королеве Виктории превратится в удушающее ханжество. Реформатская Церковь находится в зените: после долгих лет борьбы и поисков средств искоренения папизма англиканская Церковь наконец-то чувствует себя хозяйкой положения. Связанная с правительством, начиная с Генриха VIII, пользуясь поддержкой премьер-министра, который назначает епископов, она позволяет своим служителям публично выражать свое мнение, критиковать, порицать и даже осуждать сильных мира сего, что на Святой Елене порождает весьма затруднительные ситуации. Воспитатель детей Балькомба, преподобный Сэмюэль Джонс, в течение некоторого времени являвшийся первым капелланом Компании, так неистово нападал на губернатора в своих проповедях, что его отстранили от должности, а он в ответ разразился яростным памфлетом на двадцати шести страницах. Другой пастор, посвятивший себя обращению на путь

истинный грешников, имел дерзость написать проповедь, адресованную «Наполеону Бонапарту», и отправить ее лорду Батхэрсту для передачи Императору!

Какой же властью обладали пасторы в этих удаленных краях, где правоверные пребывали в первородной слабости и невинности? В глазах этой жалкой и робкой толпы служители культа совмещают власть теологическую и политическую, где неразрывно слиты крест и меч. Все делается во имя Святой Троицы и его величества короля Англии, что позволяет безжалостно карать правой рукой, левую положив на Библию. А когда на такой затерянной в океане скале, как Святая Елена, губернаторы и пасторы агрессивны и постоянно не согласны друг с другом, какие тут разыгрываются баталии! Так, в 1816 году противостояние сэра Хадсона Лоу и преподобного Ричарда Бойза сулило громкие скандалы: слухи о их стычках доходили даже до Лондона и прекратились лишь с отъездом первого в 1821 году.

Бойз, тридцати лет от роду, исполняет свою должность с 1811 года и обладает тем преимуществом, что «играет на собственном поле». Он совершает богослужение в Сент-Поле, в двух шагах от Плантейшн Хаус; маленькая калитка между двумя парками позволяет губернатору отправляться по воскресеньям в церковь, почти что на манер английских сквайров, пешком и с тростью в руке. По словам одного английского путешественника, это непростой приход. «Нравственное состояние населения удручающе, — пишет он, — пьянство и разврат — дело обычное во всех слоях населения». Современники изображают Бойза человеком честным и благочестивым, но нестигаемым, как церковная свеча, и непреклонным, как пророк, мученический крест коего он несет, ибо считает себя мишенью черни, злобно и жестоко высмеивающей служителя Господа. Служителя, правда, бестактного и ограниченного, поддерживаемого кликой таких же, как и он, сварливых ханжей. Говорят, что он имеет скверный обычай шпионить за своей паствой, а затем обличать провинившихся с амвона и требовать наказания, а чтобы порок и безверие нигде не могли найти себе убежища, вмешиваться во все происходящее на острове, чего Лоу конечно же

не может допустить. А когда окажется, что путь ему преграждают согладатаи губернатора, беспокойному пастору останется лишь мстить, провозглашая с амвона анафемы и делая коварные намеки на «заброшенный и погрязший в пороке остров» в присутствии властей и мелкого приходского люда. Он, увы, не знает чувства меры и бросает на одну чашу весов весь свой религиозный пыл, свое неистовство, свою нетерпимость и злобу, а когда это может быть ему полезным, то обвиняет губернатора в Совете. Джеймстаунские архивы полны его посланиями, предостережениями, протестами и просьбами. В июне 1816 года — возможно, для того, чтобы понять, чего стоит Лоу, — он направляет в замок, где размещается Колониальное правительство, весьма сдержанное прошение, чтобы добиться повышения заработной платы школьным учителям, заявить о плохом состоянии кладбища, нехватке школьных учебников и необходимости установить доску перед городской церковью и изменить режим работы ризничих. Довольно цинично, но с той же энергией он сражается и за свой собственный статус: хотя Компания выплачивает ему 108 фунтов за жилье — в ту пору это весьма существенная сумма — он засыпает Совет жалобами в связи с реквизицией его дома в Джеймстауне.

А с Советом сей пастор установил прочные связи еще в 1811 году: Уилксы, Доветоны, Лич — люди, строго соблюдающие религиозные обряды, и благодаря им Церковь, в лице пастора, захватила себе львиную долю в администрации. Она заботится о школах, наблюдает за госпиталями и казармами, печется о пропитании бедных и наставлении невежественных, защищает рабов, через фабричный совет содействует принятию некоторых законов, а потому у ее главы вполне могло возникнуть пьянящее ощущение, что именно он стоит у руля корабля. Прибытие сэра Хадсона Лоу и оккупация острова регулярными войсками лишают его этой частицы власти и даже ставят под вопрос самое его влияние.

Жестoko страдая из-за своего падения, он берет реванш, тяжело поднимаясь с суровым лицом, полузакрыв глаза, по ступеням кафедры, чтобы произносить свои проповеди, ставшие знаменитыми на острове не

благодаря своим литературным достоинствам, а из-за того шумного резонанса, который они вызвали. Сначала было дело Плэмпина: узнав о внебрачной связи второго лица в военной иерархии, тот, кого Лоу прозвал «прелатом», громогласно возмущается этим гнусным грехом. Начав кампанию с ядовитых намеков — ах! святой человек! — он завершает ее публичным изобличением и требованием: адмирал должен прогнать преступную женщину и вновь найти путь в храм Божий. Губернатор оказался в затруднительном положении, потому что ему нужно было сделать выбор: поддержать адмирала — значило навлечь на себя гнев духовенства и ненависть преподобного отца, который не преминул бы наводнить британскую религиозную прессу своими статьями; встать на сторону Бойза — значило толкнуть адмирала в лагерь своих противников, и так уже довольно многочисленных. Лоу принял самое благоразумное решение, не встав ни на чью сторону, по крайней мере официально, ибо письменные тому свидетельства отсутствуют. Может быть, вопрос решился в тиши его кабинета, и он имел бурное объяснение с пастором? Или же ему удалось откладывать решение этого вопроса вплоть до отъезда адмирала? Вполне возможно, ибо морализаторская кампания внезапно прекратилась, и адмирал мирно наслаждался в буколической обстановке дома Бриаров земными радостями греха.

Не следует заблуждаться относительно личности этого странного миссионера: его рвение не является исключительно религиозным, оно отмечено печатью непримиримого абсолютизма, столь характерного для микроскопического сообщества, где посредственные умы оспаривают друг у друга право на крохи власти. Ссоры Бойза с Плантейшн Хаус, с Лонгвудом и с Индийской компанией свидетельствуют о том, что Церковь на Святой Елене, в лице своего старейшины, готова отдать в ведение губернатора административную жизнь, а себе, невзирая ни на что, взять контроль и руководство делами общественными и семейными и не выпускать из рук управление местной политикой. Пусть губернатор Лоу занимается своими государственными пленными, а все прочие заботы возлагаются на Цер-

ковь; таково было абсурдное желание преподобного Бойза.

А теперь взглянем на этого человека и его паству в воскресенье, когда вся жизнь на острове сосредоточивается в сельском приходе в церкви Святого Павла, а в Джеймстаунском приходе — в церкви Святого Иакова. Глядя на портрет пастора Бойза, нетрудно догадаться о его терзаниях и амбициях: крохотные полуприкрытые глазки, недоверчивый взгляд, опущенные углы губ говорят об исполненном горечи высокомерии, тогда как прилизанные волосы, твердый воротник и строгий сюртук придают ему сосредоточенно важный вид. Он напоминает пастора из романов Диккенса в исполнении провинциального актера. Теперь войдем в церковь, где идет служба по англиканскому обряду: в первом ряду, хотя и не всегда, сидят сэр Хадсон и леди Лоу в сопровождении майора Горрекера и адъютанта; за ними — члены Совета с супругами, а дальше высшие служащие Компании, их подчиненные, жители «первого класса». «второго класса», слуги Плантейшн Хаус, «приличные» цветные женщины с детьми, школьники, солдаты в мундирах и цветные. Таков раз и навсегда установленный порядок.

Иногда воскресные проповеди Бойза становятся настоящей сенсацией; поднявшись на кафедру, он закрывает глаза, словно для того чтобы лучше сосредоточиться, прижимает свои большие руки к груди и начинает говорить, тщательно выбирая слова:

— Истинно говорю вам, мытари и блудницы ранее вас войдут в царствие Божие, ибо Иоанн явился вам на пути, ведущем к праведности, но вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили.

Услышав продолжение, Лоу вздрагивает: отличия, богатство, чины, власть, знания, ученость — все это препятствие на пути к райскому блаженству. Убогим, сирым и нищим отпускаются их преступления и прегрешения, ибо вера их истинна. Среди них выбрал себе Господь спутников, а не среди богатых и могущественных, кои отказываются склониться перед Ним. Не ограничиваясь одними лишь мытарями и блудницами, преподобный отец, разгорячившись, перечисляет мно-

жество ужасных деяний, которые, по его мнению, не мешают войти в царствие Божие; устрашающий список, как бы указывающий на то, пишет Компании сэра Хадсона Лоу, «что среди присутствующих находятся люди, совершившие подобные преступления». Но если губернатор чувствует себя главной мишенью, он может успокоиться, ибо Бойз добавляет, что эти преступники получают отпущение и прощение грехов прежде богатых и могущественных, ежели они с истинным раскаянием войдут в святилище, где звучит сия неожиданная проповедь. И не только мытари и блудницы, изгои, осквернители субботы, сутенеры, распутники, прелюбодей, воры и убийцы, к коим обращено слово проповедника, громогласно возглашающего:

— Самых дерзких бунтовщиков ждет спасение. Какая радостная уверенность! Какое утешение! Ни одному раскаявшемуся убийце не будет отказано в спасении. Даже если вы убили вашего отца, вашу мать, даже если вы пришли сегодня сюда, омочив руки в крови Сына Божия, раскаянием будете вы спасены.

Такого рода пилюли приходилось глотать каждое воскресенье тем из именитых граждан, кто соблюдал религиозные обряды и кто был повинен в «преступлении против Бойза». Использовать образ распятого Христа на потребу словесному недержанию и нетерпеливой жажде власти — значит весьма странно представлять себе апостольскую миссию. Чего только не увидишь на Святой Елене! Но поскольку за любым оскорблением неизбежно следует возмездие, у Хадсона Лоу нередко будет возможность в этой то тайной, то открытой борьбе брать верх над преподобным отцом. Например, 25 марта 1819 года на стол губернатора ложится петиция, исходящая от большого числа «рядовых» белых — примерно сотня имен среди которых Соломоны, Силы, Ходсоны, Кеи, Найпы и Харрингтоны. Жалоба, ибо речь идет именно о жалобе, весьма серьезна, тон ее так резок и способ, коим она предана гласности, столь официозен, а последствия ее для преподобного отца столь прискорбны, что невозможно не разглядеть во всем этом хитрый замысел полиции. «Мы, жители Святой Елены, собравшиеся в ризнице, с удив-

лением и волнением обнаружили, что в некоторых разделах газеты *Morning Chronicle* от 12 ноября 1818 года делаются намеки на существование на нашем острове позорной торговли рабами, тогда как единственным видом торговли является передача или продажа от одного жителя другому; необходимость в этом будет существовать до тех пор, пока существует рабство, что признают сами сторонники его отмены. В *Morning Chronicle* заслуга запрещения ввоза рабов странным образом приписывается преподобному Бойзу, что совершенно необъяснимо; и мы должны с удивлением констатировать, что не последовало никакого официального опровержения ни от вышеупомянутого пастора, ни от его представителя». Когда текст петиции дошел до сведения Бойза, он, вероятно, поднял страшный шум. К несчастью для местной истории, мы не смогли обнаружить ни в приходских, ни в губернаторских бумагах никакой корреспонденции, касающейся этого скандала.

Преподобный Вернон, второй капеллан, — молодой человек двадцати пяти лет от роду, из прекрасной семьи и вполне миролюбивого нрава. Чтобы лучше контролировать духовенство, Лоу прибегает к избитому правилу «разделяй и властвуй» и в противовес тому, кого называет «*Прелатом*» или «*Архиепископом*», заключает союз с Верноном. Их часто можно видеть беседующими в Плантейшн Хаус после получения очередной жалобы Бойза. Что побудило молодого пастора действовать заодно с противниками своего начальника? Если допустить, что Вернон похож на большинство людей, то позволительно предположить, что скрытое недовольство «*Прелата*» было ему столь же неприятно, сколь лестно было ему расположение губернатора. Осуждая одного, он открывал себе доступ в салон другого, и это того стоило.

Страсть Бойза посягать на прерогативы губернатора не могла не вызвать неудовольствия Лонгвуд Хаус, а косвенно — и Плантейшн Хаус. В феврале 1818 года следом за сыном слуги Монтолонов и горничной графини Бертран приступ желудочных болей сразил дворецкого Наполеона Чиприани Франчески, а так как на ост-

рове не было католического священника, этого закоренелого безбожника, каким был корсиканский слуга, предали земле под заунывные молитвы англиканских пасторов. Над свежевырытой могилой преподобный Бойз произнес евангельские слова: «Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями» (Иов, 14: 1). Эти слова были как нельзя более уместны: Чиприани прожил короткую жизнь, и горести не обошли его стороной. Материальная сторона похорон была, по местному обычаю, поручена Соломону, который, едва были погашены свечи, поспешил предъявить Монтолону счет примерно на 1400 франков золотом, то есть семьдесят золотых монет с изображением Императора, примерно 6 тысяч по курсу 1987 года. Французы возмутились, и не без оснований, но заплатили, а Лоу, поставленный о том в известность, со смешком заметил: «Это недорого, раз они согласились похоронить его как протестанта; это обычная цена».

Впрочем, он лгал, что ему случалось делать часто. Желая выказать расположение преподобному отцу, который, несмотря на свой всем известный ригоризм, согласился отслужить панихиду, Наполеон передал ему через доктора О'Мира серебряную табакерку с чеканкой и 25 фунтов для бедных его прихода; сначала он хотел послать 50 фунтов, но затем сумма была уменьшена вдвое, что совершенно неожиданно привело в ярость Лоу.

— Наполеону Бонапарту должно было бы быть стыдно посылать 25 фунтов вместо 50.

Что касается табакерки, то Бойз был бы счастлив сохранить ее. Но, как человек тщеславный, он имел слабость показать ее Вернону, который сообщил об этом доктору Бакстеру, а тот — Риду, каковой доложил об этом Лоу. Преподобному отцу пришлось, не без сожаления, вернуть подарок; в старости он признался, что привез со Святой Елены и выгодно продал подставку для яиц, хлебницу, серебряные приборы, трость, кресло из Лонгвуда, пуговицы от мундира и волосы «Бонапарта». Нужно уточнить, что он умер в 1867 году, когда изгнанник со Святой Елены, по странной прихоти судьбы, стал для Сент-Джеймского двора «его величес-

твом покойным Императором Наполеоном», дядей его величества Императора французов.

Сношения Вернона с французами из Лонгвуда были весьма ограничены, так как если он решался пойти с супругой к Бертранам, то после каждого визита подвергался допросу, с чем не мог смириться. Поэтому он довольствовался тем, что крестил родившихся в изгнании детей Бертранов, Монтолонов и слуг вплоть до того дня, когда из Рима прибыли аббаты Буонавита и Виньяли.

Разногласия между двумя пасторами будут нарастать, и через три года пребывания на острове Вернон, не в силах более это переносить, открыто перейдет в лагерь губернатора. История с табакеркой Императора в 1818 году положила начало неприязни, которая быстро превратилась в ненависть. «Второй капеллан принес губернатору в январе 1821 года еще не известные письма старого пастора, — рассказывает Горрекер. — Сделано это было для того, чтобы показать отсутствие разницы между тем, что говорилось и что писалось в ту пору, когда он пытался настроить губернатора против первого капеллана». Хадсон Лоу ловко управлял людьми в сутане, и в том не было его особой заслуги: раскол царил в их лагере.

— *Архиепископ* локти себе перекусает в тот день, когда я напишу в Англию, — посмеивался он; я не пощажу его, он себя обесчестил.

Несмотря на их неуживчивый, несговорчивый и мстительный нрав, пасторы в общем-то были для Лоу, как говорят англичане, «лишь маленькой занозой». По отношению к французам они выказывали равнодушные, граничащее с презрением, модным тогда на Святой Елене, сдобренным, однако, толикой любопытства к интимной жизни обитателей Лонгвуда. Прибытие в 1819 году двух католических священников должно было бы охладить их пыл. Ничего подобного, они и не подумали умерить свои претензии, утверждая превосходство протестантской Церкви над «римским вероисповеданием». Во время похорон Наполеона Вернон заявил о своем намерении идти впереди похоронной процессии рядом с аббатом Виньяли, который отка-

заялся от этого стеснительного эскорта. Чтобы предать церемонии «законный» характер, англичанин помчался в долину Герани, чтобы до прибытия кортежа освятить только что выкопанную могилу.

— Да освятит Господь сию землю, дабы принять с миром тело Наполеона Бонапарта.

Рабы

В 1816 году Святая Елена оставалась единственным британским владением, где все еще существовало рабство и где всякий ребенок, родившийся от женщины-рабыни, считался рабом. В январе 1816 года один английский офицер рассказывает Гурго о торговле рабами.

Это ужасно!

В 1818 году под давлением движения против рабства Лоу решает собрать ассамблею поселенцев для обсуждения этой проблемы; после десятиминутной дискуссии белые единодушно заявляют о своем доверии губернатору и поручают комиссии из тринадцати человек подготовить соответствующий документ: «Все дети, рожденные рабами после Рождества 1818 года, будут считаться свободными, но должны будут служить в этом качестве хозяину своей матери: юноши — до восемнадцати лет, девушки — до шестнадцати. Хозяева обязаны позаботиться о том, чтобы они посещали церковь и воскресную школу».

Все это напечатано на первой странице правительственной газеты. Прекрасно, но в 1823 году преподобный Бойз заявил с возмущением о том, что был свидетелем продажи рабов. Ему ответили, что нет иных способов решить участь чернокожих в случае смерти или отъезда их хозяев и что в этой процедуре нет ничего противозаконного, так как сделки производятся между местными владельцами. Рабы, служившие на острове во времена Наполеона, были таким образом, несмотря на пышные декларации властей, существами, не имеющими ни прав, ни свободы, ни власти. Они принадлежали к той же социальной категории, что и

китайцы, и вместе с ними составляли толпу поденщиков и слуг с единственной разницей: если чернокожим рабам хозяева присваивали звучные имена Меркуриев, Сципионов, Августов, Платонов или Цезарей, у китайцев были только номера*.

Самым известным рабом, попавшим в местные анналы наполеоновской поры, был малаец Тоби, принадлежавший Бриарам и купленный Балькомбами у одного английского капитана; он полновластно хозяйничал в огороде, и Наполеон иногда ласково с ним заговаривал или приказывал дать ему золотую монетку. Бетси однажды осмелилась рассказать тому, кого она считала как бы своим добрым дядюшкой, о своем заветном желании добиться освобождения Тоби, о чем Балькомбы не желали и слышать:

— Я не могу больше любить моего отца, потому что он не исполняет своего обещания; но я буду вас очень любить, если вы вернете Тоби его детям. Вы знаете, у него есть дочка одних со мной лет, и она очень на него похожа.

Наполеон заверил ее, что завтра же, с помощью адмирала, добьется, чтобы Тоби выкупили и отправили на родину. Но он не принял в расчет Лоу, который заявил О'Мира, явившемуся к нему в качестве посредника:

— Вы не знаете, сколь важно то, о чем вы меня просите; Бонапарт не просто хочет доставить удовольствие мисс Балькомб, добившись освобождения Тоби; он хочет заслужить признательность всех негров на острове. Он хочет сделать то же, что и на Сан-Доминго**. Я

---

* История рабства на Святой Елене восходит к первым дням поселения. Поскольку местное законодательство предусматривало годовой налог всего лишь в 10 шиллингов за одного раба, белые стремились приобрести эту рабочую силу, которой они могли распоряжаться по своему произволу. В 1742 году было объявлено, что всякий корабль, идущий с Мадагаскара и желающий пополнить запасы воды, должен будет оставить одного раба, мужчину или женщину. Нарушений дисциплины хозяева не терпели: за кражу 18 пенсов — 20 ударов кнута «по обнаженному телу»; за 3 шиллинга — 30 ударов. Всякого раба мужского пола, ударившего или попытавшегося ударить белого, кастрировали; если речь шла о женщине, ей всего лишь отрезали уши...

** Сан-Доминго — название западной части острова Гаити, являвшейся с конца XVII века французской колонией. В 1791 году

ни за что на свете не сделаю того, о чем вы меня просите.

Раб Тоби не обрел свободы, но получил утешение — хотя, по правде говоря, весьма слабое для малайского раба: его история вдохновила художников на создание трогательных эстампов романтической эпохи и картин вроде «Наполеон и раб Тоби», имевших в свое время большой успех.

Кроме раба Балькомбов еще одному темнокожему довелось привлечь к себе внимание, а именно слуге Лас Казов Джеймсу Скотту. Сметливый и расторопный мулат, он был нанят камергером Императора, когда французы обустроивались в Лонгвуде. Положение «свободного мулата» давало ему некоторые привилегии, и так как он мог свободно перемещаться по острову, его господин прибег к его услугам, чтобы установить контакты с русским комиссаром графом Бальменом, как о том уже говорилось ранее. Сведения об этом дошли до Лоу, и тот решил прогнать молодого человека, поручив его обязанности солдату. Но поскольку Лас Казов отказался взять слугу, предложенного англичанами, в Плантейшн Хаус вынуждены были согласиться вернуть неудобного им человека в Лонгвуд, но прежде привели его к Хадсону Лоу и учинили ему допрос. Только человек, не имеющий ни малейшего представления о психологии этих горемык, может не понять, какое впечатление должна была произвести на беднягу эта встреча: для жителя Святой Елены беседа с глазу на глаз с губернатором — тяжкое испытание. Что было сказано? Какого обещания добился «Его Превосходительство»? Во всяком случае, неделю спустя, воспользовавшись темной и знанием местности, Джеймс Скотт проник в Лонгвуд Хаус, пробрался в жилище Лас Каза и сказал ему, «что, находясь в услужении у человека, отправляющегося в Англию, он готов взяться за исполнение поручений». Это смахивало на заговор, а точнее, на западню. На следующий день Наполеон обсуждает с Лас Казом возможность переправить таким способом для публикации в Европе ноты протеста; он колеблется и не при-

---

здесь началось восстание черных рабов, в 1804 году провозглашена независимость острова и отменено рабство. (*Прим. ред.*)

нимает никакого решения. Джеймс Скотт вновь появляется следующей ночью и повторяет свое предложение Лас Казу, и тот, не заручившись согласием Императора, приказывает своему сыну переписать письмо, адресованное Люсьену Бонапарту; для удобства транспортировки текст написан мельчайшими буквами на куске белого шелка, который мулат должен зашить в подкладку своего жилета. Ловушка захлопнулась.

Далее события развивались так стремительно, как если бы камергер ступил на скользкую наклонную доску. Скотт показал документ отцу, который тотчас сообщил об этом знакомому офицеру. Сэр Хадсон Лоу, в кратчайшее время заполучив улику, приказывает арестовать Лас Каза и делает это самолично на глазах у Наполеона. В ожидании высылки пленник и его сын находятся под арестом в коттедже близ Хатс Гейт.

Загадочная история, ничего не скажешь. Лас Каз, человек безусловно умный, попадает в грубую ловушку. Это позволяет предположить, что он готов воспользоваться этим поводом, чтобы покинуть остров и, не теряя времени, заняться обработкой своих записей для написания знаменитого «Мемориала Святой Елены», тем более что несколько недель спустя, когда Лоу предлагает ему вернуться в Лонгвуд, если таково его желание, он отказывается и предпочитает отбыть в Европу через Кейптаун. Если все это было подстроено самим Лоу, зачем ему было предлагать виновному вернуться к исполнению своих обязанностей при Императоре? И по наущению какого злого духа решился Лас Каз отправить письмо таким опасным путем? Тайна этой маленькой драмы похоронена вместе с ее участниками, но мало кто из авторов отвел в ней решающую роль психологии мулата, виновника случившегося. Все темнокожие трепетали перед властью, и хотя пытки прошлого века являются лишь страшными воспоминаниями, в 1818 году гораздо проще получить кнут и каторжные работы, чем освобождение. За кражу двух стаканов вина в резиденции заместителя Лоу сэра Томаса Рида раб получил два года каторжных работ, и двести ударов кнутом грозят тому, кто без разрешения срубит дерево. А потому нетрудно представить себе возможный сцена-

рий драмы, как его задумал хитрый мулат Джеймс Скотт (хитрость британцы не считают за порок), увидевший в сделке с богатыми французами средство поднакопить денег перед отъездом. Его не прогнали, его даже выслушал Лас Каз, который сам делал двойную ставку: если письмо удастся отправить, то оно будет опубликовано в Европе; если письмо будет перехвачено, это изгнание с перспективой издания драгоценнейшего «Мемориала». Но оба упустили из виду папашу Скотта, который, находясь в силу своей должности в зависимости от губернатора, позволил страху взять верх над прочими чувствами и поспешил с доносом; его поблагодарили, похвалили за исполнение гражданского долга, и он смог забыть о жутком призраке полицейских репрессий.

Черные рабы, китайцы и индейцы работают в одинаковых условиях, но негры являются собственностью Индийской компании и белых поселенцев, а китайцы — свободными работниками. Скопив необходимую сумму, они обычно возвращаются в свою страну. Число чернокожих относительно велико, ибо к моменту освобождения в Компании имеется 97 рабов, 53 мужчины и 44 женщины, в возрасте от 12 до 65 лет; они выполняют обязанности слуг, пастухов, садовников или поденщиков, а женщины занимаются стиркой и хозяйственными делами. Но Компания не является самым крупным владельцем «цветной» рабочей силы, поскольку, согласно переписи 1820 года, на острове имеется 1061 раб, 481 китаец, 613 освобожденных рабов и 33 матроса.

Конечно, участь этих несчастных в 1816 году отличается от участи их предков, и им не грозят варварские наказания и немислимые пытки — вспарывание живота, кастрация или четвертование: семьи рабов из поколения в поколение служат одному и тому же дому, и отношение к ним по большей части снисходительное, почти отеческое. Судебная власть, впрочем, находится в ведении правительства, но телесные наказания, в принципе запрещенные, по-прежнему существуют, и власти закрывают глаза на наказание рабов за проступки. Некая миссис Рентон, убившая раба ножом, даже

была оправдана. Суд рассматривает только серьезные преступления, и у обвиняемого мало шансов остаться целым и невредимым. Приговоренного к смерти казнят через повешение в бухте Руперта — она и сейчас еще хранит память о стоявших там виселицах, — а хозяину выплачивается некоторая сумма в возмещение потери.

Заработная плата исчисляется очень просто: за стирку церковного белья, одежды, стихарей и алтарных покровов рабыня Марта получает 5 фунтов в год. Но медицинские услуги бесплатны, и доктор Кей, коновал, исполняющий также обязанности аптекаря, получает каждый год 21 фунт за «лечение рабов». Что касается церковного прихода, то кроме заботы о душах он берет на себя расходы на похороны этого человеческого скота из расчета 15 шиллингов за могилу. Пища также соответственная: батат, мучнистые клубни — праздник для рабов и свиней; иногда рис, довольно часто рыба. Жилища их устроены в подвалах, и сейчас еще можно кое-где увидеть эти клетушки с решетками и камнем, служившим подушкой.

Счастье слуг является производным от счастья хозяев. В домах, где царит радость, где смеются дети и где вдоволь денег, раб получает свою долю блаженства и объедки от многочисленных приемов. Балькомбы очень добры к своим рабам, и в семье еще хранятся письма, написанные хозяином дома Саре Тим, няне Бетси. Нетрудно также представить себе, как скверно обращались некоторые скудно живущие креольские семьи со своими слугами, на которых смотрели как на рабочий скот.

Китайцы

Китайцы были «импортированы» Индийской компанией в 1810 году; сначала было привезено пятьдесят человек, но поскольку все очень довольны их «эффективностью», — они продолжают работать, когда местные жители и рабы жалуются на жару или на дождь, — то несколько месяцев спустя уже сто пятьдесят; к ним

добавились добровольцы с заходящих в порт кораблей, и в 1820 году число их достигло 481. Европейцы не в состоянии запомнить их имена, а потому у них вместо имен — номера; они живут в построенных Компанией бараках, за работу берут немного — один шиллинг в день плюс еда — и благодаря своим трудолюбию, ловкости и неприхотливости пользуются большим спросом, несмотря на склонность к пьянству и воровству, что, естественно, сурово наказывается. 13 апреля 1818 года китаец № 265 был казнен по приказу Хадсона Лоу за кражу со взломом.

В Лонгвуд Хаус они участвуют во всех работах по украшению садов и дома и во всех неприятных работах; они сооружают для Императора беседку у воды, — ныне она находится в музее Бертран в Шатору — китайский домик со стрелой в форме дракона, и разрисовывают внутренность грота; менее удачливые, находящиеся в ведении Маршана, отвечают за уборные. В августе 1818 года в Лонгвуде работают 23 китайца: 11 — в саду, 3 — на кухне, 6 заняты доставкой воды, 1 — у Бертранов, 1 — у Монтолонов и 1 — у надзирающего офицера. В течение непродолжительного времени один сын Поднебесной ведает кухней Императора, который, однако, не оценил его искусство и приказал его уволить.

Целыми днями желтые человечки трудятся под надзором французов: носят воду, копают, пропалывают. Присутствие Императора подбадривает их, потому что тогда они работают в надежде получить золотой или бутылку вина. «Среди слуг Императора, — записал Али, — было два китайца; один сделал клетку и орла, который ее венчает, а также исполнял и другие работы, в том числе и украшение грота; другой, занятый столярными работами, сделал ограды, оросительные канавки и еще много всего. Именно его звал Император, когда нужно было сделать что-нибудь из дерева. Этот китаец был очень умен, знал несколько английских слов и легко понимал, что от него хотят, если ему знаками показывали на месте, что следует сделать».

Доброжелательное обращение Наполеона с чернокожими и китайцами вызывало возмущение местного общества. С удивлением рассказывали, что однажды,

беседуя с двумя дамами в доме Бриаров, он велел посторониться, чтобы дать пройти тяжело нагруженному рабу, сказав пораженным посетительницам: «Пропустите груз, леди!»

И в Лонгвуде он требует уважительного обращения с сынами Поднебесной, которые сами отличаются изысканной учтивостью.

Однажды он приказал дать бутылку вина садовнику, и французский слуга бросил ему бутылку, крикнув: «Эй, китаец, держи!» Наполеон возмутился и объяснил неловкому слуге: «Подарок не может доставить удовольствие, если его делают таким неприличным образом».

Виновным, возможно, был Али, который терпеть не мог китайцев, с тех пор как Император подшутил над ним, когда родился его первый ребенок.

— Как себя чувствует мисс Холл?

— Очень хорошо, сир.

— Ты думаешь, что ты отец ребенка, которого она носит? Разве ты не знаешь, что один противный китаец каждый день приходит к ней, когда тебя нет.

— О, сир, я не опасаюсь ничего подобного.

— А каково тебе будет, если она произведет на свет грязного, уродливого китайчонка?

Только один китаец удостоился чести войти в анналы Святой Елены. Говорят, что он работал на кухне в Лонгвуд Хаус и, обладая талантом художника, запечатлел на рисовой бумаге изящные виды острова, могилу Наполеона и даже портрет Императора на смертном одре, похоже, срисованный с работ У. Рабиджа, английского художника, проездом находившегося на Святой Елене в 1821 году. На самом деле, эти рисунки вполне могли быть сделаны позже, около 1840 года, в момент возвращения праха Императора во Францию, но также не исключено, что художник в молодости был в услужении у изгнанников.

Когда 16 апреля 1821 года Наполеон диктует свое завещание и, собрав последние силы, старается вспомнить даты, имена, лица, китайцам тоже будут выделены крохи того скудного достояния, которым он владел в Лонгвуде. Часть этих 300 тысяч франков, оставлен-

ных, как он говорил, на черный день, будет поделена между его офицерами и слугами, остаток будет отдан в качестве вознаграждения английскому врачу, китайским слугам и приходской церкви для раздачи беднякам. А несколько дней спустя присутствовавшие при мучительной агонии Императора слышали, как он шептал:

— Кто же теперь позаботится о моих китайцах?

История не сохранила письменных свидетельств ни одного из этих китайцев, ибо это были люди, не имевшие ни образования, ни знаний, выполнявшие лишь физическую работу. А жаль! Какие мысли могла бы внушить образованному китайцу агония человека, некогда правившего почти всем Западным миром?!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Наиболее заметные лица из числа находившихся на острове Святой Елены (но не входивших в штат Лонгвуда) между 1815 и 1821 годами

Арбутнот (ARBUTHNOT). Брат посла Англии в Константинополе. Возвращаясь из Индии, сделал остановку на Святой Елене и 14 мая 1816 года был принят Наполеоном.

Арнотт Арчибальд (ARNOTT, Archibald), 1772—1855. Военный врач 20-го полка и ветеран войн на Иберийском полуострове. Родился в Эдинбурге. На Святую Елену прибыл вместе со своим полком в 1819 году и был приглашен на консилиум к умирающему Наполеону 1 апреля 1821 года. В услужливой готовности исполнять волю губернатора он сразу же отверг возможность органического заболевания и, осмотрев пациента, заявил, что речь идет об ипохондрии; правда, он допустил вероятность скопления газов в кишечнике и выписал слабительные пилюли.

— Все дело в угнетенном состоянии духа, — говорил он, — и это позволяет не терять надежды.

Лоу не делал секрета из сговора с медиком и открыто говорил, что Арнотт «постарается представить болезнь Бонапарта безобидным недомоганием».

Врач изменил свое мнение, когда в черноватой массе, извергнутой больным, обнаружил следы крови. Именно он назначил чудовищную дозу каломели, прикончившую умирающего. Он также оставил свое имя на любопытной посмертной маске (чем-то напоминающей черты лица Муссолини), которая обнаружилась при Наполеоне III, когда было так легко извлечь выгоду из воспоминаний об Императоре-«Дяде». На обратной стороне этой маски, от которой за версту несет фальшивкой, имеется странная надпись «D. Arnot 6 mai 1821», сделанная почерком, совершенно не похожим на почерк автора, но зато содержащая ошибку в написании имени — Arnot с одним «t». Кроме того, с какой стати англичанин стал бы писать дату по-французски — «*mai*» вместо «*may*»? И почему подписался «*D. Arnott*», а не «*A. Arnott, MD*», как он имел обыкновение подписываться, подобно всем прочим британским

врачам? К тому же аббревиатура слова *Doctor* по-английски *Dr*, а не *D*. Об этом странном издании забыли после кончины его последней владелицы, но вполне возможно, что однажды оно вновь появится в витрине какого-нибудь заокеанского музея.

Тем не менее Арнотт — вовсе не заслуженно — завоевал доверие Наполеона и получил от него в подарок золотую табакерку, украшенную буквой *N*, которую Наполеон нацарапал перочинным ножиком. В табакерке находилось 600 золотых монет — настоящее сокровище. Это побудило доктора Арнотта обратиться к Лоу с настоятельным требованием добиться для него награды от правительства, каковую он и получил в 1822 году.

Бакстер Александр (BAXTER, Alexander), 1777—1841. Военный врач. Был назначен в полк, служивший на Средиземном море, что и определило его назначение в *Royal Corsican Rangers*, легион корсиканских дезертиров, сражавшихся вместе с британцами под командованием Хадсона Лоу. В 1809 году был переведен в Испанию, а затем в экспедиционный корпус, который должен был принять участие в кампании 1812 года против американцев.

По ходатайству сэра Хадсона Лоу его направили на Святую Елену, где он занял пост инспектора госпиталей, став таким образом главой службы здравоохранения на острове и медицинской знаменитостью. Лоу считал это достаточным, чтобы попытаться сделать его личным врачом Наполеона, но потерпел фиаско, и Бакстеру не осталось ничего другого, как составлять официальные бюллетени о здоровье пленника, основываясь на устных сообщениях доктора О'Мира.

Оценив возможность иметь обильный стол и бывать в хорошем обществе на острове, где все находилось под строжайшим контролем, Бакстер охотно соглашался на все требования Лоу вплоть до того дня, когда чаша его терпения все же переполнилась. У врача произошла бурная стычка с губернатором, он обвинил последнего в том, что по его вине имя его оказалось запятнанным причастностью к фиктивным бюллетеням, и заявил, что поскольку он скомпрометировал себя, служа официальной политике, то считает себя вправе рассчитывать на нечто большее, чем простая благодарность, а именно на повышение в звании. Однако он так и остался ни с чем и, возвратившись в Великобританию, удалился в свою родную Шотландию, где

написал медицинскую диссертацию о перемежающейся лихорадке, а затем получил временное назначение на остров Барбадос, где служил с 1829 по 1834 год.

Баллок Джордж (BULLOCK, George), 1782—1818. Обойщик и краснодеревщик из Лондона, которому британское правительство поручило заняться доставкой мебели в новый дом в Лонгвуде и обустройством этого жилища.

Балькомб Уильям (BALCOMBE, William), 1779—1829. Обосновался на Святой Елене в качестве уполномоченного Индийской компании и поставщика (вместе с Ф. Фаулером и Дж. Коулом), ответственного, в частности, за обеспечение всем необходимым судов, заходящих на Святую Елену. Его имение «Бриары» (*The Briars*) в глубине Джеймстаунской долины состояло из господского дома и расположенного на холме флигеля; Наполеон жил здесь с октября по декабрь 1815 года. Благодаря своим официальным обязанностям и хорошим отношениям с французами Балькомб получил доходную должность поставщика Лонгвуда.

— Я думаю, — сказал однажды Наполеон, — что благодаря мне Балькомб неплохо поживится.

Балькомб оказывал значительные услуги, выступая в качестве посредника в финансовых операциях между изгнанниками и их банками в Европе: он исполнял различные поручения, поставлял сведения и собирал местные новости, дабы затем поведать о них обитателям Лонгвуда. Хадсон Лоу с подозрением относился к этой его деятельности, и потому Балькомбы, отправившись в марте 1818 года для поправления здоровья в отпуск в Англию, не получили разрешения возвратиться на Святую Елену. В качестве компенсации Балькомбу была предложена должность колониального казначея в Новом Южном Уэльсе, каковую он и принял.

Поскольку Уильям Балькомб был воспитан за счет Британской короны, ходили слухи, что он является внебрачным сыном принца-регента. Одни говорили, что его отец утонул, когда его лодка столкнулась с яхтой принца, и сирота пользовался щедротами последнего, другие утверждали, что старик отец мирно поживает где-то в Суссексе. Лоу считал владельца «Бриаров» скорее болтливым, чем склонным к интригам, находил, что он слишком щедр, чтобы не сказать расточителен, и живет не по средствам. Наполеон ценил искренность и доброжелательность Балькомба и перед его отъездом сделал ему королевский подарок, приказав вручить ему вексель на 75 тысяч франков.

Балькомб Элизабет, или **Бетси** (BALCOMBE, Elisabeth, Betsy), 1802—1871. Младшая дочь Уильяма и Джейн Балькомб. Стяжала себе известность тем, что Наполеон, играя с ней, стал изображать доброго дядюшку. В Европе слух об этой почти отеческой симпатии дал повод утверждать, что четырнадцатилетняя девочка была любовницей великого человека. На Святой Елене эти слухи распространялись благодаря французскому и австрийскому комиссарам. На самом деле Бетси заменяла Наполеону его сына, маленького Римского короля, сосланного в Вену. Благодаря ее детской шаловливости и непосредственности месяцы, проведенные у Балькомбов, стали для Наполеона «розовым» периодом изгнания. Бетси покинула остров вместе со своими родителями в 1818 году и в 1830 году вышла замуж. В 1844 году она опубликовала свои воспоминания, которые имели некоторый успех и неоднократно переиздавались. Наполеон III, встретившись с ней во время собственного изгнания в Лондоне, передал в дар ее безденежному зятю концессию на 500 гектаров земли в Алжире. Бетси является героиней одноименной пьесы Мориса Юма.

Бальмен (BALMAIN), **Александр Антонович**, граф де Рамзей, 1779—1848. Русский комиссар на острове Святой Елены с июня 1816 года по май 1820 года. Родом из шотландской семьи, перешел на службу русскому царю и, по мнению начальства, «был человеком, исполненным ума, всяческих достоинств и способностей». Сначала был военным, потом дипломатом, находился на Сардинии, в Неаполе, Вене и Лондоне, после чего был направлен на Святую Елену и в своих официальных депешах дал как нельзя более выразительное описание острова: «Святая Елена — самое печальное, самое уединенное, самое неприступное место на свете, которое исключительно легко защищать и почти невозможно атаковать; место самое неприютное, самое бедное, где все стоит безумно дорого и которое как нельзя лучше подходит для той задачи, исполнять какую-то ему сейчас назначено».

Будучи человеком очень умным, он быстро понял, чего стоит Хадсон Лоу: «В делах Лоу мыслит очень ограниченно, возложенная на него ответственность душит его, заставляет трепетать и беспокоиться по пустякам; он ломает себе голову из-за мелочей, суетится и исполняет с большим трудом то, что другие сделали бы без малейших усилий».

Графу Бальмену были даны одобренные лично царем инструкции, каковые предписывали ему соблюдать в отношениях с Наполеоном «деликатность и такт и оказывать ему

должные знаки почтения». Побуждаемый Монголоном, он горел желанием явиться в Лонгвуд. Но так как Наполеон отказывался принять его в сопровождении Лоу, а последний не желал позволить ему отправиться туда одному, Бальмен покинул остров, так и не повидав величайшего человека того времени. За неделю до отъезда он женился на дочери леди Лоу, мисс Джонсон. Его официальные донесения были опубликованы в *La Revue Bleue* в 1897 году, но в его бумагах, хранящихся в Архиве внешней политики России (с которыми мы смогли ознакомиться в Москве), содержатся и кое-какие неопубликованные документы.

Барраф Уильям (BURROUGH, Sir William). Член Верховного суда Калькутты. 14 мая 1816 года был принят Наполеоном, который расспрашивал его о судебной системе Индии.

Беннетт Джеймс (BENNETT, James), капитан, ? — 1835. Был офицером вспомогательных войск в Восточной Индии, а с 1813 года — офицером пехотного полка на Святой Елене. Жил в доме, называемом *Chubb's Spring*, по соседству с Мальдивией, где однажды вечером майор Ходсон принимал Наполеона. Его жена любила вспоминать, что она присутствовала при высадке Наполеона 16 октября 1815 года и что тот поприветствовал ее. Именно Беннетт пожертвовал свой стол из красного дерева (отсутствующего на острове), из которого плотники сделали один из гробов Императора. У Беннеттов было трое детей: одна дочь вышла замуж за губернатора Росса, другая — за некоего мистера Оуэна. Его пятилетний сын Джордж присутствовал на похоронах Императора, сидя на пони *Black Prince*. Он дожил до 1908 года и был, вероятно, одним из последних живых свидетелей этой церемонии.

Бингэм Джордж Ридаут (BINGHAM, George Ridout, Sir), 1776—1833. Полковник, ставший вскоре после прибытия на Святую Елену генералом. Командовал 53-м полком, прежде чем взять на себя командование войсками гарнизона. Он прибыл вместе с Наполеоном на «Нортумберленде» и покинул остров в мае 1820 года. Наполеон был с ним любезен, принимал его в доме Бриаров, давал ему и его офицерам аудиенции в Лонгвуде, приглашал его к обеду и удостоивал чести ехать с ним в одном экипаже. Когда 53-й полк, по окончании срока службы, готовился к отплытию, Бингэм привел своих офицеров к Наполеону с прощальным визитом.

— Я был доволен 53-м полком, — сказал Наполеон, — и всегда буду рад получить о нем хорошие вести.

Затем, повернувшись к Бингэму, он добавил:

— Вас огорчает отъезд этого полка. Чтобы утешиться, вам следует сделать маленького Бингэма Миледи.

Хадсон Лоу назначил генерала членом Совета Компании. Но директора Индийской компании отказались утвердить это назначение.

Блэрни Генри (BLAKENEY, Henry Pierce), капитан, 1782—1822. Офицер 66-го полка, исполнявший в Лонгвуде с июля 1817 года по сентябрь 1818 года обязанности надзирающего офицера. Поведение его вызвало бурю протестов: французы обвиняли его в том, что он роется в корзинах с грязным женским бельем, дабы убедиться, что там не содержится тайной корреспонденции, и с достойным Макиавелли спокойствием утверждали, что губернатор требует от офицера «поступков, недопустимых для порядочного человека». В своих воспоминаниях, опубликованных тридцать лет спустя после этих событий, Бетси Балькомб пишет, что Блэрни и его супруга часто бывали пьяны и что во всех воспоминаниях того времени, написанных на Святой Елене, его именуют пьяницей. Однако в записях актов гражданского состояния указано, что скончавшийся в январе 1823 года капитан был холостяком. Может быть, он был вдовцом или его брак на Святой Елене был всего лишь интрижкой? Во всяком случае показательно, что Бетси в своих записках не пренебрегает пикантными подробностями.

Бойз Ричард (BOYS, Richard), 1785—1867. Англиканский пастор, капеллан Индийской компании. С 1811 по 1830 год отправлял службу в церквях на Святой Елене и был школьным учителем. Человек несгибаемый, но очень деятельный, набожный, но ограниченный, милосердный, но воинственный, он становился предметом споров в Совете, разговоров губернаторов и сплетен, распространявшихся на острове. Ярый поборник англиканской веры, видевший в каждом прихожанине возможную жертву дьявола, он с яростью обрушивался на виновного в малейшем отклонении от веры и не упускал случая обличать пороки на острове, где пьянство и распутство были обычным времяпрепровождением. Его нападки на адмирала Плэмпина (*Plampin*), командира военно-морской станции, который привез из Англии свою любовницу и жил с ней в доме Бриаров, наделали много шума. Он служил заупокойную обедню по Чиприани, дворецкому Наполеона, в феврале 1818 года; в благодарность за это получил 25 фунтов и

серебряную табакерку, которую он отказался принять. Вернувшись в Великобританию в 1830 году, он удалился в Луз, в графстве Кент, где и умер. С его именем связаны две посмертные маски Наполеона, называемые «маска Сэнкей» и «маска Бойз». В конце жизни он представил документы, подтверждавшие их подлинность и позволявшие продать их. Он уверял, что привез их со Святой Елены, равно как и другие реликвии, приобретенные на распродаже вещей Наполеона, каковой распродажи, однако, никогда не было. Маски эти на самом деле являются лишь копиями, сделанными с маски, принадлежавшей, как считают, Антоммарки. Неизвестно, кто и когда их сделал (еще одна загадка Святой Елены). Трудно себе представить, чтобы эти маски были сняты непосредственно на острове в 1821 году. Если принять во внимание, что раздобыть гипс для слепка было нелегко, то следует задаться вопросом: каким образом можно было сделать пять слепков, как утверждают некоторые владельцы «масок Бойза»? Даже Антоммарки и Бертран лишь в Лондоне смогли заказать копию слепка, который вез с собой корсиканский врач и которую графиня Бертран спрятала в надежном месте.

Боуэн Джон (BOWEN, John). Командир фрегата «*Salsette*». Обратился с просьбой об аудиенции у Императора к Лас Казу и был принят Наполеоном 12 мая 1816 года.

Брабазон Уильям (BRABAZON, William). Служащий Индийской компании, отвечал за стоянку кораблей на Джеймстаунском рейде, сбор пошлины и очередность погрузки.

Браун Томас (BROWN, Thomas), ? — 1851. Капитан, командир *Vigo*. Вместе с капитаном Лэмбертом (*Lambert*) находился в свите Лоу, когда тот вместе с Моншеню явился констатировать смерть Наполеона 6 мая 1821 года.

Брим Томас (BREAME, Thomas). Служащий Индийской компании, которого Лоу в 1819 году отстранил от должности якобы за какие-то нарушения, которые, однако, не удалось доказать, за что директора Компании устроили ему разнос в Лондоне.

БРИТАНСКИЕ СЛУГИ. Имена многочисленных британских слуг фигурируют в архивах Лонгвуд Хаус за 1815—1821 годы. Вот некоторые из них.

В январе 1816 года генералом Монтолоном были наняты следующие лица с годовой зарплатой 40 фунтов плюс одежда:

Уильям Батчер (William Butcher), Ричард Франклин (Richard Franklin), Генри Симпсон (Henry Simpson), Томас Леонард (Thomas Leonard), Обри Дод (Aubry Doad), Джордж Элком (George Elcom), Бенджамин Перри (Benjamin Perry), Джон Белтон (John Belton), Джон Уотсон (John Watson), Томас Тейлор (Thomas Tailor), Уильям Краутен (William Crowthen).

В случае увольнения они получают свой заработок за шесть месяцев, чтобы оплатить обратный путь в Великобританию.

В апреле 1817 года в Лонгвуде служат солдаты, облаченные в императорскую ливрею: Чарлз Хонли (Charles Honley), П. Эбвелл (P. Ebbwell), У. Холл (W. Hall), Р. Эйлес (R. Eyles), Р. Мейбен (R. Mayben), Ф. Кларк (F. Clarke), Дж. Фритс (G. Frith), Уильямс (Williams), Брэдли (Bradley), Уайт (White).

Женщины, прислуживающие графиням Бертран и Монтолон:

миссис Гордон (Mrs Gordon), кормилица, и Френсис Хэйворд (Francis Hayward); миссис Диллон (Mrs Dillon), кормилица, и Каролина Скотт (Caroline Scott).

Лакей графа де Монтолон: Джон Уатт (John Wyatt).

Брук Томас Генри (BROOKE, Thomas Henry), 1774—1849. Генеральный секретарь правительства Святой Елены, исполнявший в качестве такового обязанности гражданского заместителя Лоу. Его перу принадлежит «История Святой Елены», опубликованная в 1808 году и переизданная в 1824-м. Его коллег по Совету в высшей степени забавляла угодливость Брука по отношению к Лоу, который заставлял его соглашаться со всеми своими решениями вплоть до того дня, когда сам грубо бросил ему:

— Почему вы всегда и по любому поводу говорите «да»? Я бы хотел, чтобы вы вели себя иначе.

Бурман Джорж (BOORMAN, George). Обойщик и водопроводчик на Святой Елене, отвечавший за снабжение водой. Ему были поручены изготовление ткани и обивка гроба Наполеона.

Буте Катрин (BOUTET, Hermance Catherine). Дочь чиновника Военного министерства, который был воспитателем сына Лас Каза. В 1815 году вышла замуж за барона Штюрмера, который годом позже был направлен в качестве комиссара Австрии на Святую Елену.

Бэртон Френсис (BURTON, Francis), 1784—1828. Военный хирург 66-го полка. Прибыл на Святую Елену 31 марта 1821 года, присутствовал при вскрытии тела Наполеона 6 мая 1821 года и поставил свою подпись под протоколом. Он первым оспорил мнение одного из своих коллег, считавшего, что печень покойного «гипертрофирована». Но известен он главным образом в связи с историей с посмертной маской, именуемой «Маской Антоммарки», на авторство которой он претендовал. Все очень просто: по поручению графини Бертран Антоммарки попытался сделать посмертную маску Наполеона, но из-за плохого качества гипса попытка оказалась неудачной. Тогда Бэртон, имевший в этом деле некоторый опыт, предложил свои услуги, каковые были приняты. Он достал гипс, имевшийся в избытке в Проспероус Плейн (*Prosperous Plain*), рядом с Лонгвуд Хаус, и сделал вполне приличные слепки с лица и черепа. Он оставил оба эти слепка сохнуть на камине в гостиной, а Антоммарки и графиня Бертран забрали слепок лица и упаковали его, чтобы увезти в Европу. Бэртон бушевал по этому поводу, угрожал и осмелился даже обратиться в лондонские суды, каковые, однако, объявили себя неправомочными рассудить это дело. Врачу следовало бы понять, что по закону, действуя по поручению душеприказчиков, он не мог претендовать на обладание маской, которая по праву принадлежала душеприказчикам как представителям наследников, и они были вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

Велле Филипп (WELLE, Philippe). Ботаник Венского двора, прибывший на остров Святой Елены в свите австрийского комиссара. Он привез Маршану посылку от его матери, которая была приставлена к Римскому королю.

Верлинг Джеймс (VERLING, James Roche), 1787—1859. Врач отряда королевской артиллерии на Святой Елене. После вынужденного отъезда доктора О'Мира Лоу вознамерился назначить его врачом Императора, но тот отказался от его услуг. Верлинг лечил Бертранов и Монтолонов и нередко исполнял обязанности «связного» между леди Лоу и графиней Бертран. Его весьма любопытный «Дневник» хранится в Государственном архиве.

Вернон Джеймс (VERNON, Bowater James), 1789—? Англиканский пастор. Капеллан Индийской компании на острове Святой Елены, которому было поручено, под руководством

преподобного Бойза, окормлять Джеймстаунский приход. Он пришелся по душе населению и французским изгнанникам, которые обратились к нему с просьбой окрестить Артура Бертрана и двух дочерей графини де Монтолон, родившихся в Лонгвуде. Вернон оставил яркое описание этого обряда, совершенного не католическим священником над Наполеоном де Монтолон. Он помогал преподобному Бойзу во время похорон дворецкого Чиприани, скончавшегося в Лонгвуде, и совершал богослужение во время похорон Наполеона, предоставив, однако, играть первую роль аббату Виньяли.

Веси Эстер (VESEY, Esther), 1800—1838. Дочь английского сержанта и любовница камердинера Наполеона Луи Маршана, которому она 3 июня 1817 года родила сына, Джеймса Октава (*James Octave*), именуемого Джимми.

Виниярд Эдвард Бакли (WYNYARD, Edward Buckley), 1780—1865, полковник. Военный секретарь Лоу. Его сумел незаметно потеснить майор Горрекер, который и занял эту должность. Виниярд покинул остров в июне 1820 года и впоследствии стал адъютантом короля Георга IV.

Вуд Джорж Хосли (WOOD, George Hosley), 1796—1874. Лейтенант 20-го полка. Один из тех молодых офицеров, которые по ночам молились об обращении Наполеона. Он написал наивные, но трогательные стихи о ссылке и похоронах Наполеона.

Гамильтон (HAMILTON, Gawen William), 1784—1834. Капитан первого ранга. Родился и вырос во Франции, командовал кораблем *Havannah*, эскортировавшим «Нортумберленд», который вез Наполеона к месту ссылки. Перед отъездом со Святой Елены был принят Наполеоном 21 апреля 1816 года.

Глоувер (GLOVER, J. R.). Секретарь адмирала сэра Джорджа Кокбэрна. На борту «Нортумберленда» он, по поручению своего командира, делал ежедневные записи в своем дневнике. Этот текст был опубликован под названием *Glover's Diary*.

Гор Жан-Клод (GORSE, Jean-Claude), де, 1791— ? Секретарь французского комиссара на Святой Елене маркиза де Моншеню, он был известен на острове под прозвищем «Длинноногий». Бывший телохранитель короля, де Гор сам

произвел себя в звание «капитана де Гор», возможно для того, чтобы быть достойным титула — впрочем, весьма сомнительного — своего шефа. По тем же соображениям он именовал себя «адъютантом» (при жалованье 6 тысяч франков в год!).

Горрекер Гидеон (GORREQUER, Gideon), 1777—1841. На Святой Елене исполнял обязанности адъютанта и военного секретаря сэра Хадсона Лоу, под командованием которого несколькими годами ранее участвовал в Средиземноморской кампании. Потомок гугенотов, он очень хорошо говорил по-французски, равно как и по-итальянски, и был незаменимым помощником в составлении документов, касающихся отношений между Плантейшн Хаус и Лонгвуд Хаус. Его считали ярким приверженцем пошло-мелочной политики своего шефа вплоть до того дня, когда счастливый случай позволил ознакомиться в *Public Record Office* в Лондоне с содержимым его записных книжек, опечатанных после его смерти по просьбе его наследников. Отрывки, которые мы опубликовали в *Revue de l'Institut Napoléon*, неопровержимым образом доказывают, что хитрец питал к Лоу, его политике и его особе ненависть, порожденную зрелищем постоянных притеснений, коим гнусный тюремщик подвергал великого человека. Хотелось бы, чтобы безотлагательно было предпринято полное и критическое издание этих архивов, что позволило бы приподнять завесу над тем, что происходило на Святой Елене в 1816—1821 годах. Горрекер стал подполковником в 1821 году и умер на улице в 1841 году, вероятно от апоплексического удара.

Грант Роберт (GRANT, Robert), 1799—1820. Гардемарин на *Vigo*, корабле адмирала Лэмберта. Умер на Святой Елене в госпитале для больных туберкулезом, расположенном в Хай Пик. Ранее, когда он, казалось, шел на поправку, жил в Мейсонс Сток Хаус, близ Лонгвуда, и вместе с несколькими товарищами (*Wood, White, Oakley, Mellis u Armstrong*) каждую ночь молился о спасении души Наполеона, повторяя молитву собственного сочинения: «Да будет угодно Господу обратить его в истинную веру, сделать его христианином. Каким великим памятником Божьей благодати стал бы он тогда!»

Графф Уильям (GRAFF, William). Камердинер барона Штюрмера, родом бельгиец. На Святой Елене женился на Адели Бельвиль, горничной баронессы Штюрмер. В 1818 году, после отъезда Штюрмеров, супруги Граффор переходят на службу к Бертрамам, заменив супругов Хейманн. Они возвратились в Европу в июле 1819 года.

Грей Джеймс (GRAY, Capitaine James). Служил в королевской артиллерии. Прибыв в 1816 году из Иль-де-Франс, этот офицер заявил Бертрану, что «он готов провести два месяца на хлебе и воде, лишь бы увидеть Наполеона». Он был представлен 25 августа, но отказался взять на себя публикацию в Европе текста, предложенного ему Лас Казом. Ему пришлось оправдываться за этот визит перед Лоу, чтобы не подвергнуться официальному наказанию.

Грентри Томас (GRENTREE, Thomas). Член Совета Святой Елены и зять сэра Уильяма Доветона. Во время своего визита в Маунт Плезент в октябре 1820 года Наполеон имел довольно оживленную беседу с миссис Грентри относительно неумеренного употребления алкоголя на Святой Елене. Задетая за живое женщина заявила, «что она уже год как не видела своего мужа пьяным».

Грэйтли Томас (GREATLEY, Thomas), 1781—1849. Капитан артиллерии. Командир отряда королевской артиллерии, находившегося на Святой Елене в 1816 и 1817 годах.

Дакре (DACRE, G. H.), ? —1851. Офицер торгового флота. Командир *Experiment*, которого Лоу подозревал в авторстве *Letters from St. Helena*, на самом деле принадлежавших перу д-ра Уордена.

Дарлинг Эндрю (DARLING, Andrew), 1784—1841. Обойщик, руководивший впоследствии работами на Святой Елене. Он был рекомендован лондонским краснодеревщиком Баллоком (*Bullock*) для приведения в порядок и обустройства нового дома в Лонгвуде. Это он доставил Маршану в 1820 году прекрасное зеркало для спальни Императора, находящееся там и поныне. Ему было поручено обеспечение материальной стороны похорон, а так как он имел должность на острове, то присутствовал при эксгумации в 1840 году останков Императора. Он оставил рассказ о событиях 1821 года, который был опубликован в Лондоне, а позже в *Bulletin de Sainte-Hélène*. После смерти Императора он составил опись принадлежавшей британскому правительству мебели, которая была распродана на аукционе в июле того же года, после того как Лоу отобрал для себя некоторые предметы, ибо, похоже, он также придавал значение «реликвиям» «генерала Бонапарта».

Даррок Дункан (DARROCH, Duncan), 1800—1864. Мичман 20-го полка, дежуривший в Лонгвуде, когда публике был открыт доступ к телу покойного Императора, лежа-

щему на походной кровати. Письма, которые он писал своей матери, были опубликованы в военном журнале *Annual of the Lancashire Fusillers* в 1904 году. Он пишет, в частности: «Я вошел, когда делали слепок с головы, но запах был так ужасен, что я не мог там оставаться. Доктор Бэртон делал это вместе с французским врачом». Эти слова неопровержимо подтверждают подлинность маски Бэртона-Антонмарки.

Денман Эдмунд (DENMAN, Edmund). Офицер Королевского флота. Командир корабля *Redpole*, сопровождавшего «Нортумберленд». По словам Лас Каза, явился в дом Бриаров и вошел без всяких церемоний. Наполеон выразил возмущение тем, как с ним обращаются на Святой Елене, и передал ему записку, в которой было изложено его мнение по данному вопросу и которую моряк взял, очевидно для того, чтобы отвезти ее в Европу. Однако впоследствии он уверял, что провел вечер в доме и играл в вист с Императором.

Дефонтен Джон (DE FOUNTAIN, John). Креолец, смотритель склада и один из главных служащих Индийской компании на Святой Елене. Он был уволен за неподобающие поступки, хотя и не скупился на заискивания и лесть по отношению к Хадсону Лоу. Он и его жена фигурируют в списке лиц, коим разрешалось посещать графиню Бертран.

Джексон Бэзил (JACKSON, Basil), 1795—1889. Входил в штаб Лоу, где, в частности, отвечал за строительные работы в Лонгвуде и содержание дома. Благодаря своим обязанностям и хорошему знанию французского он ежедневно общался с офицерами Наполеона. Он был красивым малым и нравился женщинам, что позволяло ему собирать сплетни, а потом пересказывать их в Плантейшн Хаус. Джексон покинул Святую Елену 8 июля 1819 года, почти следом за мадам де Монтолон, отбывшей 2 июля. По разным причинам оба направились в Брюссель. Джексон оставил интересные пейзажи Святой Елены и множество портретов Наполеона. Последний принял его вместе с майором Эллиотом 20 июля 1817 года и беседовал с ним о тактике:

— Для хорошей инженерной работы в войсках требуются немалые деньги.

Джексон умер в 1889 году, будучи в ту пору последним свидетелем изгнания Наполеона.

Джексон Эдуард (JACKSON, Edward), майор. Заместитель командира 20-го полка. Именно он отказался передать Наполеону для его библиотеки «Военные кампании Мальборо» под тем предлогом, что на книгах было изображение герба Империи.

Джонсон Сюзанна (JOHNSON, Susanna), ? — 1828. Вторая дочь леди Лоу. Майор Горрекер был тайно в нее влюблен, но не осмелился объясниться.

Джонсон Шарлотта (JOHNSON, Charlotte), ? — 1828. Старшая дочь леди Лоу от первого брака. В марте 1820 года вышла замуж за комиссара России на Святой Елене графа Бальмена и вместе с супругом покинула остров. Будучи подругой Фанни Бертран, сумела посетить Лонгвуд втайне от своего отчима.

Джоунс Дженкин (JONES, Jenkin), ? — 1843. Офицер Королевского флота, командир корабля *Newcastle*. Был принят Наполеоном 4 июня 1816 года и 19 июня 1817 года. Затем стал командиром корабля *Julia*, который потерпел крушение близ острова Тристан-да-Кунья.

Джоунс Самюэль (JONES, Samuel). Преподобный отец. С 1808 года «старший капеллан» Индийской компании на Святой Елене. В 1815 году был отстранен от своей должности из-за нескончаемых ссор с местными властями, а позже стал воспитателем детей Балькомба. Наполеон принял его 27 мая 1816 года.

Диллон (DILLON, W. H.). Офицер Королевского флота, командир кораблей *Horatio*, затем *Phaeton*, кузен графини Бертран, урожденной Диллон. Он был в плену в Голландии в 1804 году и интернирован в Вердене. Во время пребывания на Святой Елене жил в Плантейшн Хаус и в октябре 1816 года нанес визит Бертранам, но Наполеона не видел.

Доветон Уильям (DOVETON, William Webber, сэръ, 1753—1843. Уроженец Святой Елены и член Совета острова, где он исполнял обязанности казначея. За свою долгую и честную службу в Индийской компании в 1817 году был возведен в рыцарское звание и «щедро» оделен пенсией в 800 фунтов в год. Его дом Маунт Плезент располагался на лоне дикой и живописной природы Санди-Бэй. Одну из своих дочерей он выдал за Томаса Грентри, члена Совета, а другую — за майора

Ходсона, местного судью-адвоката. Вошел в местную историю 4 октября 1820 года, когда Наполеон во время верхней прогулки в Санди-Бэй заехал в его владения, пообедал в саду вместе с его семьей и, по своему обыкновению, учинил ему настоящий допрос. Через одну из своих дочерей Доветон является дедом адмирала Стэрди (*Sturdee*), одержавшего победу в морском сражении близ Фолклендских островов в декабре 1914 года.

Доджин Генри Дункан (DODGIN, Henry Duncan). Капитан 66-го, а затем 20-го полка. Прибыл на остров в 1816 году и был представлен Наполеону вместе с офицерами своей части в сентябре 1817 года. Он был хорошим рисовальщиком и оставил два портрета Наполеона, опубликованные в 1816 и 1820 годах.

Доджин Даниел (DODGIN, Daniel), майор, ? — 1837. Прибыл на остров в 1816 году. Командир 2-го батальона 66-го полка и дважды, в отсутствие полковников, командир полка. Он был представлен Наполеону вместе с офицерами своего корпуса.

Дэйви Джон (DAVIE, John), 1770—1825. Офицер Королевского флота, командир флагманского корабля *Conqueror*, находившегося на Святой Елене с 1817 по 1820 год. Он был представлен Наполеону 3 июля 1817 года одновременно с адмиралом Плэмпином.

Дэйвид (DAVID). Сержант 66-го полка, который помогал капитану Николсу исполнять его обязанности надзирающего офицера в Лонгвуде и который, как и его начальник, старался увидеть «генерала», чтобы доложить о его присутствии губернатору, требовавшему делать это два раза в день.

Иббетсон Дензил (IBBETSON, Denzil), 1788—1857. Комиссар армий на Святой Елене с 1815 по 1823 год. Последний поставщик Лонгвуда после отъезда Уильяма Балькомба. Обладая некоторым талантом рисовальщика и художника, сделал несколько портретов Наполеона, в частности на борту «Нортумберленда» и на смертном одре.

Кей Дэвид (KAY, David), 1777—1833. Главный врач медицинской службы Индийской компании на острове Святой Елены вплоть до 1820 года, когда его сменил доктор Ливинг-

стон. Жил в коттедже Сейн Вэлли, недалеко от того места, где была выкопана могила Наполеона.

Керр Джон (KERR, John), именуемый также John Trattle, ? — 1849. Бухгалтер 66-го полка. Автор одной из шести гравюр с видами Святой Елены, опубликованных в 1822 году. На одной из гравюр были изображены могила Наполеона и похоронная процессия.

Китинг Генри (KEATING, Henry Sheeby), сэр, 1777—1847. Полковник, губернатор острова Бурбон. Был принят Наполеоном 27 июня 1816 года. Этот, по словам Гурго, «простой и храбрый солдат» во время своего визита неоднократно употреблял запрещенное Лоу обращение «Ваше Величество». Именно он сообщил Наполеону, что Лоу конфисковал книгу, присланную писателем Хобхаусом (*Hobhouse*) с тем, чтобы ее передали в Лонгвуд, придравшись к тому, что написанное полкатыни посвящение содержало императорский титул.

Китс (KITTS). Сержант 66-го полка. Помощник капитана Николса, который поручил ему стараться каждый день увидеть Наполеона, чтобы докладывать Лоу о его присутствии на острове.

Кокбэрн Джордж (COCKBURN, George), сэр, адмирал, 1772—1853. Поступив во флот в девятилетнем возрасте, этот настоящий «морской волк» стал командиром в двадцать четыре года. Имя его стало ненавистным в Америке, после того как он в 1814 году сжег Вашингтонский Капитолий. Тогда же его назначили командиром «Нортумберленда», а в августе 1815 года ему было поручено доставить Наполеона на Святую Елену. Он отвечал за содержание пленника вплоть до прибытия сэра Хадсона Лоу. Его отношения с тем, кого он, как и все, намеренно именовал «генералом Бонапартом», были то спокойными, то бурными, в зависимости от перипетий изгнания. Адмирал был то «порядочным человеком и хорошим солдатом», то «акулой». Местная обстановка не располагала к простым и окончательным решениям. После Святой Елены Кокбэрн весьма достойно завершил свою карьеру: будучи вице-адмиралом в 1819 году, он стал адмиралом и Первым Лордом Адмиралтейства в 1841 году.

Коул Джозеф (COLE, Joseph). Компаньон Уильяма Балькомба в эфемерной компании «Балькомб, Фаулер и К^о». Имел также отношение к почтовому ведомству и, кроме того, зани-

мался банковской деятельностью. Он сменил Балькомба в должности поставщика Лонгвуда, когда тот покинул остров в 1818 году.

Кречтон (CRECHTON). Морской офицер, командир корабля *Lindach*, был представлен Наполеону 8 мая 1816 года.

Крокет Уильям (CROCAT, William), капитан, 1789—1879. Родился в Эдинбурге. Офицер 20-го полка и надзирающий офицер в Лонгвуде с 15 апреля по 7 мая 1821 года. Недолгий период его службы совпал с последними неделями болезни Императора и его смертью. Крокет присутствовал при вскрытии, и Лоу поручил ему доставить в Лондон известие об этих событиях, за что офицер был удостоен эполет майора и вознаграждения в 500 фунтов. Он дожил до глубокой старости и в девяносто лет оставался последним живым свидетелем, видевшим Императора на смертном одре. Как и множество англичан, он привез со Святой Елены «реликвии» (хотелось бы знать, каким образом он их заполучил) — в частности, крышку от золотой табакерки, украшенную миниатюрой Наполеона в бриллиантовой оправе.

Кроуд Фредерик (CROAD, Frederick). Лейтенант 66-го, а затем 20-го полка. Иногда помогал капитану Николсу, надзирающему офицеру в Лонгвуде, и, немного зная французский, нередко выступал в качестве переводчика.

Купер (COOPER). Во время изгнания Наполеона на острове было два Купера. Один, бочар*, Уильям Гордон по прозвищу *Cooper*, соорудил большой резервуар длиной в 4 метра для садов Лонгвуда, и 12 января 1820 года Император собственноручно подал ему стакан вина. Другой, чье настоящее имя было Купер, получил от Наполеона 17 июня 1816 года золотую табакерку в благодарность за важную услугу. Однако никто не знает какую (вот еще одна загадка Святой Елены!).

Ласи (LACEY). Сержант 66-го полка, помощник капитана Николса, надзирающего офицера в Лонгвуде, который, так же как и его командир, должен был ежедневно убеждаться в присутствии Наполеона на острове, чтобы докладывать о том губернатору.

---

* *Cooper* — бочар (англ.).

Ласселс Эдмунд (LASCELLES (Edmund), ? — 1853, подполковник. Временно командовал 66-м полком в отсутствие полковника Никола с 13 сентября по 12 ноября 1817 года и с 25 февраля по 23 октября 1818 года. Во время этого второго периода он встал на сторону доктора О'Мира в его конфликте с Хадсоном Лоу, вследствие чего губернатор выслал его в Англию 29 октября. Однако он вернулся на Святую Елену в 1820 году и позже выступил в поддержку Лоу на его процессе против доктора О'Мира.

Лей Самуэль (LEY, Samuel). Капрал 20-го полка, который помогал запаивать металлический гроб Императора и серебряные сосуды, заключавшие его сердце и желудок.

Ливингстон Мэтью (LIVINGSTONE, Matthew), ? — 1821. Второй хирург Индийской компании на Святой Елене. В качестве акушера пользовал графиню Бертран. Присутствовал при вскрытии тела Императора, но ушел до окончания операции.

Листер Томас (LYSTER, Thomas), ? — 1841, подполковник. Инспектор побережья и частей волонтеров в период ссылки Наполеона. Служил на Средиземном море под началом Х. Лоу и занимал военный пост в Аяччо, что стало причиной яростного протеста со стороны французов, когда зашла речь о его назначении надзирающим офицером в Лонгвуде. Этот протест едва не завершился дуэлью между Листером и генералом Бертраном.

Лоу Сьюзен (LOWE, Susan), 1781—1832. Супруга губернатора. Она была вдовой полковника Джонсона и матерью двух взрослых дочерей. Ее находили элегантною, но слишком вульгарной и часто не стеснявшейся в выражениях.

Лоу Хадсон (LOWE, Hudson), сэр, 1769—1844, генерал-лейтенант. Губернатор Святой Елены во время ссылки Наполеона. Его биографии посвящены многие страницы этой книги.

Лутьен Энгельберт (LUTYENS, Engelbert), 1784—1830, капитан. Надзирающий офицер в Лонгвуде с февраля 1820 года по апрель 1821 года. Его ежедневные донесения губернатору были опубликованы по-английски.

Макай Дональд (MACKAY, Donald). Командир корабля *Munden*. Наполеон принял его в доме Бриаров 9 декабря 1815

года. По словам Лас Каза, он был представлен Наполеону двенадцатью годами ранее в Париже во время Консульства.

Маккарти Чарльз (McCARTHY, Charles). Лейтенант 66-го полка, автор *Похоронного марша*, исполнившегося во время похорон Наполеона на Святой Елене.

Маклеод Джон (MACLEOD, John), 1782—1820. Хирург в составе миссии Эмхерста в Китае. Был представлен Наполеону 1 июля 1817 года и рассказал об этой беседе на последних страницах своей книги *Voyage and Shipwreck of the Alceste*.

Максвелл Мюррей (MAXWELL, Murray), сэр, ? —1831. Офицер Королевского флота, командир корабля *Alceste*. Был представлен Наполеону одновременно с лордом Эмхерстом 1 июля 1817 года. Император напомнил ему, что он захватил два французских фрегата в 1811 году близ Виса в Адриатическом море.

Малькольм Клементина (MALCOLM, Clementine), урожденная Элпинстоун (Elphinstone). Супруга вышеупомянутого контр-адмирала и племянница лорда Кейта (*Keith*), который, организовав захват Наполеона, затем принимал его в Англии в июле 1815 года. В Лонгвуде она была такой же желанной гостьей, как и ее муж, и оставила записки об этих визитах.

Малькольм Пултни (MALCOLM, Pultney), сэр, 1768—1838. Контр-адмирал. Командующий военно-морской станцией на острове Святой Елены с июня 1816-го по июнь 1817 года. Он пользовался расположением в Лонгвуде и имел многочисленные беседы с Наполеоном, что приводило в ярость Лоу. Последний, вызвав его к себе в кабинет, осыпал его упреками и оскорблениями. Наполеон говорил о Малькольме: «Это порядочный человек».

Маннинг Томас (MANNING, Thomas). Знаменитый математик и китаист. Заключение в тюрьму во Франции после разрыва Амьенского мирного договора (1803), он был освобожден по приказу Наполеона. Во время своего пребывания на острове Святой Елены в июне 1817 года он просил удостоить его чести быть принятым в Лонгвуде.

Мансел Джон (MANSEL, John), подполковник. Командир второго батальона 53-го полка и родственник генерала сэра Джорджа Бингэма (*George Bingham*). Он служил на Карибских

островах, в Индии и в Испании и прибыл на Святую Елену в мае 1816 года во главе 2-го батальона полка. Был принят Наполеоном 28 мая, а затем 3 августа 1816 года, когда он стал командиром 53-го полка. Он покинул остров в январе 1817 года и вплоть до своей отставки в 1827 году служил в Индии.

Марриет Фредерик (MARRYAT, Frederick), 1792—1848. Офицер Королевского флота, знаменитый морской писатель, который командовал кораблем *Beaver* и находился на Святой Елене в 1821 году. Был одним из трех морских офицеров, допущенных для того, чтобы констатировать смерть Наполеона 6 мая 1821 года. По просьбе Лоу сделал рисунок, запечатлевший Наполеона на смертном одре, а также могилу Императора и его похороны.

Мартин (MARTIN, Mrs). Экономка маркиза де Моншеню, который, согласно местным сплетням, пытался ее поцеловать. Эпизод этот весьма позабавил Наполеона.

Мейнелл Генри (MEYNELL, Henry), 1789—1965. Офицер Королевского флота. Командир корабля *Newcastle* и флагкапитан адмирала Малькольма. Был представлен Наполеону 20 июня 1816 года.

Миллингтон Абрахам (MILLINGTON, Abraham). Оружейник, помогавший запаивать металлический гроб Императора и сосуды, заключавшие его сердце и желудок.

Мейсон (MASON), мисс Поли (Miss Polly). Владелица Орэнж Гроув (*Orange Grove*), небольшого имения, расположенного в Проспероус Вэлли (*Prosperous Valley*), недалеко от Лонгвуда. Эта несколько эксцентричная особа любила гарцевать на волах, но отказалась сдать свой дом Лоу, желавшему предоставить его в пользование Наполеону. Она была в прекрасных отношениях с изгнанниками и была счастлива вновь встретиться с ними в 1840 году во время возвращения праха Императора во Францию.

Меткалф (METCALF, James). Джеймстаунский столяр и плотник. Его часто приглашали в Лонгвуд для ремонта окон и крыши. Ему было поручено изготовление двух деревянных гробов для Императора.

Митчелл Чарльз (MITCHELL, Charles), 1783—1856. Врач корабля *Vigo*, являвшегося в 1821 году флагманским кораблем.

Он присутствовал при вскрытии тела Наполеона и подписал официальный отчет. Антомарки пригласил его на консультацию, когда больной находился в критическом состоянии.

Мойра (MOIRA, графиня Loudoun), 1780—1840. Супруга лорда Мойра, генерал-губернатора Индии. Она сделала останковку на острове Святой Елены в мае 1816 года, и Лоу счел возможным предложить «генералу Бонапарту» встретиться с ней. Предложение не было принято.

Моншеню Клод Марин Анри (MONTCHENU, Claude Marin Henri), 1757—1831. Комиссар Людовика XVIII на острове Святой Елены. Бывший эмигрант, возвратившийся во Францию после 18-го брюмера, он украсил себя титулами, сначала графа, потом маркиза. Во время Империи выказывал пассивное сопротивление, то есть заявлял тем из своих собеседников, в которых был уверен и которые ненавидели Наполеона: «Когда этот человек падет, я буду умолять короля, моего господина, назначить меня его тюремщиком». Император отзывался об этом персонаже кратко и выразительно: «Это старый осел».

Мюррей Джеймс (MURRAY, James Arthur), 1790 — ? Морской офицер. С 1816 года командир кораблей *Griffon*, а затем *Spey* на острове Святой Елены. Был принят Наполеоном 1 августа 1816 года.

Найп Шарлотта (KNIFE, Charlotte). Дочь владельца принадлежавшей Компании фермы, расположенной недалеко от Лонгвуда. Своей прелестью и обаянием она привлекала внимание французов, прозвавших ее «Розовым Бутоном» (*Rosebud*). В 1820 году вышла замуж за некоего Дэвида Гамильтона и покинула остров.

Нейгл Майкл (NAGLE, Michael), 1795—1841. Лейтенант 53-го полка. Был в хороших отношениях с французами, особенно с Гурго. Покинул остров в 1816 году, отказавшись, однако, переправить тайную корреспонденцию. Его жена Эмма Валентин затеяла процесс, взбудораживший местное благородное общество, против супруги капитана Янгхазбэнда (*Younghusband*), которая обвиняла ее в дурном поведении.

Никол Чарльз (NICOL, Charles), ? —1850. Полковник. Командовал 66-м полком в разных частях Испании вплоть до Пиренеев. На остров Святой Елены прибыл в 1817 году. Возвратился в Англию в марте 1818 года, но в апреле 1820-го

вернулся на Святую Елену. Поскольку 66-й полк был расквартирован в Джеймстауне и в Фрэнсис Плейн, он не имел сношений с Лонгвудом. Выступал в поддержку Лоу на процессе последнего против О'Мира в 1822 году.

Николс Джордж (NICHOLLS, George), 1776—1857. Капитан 66-го полка. Надзирающий офицер в Лонгвуде с сентября 1818 года по февраль 1820 года. Оставил дневник, в котором описано, как непросто было ему увидеть Наполеона в течение 1819 года, когда тот стал все реже выходить из дома.

О'Мира Бэрри Эдвард (O'MEARA, Barry Edward), 1782—1836. Судовой врач на «Беллерофоне». Исполнял обязанности врача Наполеона вплоть до 1818 года. Приветливый ирландец, бегло говоривший по-итальянски и неплохо по-французски, он сумел сделать свое присутствие приятным, хотя сначала и исполнял обязанности шпиона Лоу. Его долгие беседы с Наполеоном стали выводить из себя Лоу, который своими постоянными упреками заставил его перейти в лагерь французов, а затем изгнал его с острова и лишил должности во флоте. Его книга «Голос со Святой Елены» (*A voice from St. Helena*) имела огромный успех и позволила ему взять реванш над Лоу, которого он обвинял на каждой странице. Конфликт между ними вылился в 1822 году в громкий процесс: все англичане, игравшие хоть какую-то роль на Святой Елене между 1816 и 1818 годами, были привлечены в качестве свидетелей.

Оуэн (OWEN, Mrs), 1821—1918. Дочь капитана Беннетта, который отдал свой стол из красного дерева для изготовления гробов Наполеона. Будучи трехлетней девочкой, присутствовала на похоронах и в 1918 году оставалась последним свидетелем этого события. К моменту возвращения праха Императора во Францию она все еще находилась на острове Святой Елены и принимала участие в изготовлении трехцветного флага для этой церемонии.

Пайн-Коффин Джон (PINE-COFFIN, John), 1778—1830. Бригадный генерал. С августа 1820 года преемник генерала Бингэма (*Bingham*) на посту главнокомандующего войсками на острове Святой Елены. Ради увеличения своих доходов этот странный человек занимался разведением скота и продавал мясо местным жителям.

Парк Уильям (PARKE, William). Командир 66-го полка. Был представлен Наполеону 1 июля 1817 года.

Пауэр Джеймс (POWER, James), 1778—1851. Артиллерийский капитан. Командир артиллерийского отряда, расквартированного на Святой Елене во время ссылки Наполеона.

Пейн (PAINE, John). Обойщик, исполнявший работы по обустройству Лонгвуда под руководством Эндрю Дарлинга (*Andrew Darling*).

Плэмпин Роберт (PLAMPIN, Robert), 1762—1834, контр-адмирал. Командующий военно-морской станцией на острове Святой Елены с июля 1817-го по июль 1820 года, сменивший адмирала Малькольма. Был принят Наполеоном 3 июля и 5 октября 1817 года, несмотря на глубокую взаимную антипатию.

Портес Генри Уильям (PORTEUS, Henry William). Садовник Индийской компании и владелец небольшого особняка в Джеймстауне, в котором Наполеон провел свою первую ночь на Святой Елене.

Рабидж Джозеф Уильям (RUBIDGE, Joseph William), 1802—1827. Художник, находившийся на острове Святой Елены в 1821 году. Автор неоднократно воспроизводившегося позже рисунка «На смертном одре» (*Ut in mortem recumbit*) и рисунка с изображением Могилы.

Радович (RADOVITCHE, или Retherwick). Английский моряк с корабля *Baring*, доставивший в мае 1817 года Наполеону бюст Римского короля, который был передан в Лонгвуд только 11 июня, так как Лоу и Рид опасались, что он может содержать секретную корреспонденцию.

Раффлз Томас Стэнфорд (RAFFLES, Thomas Stanford), сэр, 1781—1826. Губернатор острова Ява, который после приобретения Индийской компанией Сингапура в том же году водрузил там английский флаг. Возвращаясь в Англию, он сделал остановку на острове Святой Елены и 19 мая 1816 года имел беседу с Наполеоном в садах Лонгвуда в присутствии Уильяма Балькомба.

Рейнсфорд Томас (RAINSFORD, Thomas), ? —1817. Инспектор полиции на острове Святой Елены на службе у Индийской компании. Был представлен Наполеону 24 июня 1816

года. Умер в 1817 году, и его полицейские обязанности стал исполнять помощник Лоу полковник Рид.

Рид Томас (READE, Thomas), сэр, 1785—1849. Подполковник в штабе Лоу. Служил под началом последнего в разведке на Средиземном море. Ярый приверженец политики своего шефа, которого порой находил слишком снисходительным, Рид не испытывал ни малейшей симпатии к обитателям Лонгвуда, каковые не без оснований относились к нему весьма подозрительно. Он лишь дважды встречался с Наполеоном, 27 мая и 4 октября 1816 года. «Его улыбка, — говорил Император, — вызывает у мен в памяти Амбруаза из романа “Жиль Блаз”, который, собираясь обворовать своего хозяина, непременно отправлялся в церковь».

Риккеттс Чарльз Милнер (RICKETTS, Charles Milner). Член Верховного совета Калькутты и кузен британского премьер-министра лорда Ливерпуля. 2 июля был принят Наполеоном, который вручил ему ноту, адресованную его родственнику, где просил разрешения покинуть Святую Елену по состоянию здоровья. Риккеттс не попался на эту удочку и заявил в Лондоне, что нашел Императора совершенно здоровым. Он был последним британским посетителем, принятым Наполеоном.

Рирдон (REARDON, Rodolphus Hobbs), 1790—1847. Лейтенант 66-го полка и друг доктора О’Мира. За обсуждение с Бертранами обстоятельств высылки ирландского врача он, по приказанию Лоу, предстал перед дисциплинарным советом и 29 октября 1818 года был выслан в Англию.

Рич Джордж Фредерик (RICH, George Frederick), ? — 1862. Капитан первого ранга. Командир кораблей *Racoon* и *Falmouth* на острове Святой Елены. Был представлен Наполеону 11 июля 1816 года.

Робинсон (ROBINSON, Miss Mary Ann), прозванная «Нимфой Долины». Дочь фермерши, обосновавшейся в Фишерс Вэлли (*Fisher’s Valley*). Наполеон пообещал ей 300 фунтов приданого, если она выйдет замуж за ухаживавшего за ней лейтенанта 53-го полка Импетта (*Impett*). Но она в конечном счете предпочла капитана торгового флота Эдвардса (*Edwards*), и новобрачные были приняты. Наполеоном 26 июля 1817 года.

Росс Чарльз Бейн Ходжсон (ROSS, Charles Bayne Hodgson), 1778—1849. Офицер Королевского флота. Командир корабля *Northumberland* и родственник адмирала Кокбэрна. По словам Наполеона, «славный и добрый малый».

Сауерби (SOWERBY). Садовник в Лонгвуде, помогавший надзирающему офицеру капитану Николсу увидеть Наполеона.

Скелтон Джон (SKELTON, John), 1763—1841, подполковник. По прибытии Наполеона был назначен губернатором острова Святой Елены. Супруги Скелтоны часто бывали в Лонгвуде и покинули остров 14 мая 1816 года.

Скотт (SCOTT, James). Слуга Лас Казов в Лонгвуде, двуличность которого стала причиной высылки его хозяев. О нем рассказывается на страницах, посвященных графу Лас Казу.

Смит (SMITH), полковник. Командующий артиллерийских полков Индийской компании на Святой Елене. Владел расположенным близ Плантейшн Хаус именем Фарм Лодж (*Farm Lodge*), которое одно время Наполеон собирался приобрести для своей резиденции.

Соломон (SOLOMON, Saul), 1776—1852. Джеймстаунский коммерсант, снабжавший провизией обитавших в Лонгвуде французов. Фирма, которая носит его имя, существует и поныне.

Спенсер Роберт Кавендиш (SPENCER, Robert Cavendish), 1791—1831. Офицер Королевского флота. Командир корабля *Owen Glendower*. Он передал в Лонгвуд книгу «Жизнь Мальборо» для Наполеона, а тот, несмотря на возражения Лоу, подарил ее 20-му полку.

Стенфелл Френсис (STANFELL, Francis), ? — 1831. Офицер Королевского флота. Командир кораблей *Phaeton*, а потом *Conqueror* на острове Святой Елены. Был представлен Наполеону 25 марта 1817 года. Его корабль доставил Лоу к месту исполнения им губернаторских обязанностей в 1816 году.

Стокоу Джон (STOKOE, John), 1775—1852. Судовой хирург на корабле *Conqueror*. Его пять раз приглашали в Лонгвуд для оказания помощи Наполеону после отъезда доктора О'Мира.

За свою доброжелательность и чувство долга он поплатился тем, что Лоу выслал его с острова, а затем добился его исключения из состава Британского морского флота.

Страндж (STRANGE). Родственник лорда Мелвилла (*Melville*), государственного секретаря по вопросам Морского флота. Был принят Наполеоном 14 мая 1816 года.

Стюарт (STUART). Аdjутант лорда Мойра, губернатора Индии. Был принят Наполеоном 14 мая 1816 года.

Тейлор (TAYLOR). Помощник садовника в Лонгвуде, который иногда помогал надзирающему офицеру капитану Николсу убеждаться в присутствии Наполеона в Лонгвуде.

Торбетт Ричард (TORBETT, Richard). Джеймстаунский коммерсант. На принадлежавшем ему участке земли была выкопана могила Наполеона.

Туссен (TOUSSAINT). Командир корабля *Cornwallis*. Был принят Наполеоном 8 мая 1816 года.

Уилкс Лаура (WILKS, Miss Laura, позже леди Buchan), ? — 1888. Дочь полковника Уилкса, очень хорошенькая, Лаура иногда сопровождала отца во время его визитов к Императору. Последний, очарованный ею, выразил восхищение ее красотой. Гурго также не устоял перед ее прелестью, но чувство его осталось неразделенным. Лаура покинула остров вместе со своей семьей в апреле 1816 года.

Уилкс Марк (WILKS, Mark), 1760—1831, полковник. Безупречно воспитанный и высокообразованный человек, член знаменитого *Asiatic Society*. Назначенный Индийской компанией, он был губернатором острова Святой Елены с 1813 по 1816 год. Имел многочисленные беседы с Наполеоном, суть коих изложил в своих заметках в *Monthly Magazine*.

Уоллис Джеймс (WALLIS, James), ? — 1849. Офицер Королевского флота. Командовал кораблями *Podargus* и *Racoon*, а затем временно исполнял обязанности командира корабля *Conqueror* на Святой Елене. Во время Империи находился в тюрьме во Франции.

Уорд Джон (WARD, John). Лейтенант 66-го полка. Сделал несколько портретов Наполеона, на одном из которых Император изображен облаченным в мундир на смертном

одре. Он присутствовал на похоронах и вновь присутствовал на Святой Елене в момент эксгумации тела. Он и майор Ходсон из гарнизона Святой Елены были единственными британскими офицерами, присутствовавшими на обеих церемониях.

Уорден Уильям (WARDEN, William), 1777—1849. Военный врач. Будучи хирургом на «Нортумберленде», во время плавания имел контакты с Наполеоном и часто беседовал с другими французами. Несмотря на плохое знание французского языка, впоследствии неоднократно бывал в Лонгвуде. Вернулся в Англию в мае 1816 года на борту «Нортумберленда» и тотчас опубликовал книгу под названием *Letters of Northumberland*. Книга имела большой успех в Европе, но не встретила одобрения в Лонгвуде; Наполеон заявил: «Суть ее верна, но в ней имеются выдумки». Уорден счел себя оскорбленным и в ответ продиктовал Бертрану *Lettres du Cap*, напечатанные в 1817 году.

Уортхэм (WORTHAM, Hale Young), 1794—1882. Лейтенант. Помощник командующего инженерными войсками лейтенанта Эммета. Когда лейтенант Безил Джексон (*Basil Jackson*) в июле 1819 года покинул остров Святой Елены, Уортхэм стал вместо него руководить строительством нового дома и ремонтными работами в Олд Хаус (*Old House*).

Ферзен Оливер (FEHRZEN, Olivier), 1786—1820. Заместитель командира, а потом командир 53-го полка; находился на Святой Елене с мая 1816 года по июль 1817 года. Он отличился в войнах на Иберийском полуострове, за что был удостоен звания командора ордена Бани. Был не один раз очень хорошо принят в Лонгвуде и, уезжая, согласился отвезти Императрице и кардиналу Феш прядь волос Императора, а возможно, и письма. Уже поднимаясь на корабль, обещал «свои услуги» Гурго. Местные сплетни приписывали ему намерение жениться на Бетси Балькомб.

Фернандес Джон (FERNANDEZ, John). Капитан 53-го полка. Его жена была принята Наполеоном 24 мая 1816 года.

Фестинг Роберт (FESTING, Robert Worgan George), ? — 1862. Офицер Королевского флота. Командующий кораблями *Falmouth* и *Racoon* на Святой Елене. Наполеон принял его 1 августа 1816 года и 25 марта 1817 года. «Ничего не зна-

чащий разговор, — записывает Гурго. — Император прощается с ними и приказывает нам проводить их. Они пришли в 2 ч. 30 мин. и ушли в 5 ч. 15 мин.». Нужно уточнить, что Наполеон провел эти три часа наедине с адмиралом Малькольмом, который вскоре должен был оставить свой пост.

Финлейсон Джон (FINLAISON, John). Архивист Британского адмиралтейства и друг доктора О'Мира, который, втайне от Хадсона Лоу, доставлял ему сообщения о происходящем на Святой Елене. Эти сообщения ложились на стол лорду Мелвиллу, Первому лорду Адмиралтейства, и некоторым другим высокопоставленным особам.

Фэйган Кристофер (FAGAN, Christopher), подполковник. Судья-адвокат в Бенгалии. 19 июня 1817 года он удостоился продолжавшейся час аудиенции в Лонгвуде, во время которой то и дело употреблял запрещенные слова «Сир» и «Император», чем привел в ярость Лоу. Разговор шел о юриспруденции.

Харрисон Чарльз (HARRISON, Charles). Бригадир-майор 53-го полка, затем 20-го полка. Присутствовал при вскрытии тела Наполеона в качестве представителя гарнизона.

Хендри Уильям (HENDRY, William). Офицер Королевского флота. Командир *Rosario*, находившегося на Святой Елене с 1819 года. Один из трех морских офицеров, сопровождавших Хадсона Лоу и Моншеню утром 6 мая 1821 года, когда те явились, чтобы опознать бранные останки Императора.

Хенри Уолтер (HENRY, Walter), 1791—1860. Помощник хирурга 66-го полка. Прибыл на Святую Елену 5 июля 1817 года и присутствовал при вскрытии тела Наполеона. Делал записи для британского протокола и кое-что сумел записать для себя. Ему принадлежит подробное описание внешнего вида гениталий покойного, которое подтвердило точку зрения тех, кто считал, что заболевание было вызвано гипертрофией слизистых оболочек.

Ходсон Чарльз (HODSON, Charles Robert George), 1779—1855, майор. Офицер одного из полков, расквартированных на Святой Елене, исполнявший обязанности судьи-адвоката. Жил в Мальдивии, около дома Бриаров, куда Наполеон зашел ноябрьским вечером 1815 года, совершая прогулку в обществе Лас Каза. Ходсон был красивым муж-

чиной высокого роста, почему его тотчас же прозвали «Геркулесом»; в январе 1816 года он был приглашен на обед в Лонгвуд вместе со своей супругой Марией, дочерью сэра Уильяма Доветона.

Холл Бэзил (HALL, Basil), 1786—1844. Офицер Королевского флота. Командир корабля *Lyra*, которому было поручено сопровождать миссию лорда Эмхерста в Китай, что позволило ему на обратном пути сделать остановку на Святой Елене и быть представленным Наполеону 13 августа 1817 года. Об этом событии он рассказал в своей книге *Voyage to the Eastern Seas*. Он был сыном шотландского ученого, сэра Джеймса Холла, который жил в Бриенне в ту пору, когда Наполеон учился там в военной школе.

— Я его прекрасно помню, — сказал Император своему посетителю. — Он любил математику. Ваш отец был первым англичанином, которого я увидел.

Ни Бертран, ни Гурго не упоминают об этой аудиенции.

Холмс Уильям (HOLMES, William). Лондонский адвокат, друг доктора О'Мира. Содействовал французам при продаже векселей, выданных Наполеоном на имя своего парижского банкира Лаффита и принца Евгения. Из различных недавно опубликованных документов следует, что этот человек, исполняя свои обязанности, присвоил себе значительные суммы и без зазрения совести использовал их на личные нужды. В частности, известно об исходивших от принца Евгения 182 тысячах франков, которые он попросту «стащил».

Хот (HOATH, J. W.), 1787—1857, корнет. Командовал подразделением из двадцати человек 21-го легкого драгунского полка, расквартированных на Святой Елене в качестве курьеров, наиболее известным из которых является Фредерик Элисон (*Frederick Allison*), отвечавший за связь между Плантейшн Хаус и Лонгвудом.

Хук (HOOK, Theodore), 1788—1841. Возвращаясь с острова Маврикий, эта «продажная канцелярская крыса» провела три недели на Святой Елене в ноябре 1818 года. По возвращении в Англию он опубликовал книгу *Facts illustrative of Treatment of Napoleon*, которая вышла во французском переводе под названием «Дневник путешествия. Сборник записок, и т. д.»).

Шортт Томас (SHORTT, Thomas), 1788—1843. Военный врач. Начальник медицинской службы на острове Святой Елены с декабря 1820 года, когда он сменил на этом посту Бакстера. Присутствовал при вскрытии и составил официальный отчет о его результатах для губернатора.

Штурмер (STURMER, Barthelemy), барон, 1787—1853. Австрийский комиссар на Святой Елене с 1816 по 1818 год. Речь о нем идет в отдельной главе книги, посвященной иностранным комиссарам.

Элисон Фредерик (ALLISON, Frederick). Драгун, которому было поручено обеспечивать обмен корреспонденцией между Плантейшн Хаус и Лонгвудом. Оставил любительские рисунки с изображением Наполеона, Лонгвуда и могилы Императора.

Эмхерст Уильям Питт (AMHERST, William Pitt), сэръ, 1775—1857. Отправлен в феврале 1816 года в Китай с миссией, которая провалилась из-за его отказа пасть ниц перед китайским императором. На обратном пути сделал остановку на Святой Елене в июне 1817 года и возымел намерение получить аудиенцию у Наполеона. Но это оказалось непросто, ибо последний, ведший в то время отчаянную борьбу с Хадсоном Лоу, отказывался, ссылаясь на свою болезнь. В конце концов Наполеон согласился, язвительно заметив, что в случае отказа в Европе станут говорить, что британский полковник не был принят ни императором Китая, ни императором Святой Елены. Разговор шел о трудностях взаимоотношений с губернатором, которого Наполеон называл «наемным убийцей».

— Я не хочу видеть губернатора, — бушевал Наполеон. — Ни обе палаты английского парламента, ни король Англии не в состоянии заставить меня жить с моим тюремщиком; это противно законам и божеским, и человеческим. Закон может заковать преступника в кандалы, бросить в темницу, но он не может делать человека жертвой произвола.

После ухода посетителя Наполеон ликовал:

— Можете быть уверены, что губернатор получил по заслугам.

Секретарь лорда Эмхерста Генри Эллис описал эту встречу в опубликованной в 1812 году книге *Journal of the late embassy to China*. В 1826 году лорд Эмхерст был назначен губернатором Индии.

Эллис Генри (ELLIS, Henry), сэр, 1777—1855. Секретарь посольства лорда Эмхерста в Китае. Был представлен Наполеону вместе со свитой посла 1 июля 1817 года и оставил рассказ об этой встрече в одной из глав своей книги *Journal of the proceedings of the late embassy to China*. Глава эта называется *Interview with Buonaparte*. Не могло быть и речи о том, чтобы употребить слово «аудиенция», и distinguished gentleman был удручен и даже возмущен поведением царственного пленника, который не мог бы держать себя более свободно и непринужденно даже в Тюильри, когда был на вершине своего могущества.

Эммет Энтони (EMMETT, Anthony), 1789—1872. Командир отряда инженерных войск на Святой Елене. Прибыл одновременно с Хадсоном Лоу в апреле 1816 года и покинул остров лишь в июле 1821-го. Он и его подчиненные были заняты обустройством Лонгвуд Хаус, строительством дома Бертранов, Лонгвуд Нью Хаус и в конце концов усыпальницы Императора. Он дорожил своей независимостью и говорил с откровенностью, приводившей в ярость Лоу, когда он вставал на сторону Наполеона. Он был принят в Лонгвуде 20 июля 1817 года вместе с лейтенантом Джексоном, и Император говорил с ним об осаде Бадахоса:

— Инженерным войскам нужно немало денег, чтобы хорошо подготовить осаду!

Эрмстон (URMSTON, James Barbazon). Высокопоставленный чиновник Индийской компании в Макао. Сделал оставку на Святой Елене и 5 мая 1816 года был приглашен Наполеоном на обед вместе с Уильямом Балькомбом.

Янгхазбэнд Катрин (YOUNGHUSBAND, Catherine). Супруга капитана Роберта Янгхазбэнда. Неисправимая сплетница, она стала причиной скандала в местном обществе, и одна из ее жертв, миссис Нейгл (*Nagle*), подала на нее в суд. Она неплохо рисовала и оставила акварельные рисунки с изображением цветов, растущих на Святой Елене. Гурго находил ее «уродливой и претенциозной».

Янгхазбэнд Роберт (YOUNGHUSBAND, Robert), 1785—1853. Капитан 53-го полка. Был дважды принят Наполеоном, 20 апреля и 18 июня 1816 года. Покинул Святую Елену в декабре 1817 года и позже выступил в поддержку Лоу на его процессе против доктора О'Мира.

Янгхазбэнд Уильям (YOUNGHUSBAND, William). Брат вышеупомянутого Роберта. Командовал судном, принадлежавшим Индийской компании. Был принят Наполеоном 18 июня 1816 года.

Яниш Вильям (JANISCH, William). Немец, которого Лоу использовал для секретарской работы. Женился на Энн Майра Сил (*Ann Mira Seale*), дочери местного коммерсанта, и присутствовал при эксгумации в 1840 году тела Наполеона. Его сын Ходсон, 1824 года рождения, крестник Лоу, стал впоследствии губернатором колонии.

Французские владения на Святой Елене

Французские владения на Святой Елене, находящиеся в ведении Министерства иностранных дел, включают Лонгвуд Хаус и окружающий парк, долину Могилы и дом Бриаров.

Их положение на территории британской колонии, способ их приобретения и их юридический статус были предметом многочисленных споров, суть коих может быть изложена в нескольких строках. После смерти Наполеона Лонгвуд Хаус вновь стал собственностью Индийской компании, затем — британской короны и был отдан в наем фермеру, который превратил его в сельскохозяйственное предприятие: маслобойка была установлена в спальне Императора — в том самом месте, где он испустил последний вздох, а в спальне был устроен загон для овец. Долина Могилы, будучи частной собственностью, стала источником неплохой прибыли, ибо хозяева взимали по три шиллинга за возможность посмотреть на надгробную плиту.

Морские офицеры уведомили об этом удручающем положении вещей Наполеона III, который в 1854 году начал переговоры с британским кабинетом министров о покупке двух земельных участков и строений. Долина Могилы была приобретена за 1600 фунтов; сумма эта показалась чрезмерной, но поскольку среди возможных покупателей был знаменитый Барнум, ни о каком торге не могло быть и речи. Лонгвуд Хаус, сдаваемый в аренду вплоть до 1873 года, мог быть получен лишь в обмен на 3500 фунтов компенсации, которую губернатор также считал чрезмерной, но которую пришлось выплатить. Кроме того, колония получила 2 тысячи фунтов в порядке возмещения ущерба, нанесенного ей отчуждением владения. Сумма в 7 тысяч фунтов была выплачена Британской казне через банк Ротшильда, и королева Виктория на заседании Совета одобрила отказ Британской короны от прав на эти владения, каковые были переданы Наполеону III, «дяде его величества покойного Императора Наполеона I».

В мае 1858 года командир эскадрона Готье де Ружмон, ветеран Ватерлоо и комендант императорских резиденций, принял их во владение от имени Франции, и с тех пор представитель Франции неизменно пребывает на острове. Во время второй Империи под руководством капитана Масселена были выполнены серьезные реставрационные работы

с целью ликвидировать следы сельскохозяйственного предприятия и вернуть дому тот вид, который он имел в 1821 году. В 1933 году, благодаря средствам, собранным Обществом друзей Святой Елены, апартаменты, некогда занимаемые Монтолонами, генералом Гурго и Лас Казами, были перестроены и предоставлены для проживания представителю Франции. В 1950 году были начаты серьезные работы, длившиеся до 1955 года, с целью защитить постройки от термитов, заменив всю деревянную обшивку новой, сделанной из прочного дерева.

Дом Бриаров был выкуплен у одной британской компании в 1959 году и подарен Франции графиней Мейбл Брукс из Мельбурна, правнучкой Уильяма Балькомба.

Лонгвуд Хаус

Бильярдная

Построена за несколько недель плотниками с «Нортумберленда», пока Император жил в доме Бриаров. Комната была окрашена в зеленый цвет и отделана черным греческим орнаментом. В ней находились две софы, семь маленьких столов, пять стульев и три кресла. В этом сыром и холодном доме изгнанники предпочитали всем прочим эту комнату, которая служила то столовой, то топографическим кабинетом, то бильярдной, то, наконец, приемной. Здесь располагались посетители, ожидавшие приема у Наполеона, но здесь также работали или, в плохую погоду, беседовали, прогуливаясь взад и вперед. «Если бы не эта комната, — говорил Наполеон доктору О'Мира, — достаточно светлая и построенная по приказу Кокбэрна из сухого дерева, где я могу прогуливаться и делать гимнастику, меня бы уже давно похоронили».

Часть своих исторических трудов Император продиктовал в этой комнате: «Итальянские кампании», «Египетская и сирийская кампании», тексты, посвященные Консульству и Империи, острову Эльба и Ста дням, «Кампания 1815 года», «Заметки об искусстве войны», «Очерк войн Тюренна», «Очерк войн Юлия Цезаря», «Очерк войн Фридриха II», «Заметки на рукописи со Святой Елены» и «Письма с Мыса Доброй Надежды». На бильярдном столе, доставленном из дома Тэрстона (*Thurston*), раскладывались карты и справочные книги, так как он диктовал, расхаживая по комнате, заложив руки за спину, время от времени останавливаясь, чтобы перелистать атлас, взглянуть на глобус, рассеянно толкнуть рукой бильярдный шар или же приложить подзорную трубу к щели в ставнях, чтобы понаблюдать за происходящим в саду.

Именно в этой комнате 6 мая 1821 года доктор Антомарки произвел вскрытие тела Императора в присутствии представителей губернатора и британских врачей.

Гостиная

Наполеон умер в этой комнате 5 мая 1821 года на закате солнца, лежа на стоявшей между двух окон походной кровати, служившей ему во время Аустерлицкой кампании; аббат Виньяли бодрствовал всю ночь у тела покойного. «Лицо Императора выглядело таким же, как в ту пору, когда он был консу-

лом, — писал его камердинер Маршан. — Слегка сжатые губы придавали ему довольный вид. Казалось, что ему не больше тридцати лет. Спокойствие этого лица более походило на покой сна, чем смерти».

Здесь Наполеон, стоя у камина со шляпой в руках, принимал посетителей, а граф де Лас Каз выступал в качестве переводчика; здесь французы собирались после обеда, чтобы беседовать, играть в шахматы и долгими вечерами слушать рассказы Наполеона о своей жизни или его чтение вслух любимых им книг. Здесь он оставался Императором, в то время как за пределами этого круга ему упорно отказывали в праве на этот титул; здесь мужчины были в мундирах или в парадной одежде, дамы без шляп, никто не садился без его разрешения, а лакеи были одеты в расшитую золотом и серебром императорскую ливрею.

В комнате имелись два дивана, шесть стульев, шесть кресел из черного дерева, украшенных орнаментом из позолоченной бронзы, две консоли, стол для игры и на камине — часы из позолоченной бронзы, подарок мадам де Монтолон. Ковер с цветочным рисунком закрывал скверный паркет. В 1819 году на стене между окон повесили портрет, изображавший Римского короля в белом атласном костюме, спускающегося по лестнице.

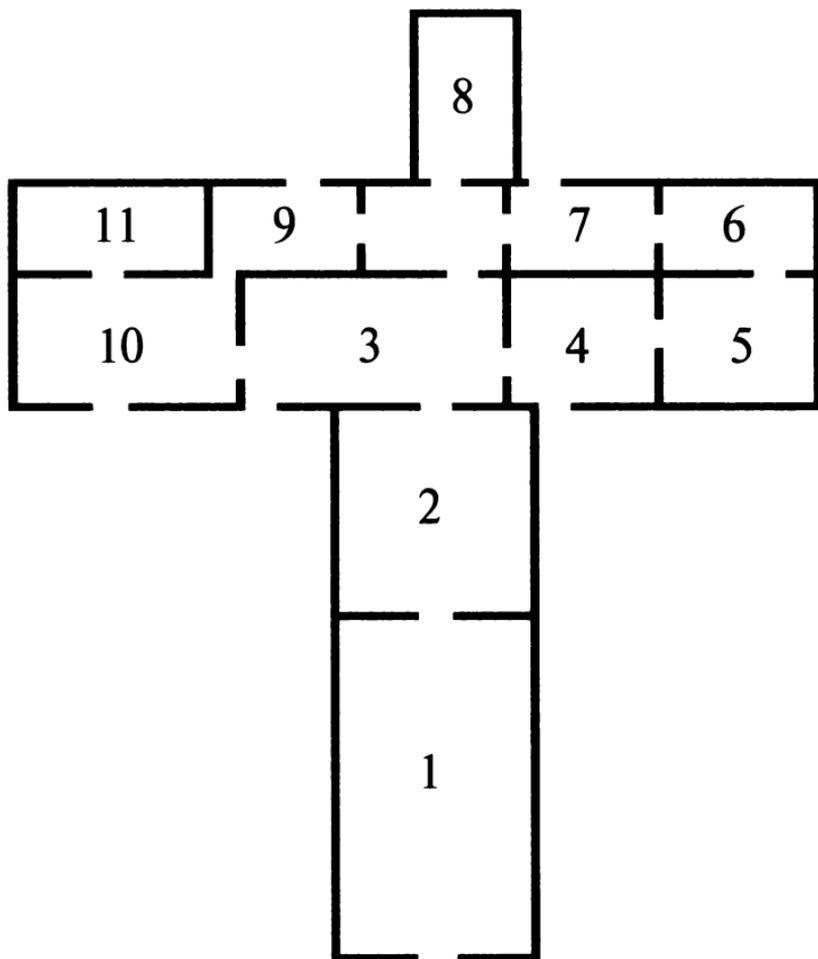
Столовая

Это была самая темная и унылая комната, в которую свет проникал лишь через стеклянную дверь, выходящую в садик, именуемый «садом Али». Сначала она служила топографическим кабинетом и библиотекой, а столовой стала лишь в июле 1816 года.

Она была отделана китайскими обоями с рисунком из золотистых цветов на красном фоне и обставлена столом из красного дерева, десятью стульями и сервировочным столиком. Блюда вносились через ведущую в буфетную дверь, расположенную близ камина.

Монтолоны, Гурго и отец и сын Лас Казы неизменно разделяли трапезу Императора, а Бертраны, имевшие собственный дом, появлялись лишь изредка. Наполеон сидел спиной к стене, и ему подавали два его лакея, Али и Новерра; двое других слуг с помощью британских солдат, облаченных в императорскую ливрею, обслуживали прочих гостей. Стол был великолепно сервирован: серебро, позолота, севрский фарфор оживляли унылую обстановку, но пища была простой, так как Наполеон был умерен в еде, да и ресурсы острова также были весьма скромными.

План Лонгвуд Хаус

1. Бильярдная	8. Комната, где проходила церемония возвращения праха Императора во Францию
2. Гостиная	9. Кабинет
3. Столовая	10. Библиотека
4. Рабочий кабинет	11. Комната, где было составлено Завещание
5. Спальня	
6. Ванная	
7. Комната камердинера	

После отъезда Лас Казов, Гурго и мадам де Монтолон Наполеон стал обыкновенно ужинать в спальне или в кабинете, а обедать в саду, в одиночестве, или в обществе генерала де Монтолона; по прибытии же священников в сентябре 1819 года комната была преобразована в часовню при помощи крепившихся на железных прутьях занавесей, которые можно было легко убирать.

Рабочий кабинет

Эта маленькая комната и следующая за ней, обитые полосатым муслином и перкалем, составляли то, что Наполеон называл своим «домом». В 1821 году здесь стояли три библиотечных стола, раскладное кресло и софа.

— Когда я сюда вхожу, — говорил Наполеон, — мне кажется, что я вхожу в сырой погреб.

Из-за отсутствия камина в этом кабинете в сезон дождей было сыро, как в склепе. Однако там стояла одна из походных кроватей, и часто, мучимый бессонницей, он шел из своей спальни в этот кабинет. По утрам, еще в халате, он иногда выходил через застекленную дверь в садик, известный под именем «сада Маршана».

На стол, стоящий между окном и дверью, камердинер клал каждый день табакерку, бонбоньерку, лорнет и носовой платок, которые Император, прежде чем выйти, клал в карман. Две китайские ширмы скрывали стол и стул, куда клали одежду.

После вскрытия тела 6 мая 1821 года в этой комнате был установлен освещенный множеством свечей катафалк, представлявший собой походную кровать, где покойный лежал головой к столовой, а саваном ему служил плащ, который был на нем во время сражения при Маренго. У стены был сооружен алтарь, и аббат Виньяли читал молитвы, в то время как лакеи в траурной одежде стояли у ложа. После того как врачи сняли посмертную маску, тело было заключено в четырехслойный гроб, поставленный на брезент кровати.

Спальня

Сколько унылых мгновений отмерил маятник часов в этой комнате! Доктор О'Мира оставил нам портрет Наполеона, запертого в стенах этой кельи, удрученного бездействием: «Он сидит перед камином, и отблески то вспыхивающего, то угасающего пламени придают его лицу странное и невыразимо печальное выражение. “Доктор, — говорит он, — есть у вас средство, которое вернуло бы сон человеку, совершенно его отратившему?”»

Обстановка здесь самая непритязательная: походная кровать, софа, круглый стол красного дерева, стол между камином и стеной, где стоит его серебряный несессер, между окон — комод, два плетеных кресла, умывальник в форме вазы и столик у изголовья; все, благодаря стараниям камердинера Маршана, напоминало обстановку его палатки на биваках: миниатюры Жозефины и матери Императора, Марии-Луизы и Римского короля, будильник Фридриха Прусского и серебряные и позолоченные безделушки на камине.

Наполеон завтракал за круглым столом, совершал свой туалет перед окном, в халате принимал врача и обер-гофмаршала, а в дождливые дни читал, лежа на софе. 30 апреля 1816 года именно в этой комнате принял он губернатора Лоу и резко сказал ему:

— Нужно мужество, чтобы приказать убить человека, но заставлять его изнемогать здесь в заточении — это подлость.

Ванная комната

Большая медная ванна, обшитая дубом, была увезена в 1840 году во Францию организаторами возвращения праха Императора. Приобретенная Обществом друзей Святой Елены, она была возвращена на прежнее место. Это была примитивная система, состоявшая из дровяной топки, нагревавшей медный змеевик, откуда вытекала вода, которую приносили в ведрах китайцы.

Наполеон проводил в ванне долгие часы, читая, делая записи, обедая, беседуя со своими офицерами, со своим врачом и со своим камердинером; его долгое отсутствие тревожило надзирающего офицера, который однажды не постеснялся забраться повыше, чтобы увидеть Императора, бледного и больного, сидящего по горло в воде.

Комната камердинера

В этой комнате, примыкавшей к ванной, стояла софа, на которой дежурный камердинер проводил ночь, готовый в любую минуту прибежать на звонок Императора.

Другие комнаты

Комната, обозначенная на плане № 8, в 1821 году была кладовой.

Комната № 9 сначала была буфетной у Монтолонов, а затем спальней капитана Пионтковского.

Комнату под № 10 сначала занимали Монтолоны, а в июле 1816 года ее решили использовать для библиотеки. Но юго-

восточные ветры и дожди делали ее самой неудобной, сырой и промозглой комнатой в доме.

В 1821 году там было три шкафа из красного дерева, защищавшие книги от крыс, несколько книжных полок и стол. Библиотека состояла из 588 томов с императорским гербом, привезенных из Франции, и книг, присланных друзьями в 1815—1821 годах, — всего 3 тысячи томов. На всех книгах стояла печать и надпись, сделанная рукой Али: *Император Наполеон*.

Крохотная комната под № 11 в 1821 году была буфетной.

Сады

«Нас окружало некое подобие сада, — пишет Лас Каз, — но недостаток влаги, особенности климата и то, что мы не могли должным образом за ним ухаживать, делало его садом лишь по названию».

Когда французы прибыли в Лонгвуд, там был лишь маленький садик под окнами спальни и кабинета Императора, который жена губернатора приказала разбить таким образом, чтобы дом защищал цветы от жгучего ветра; в других местах даже и трава почти не росла, а стволы деревьев клонились и изгибались под порывами ветра. Усилия китайских садовников немного скрасили это безрадостное место: садик, который в Лонгвуде стали именовать «садом Маршана», был засеян травой и украшен декоративными растениями и клумбами; затем с восточной стороны, перед входом в библиотеку, появилась рощица апельсиновых и лимонных деревьев, которая стала называться «садом Али». Огород разместился на участке перед домом, но, как и следовало ожидать, на этой бесплодной скале урожай губили ветры, жара, недостаток воды и бесчисленные насекомые.

Только в 1819 году Наполеон, которому доктор Антомарки настоятельно рекомендовал физические упражнения, решил обустроить свои сады, и работы были закончены в мае 1820 года. Генералы и слуги, превратившиеся в садовников и землекопов, копали, окучивали и поливали под руководством Императора, облаченного, чтобы защитить себя от палящего солнца, в забавный костюм плантатора и широкополую шляпу.

Восточная стена позволяла защитить от ветра довольно большое пространство, которое стало называться по имени швейцарского стрелка «сад Новерра». В бассейне в форме полумесяца собиралась стекавшая с пика Дианы вода, которая затем по канавке текла в расположенные ниже круглые

резервуары. На поросшем травой холме китайцы построили квадратную беседку, откуда можно было смотреть на море и следить за движением идущих из Кейптауна судов.

Западная стена защищала разбитый на французский манер сад, где старая ванна заменяла бассейн. Это был, конечно, не Сен-Клу с его великолепными каскадами, но этот убогий парк занимал важное место в жизни изгнанников: там прогуливались вечерами, там иногда обедали в обвитой зеленью беседке, там принимали посетителей. 18 августа 1816 года Наполеон беседовал там в последний раз с Хадсоном Лоу: разговор шел в столь резких тонах, что они с тех пор никогда больше не встречались лицом к лицу, и губернатор-тюремщик отныне мог лишь издали видеть силуэт того, кого считал своим пленником.

От той поры сохранились бассейн, два согнутых ветром дерева в западном саду, вечнозеленый дуб перед беседкой и, тут и там, желтые иммортели, потомки тех, что некогда посадил Император.

Знаменитый изгнанник был так горд скромными результатами, достигнутыми ценой огромных усилий, что однажды сказал генералу Бертрану:

— Когда меня здесь больше не будет, английские путешественники станут рисовать этот сад, разбитый Наполеоном. Нет никого, кто не хотел бы посетить его.

Он не ошибался, ибо множество британцев побывало здесь, от самих государей, Эдуарда VIII, Георга VI и Елизаветы II, до членов их семей и простых путешественников, которые ходили там же, где он, удивляясь тому, что на унылом Лонгвудском плато можно увидеть этот восхитительный цветущий сад.

Дом Бриаров

В 1815 году владение Бриаров принадлежало Балькомбам, англичанам, обосновавшимся на острове в 1807 году, и по странному стечению обстоятельств Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, во время своего непродолжительного пребывания на острове жил у них во флигеле. Уильям Балькомб был служащим Индийской компании, но вместе с двумя другими поселенцами занимался также снабжением судов, заходивших на Святую Елену, что позже помогло ему занять трудную должность поставщика Лонгвуда. Пока Император жил в его имении, он смог установить с ним добрые отношения и в дальнейшем, умело лавируя, оказывал многочисленные услуги всем французам и поэтому к 1818 году, когда

он покинул остров, он был уже на подозрении в Плантайшн Хаус, что весьма осложнило ему получение новой должности в Индийской компании.

Перед отъездом он заложил свое имение, а позже продал его. Владельцы сменяли друг друга вплоть до 1959 года, когда госпожа Мейбл Брукс (*Mabel Brookes*), его правнучка, купила то, что еще оставалось от имения, то есть флигель, и подарила его Франции.

В 1820 году императрица Евгения, возвращаясь из поездки в Южную Африку к тем местам, где ее сын был убит зулусами, сделала остановку в Джеймстауне и отдыхала во флигеле, прежде чем посетить Лонгвуд Хаус, Могилу и встретиться с представителями местной власти.

Господский дом исчез, уничтоженный термитами, а флигель после тщательной реставрации вновь приобрел тот вид, который имел в 1821 году. Когда Наполеон жил там, в этом легком строении была лишь одна комната с мансардой, но британские адмиралы, командовавшие военно-морской станцией с 1816 по 1821 год, превратили его в свою резиденцию и пристроили еще одно крыло и службы, которые остались нетронутыми.

Обстановка состояла из походной кровати (стоявшей справа от входа), стола, комода-секретера, дивана, кресла и нескольких стульев. Лас-Каз и его сын спали в мансарде, слуги — на матрасах за дверью. Несколько позже на лужайке поставили палатку, которая днем служила рабочим кабинетом, а ночью — спальней генералу Гурго.

Долина Могилы

Наполеон умер 5 мая 1821 года, а похороны состоялись 9-го; заупокойную мессу служил аббат Виньяли, капеллан Императора.

После того как солдаты 20-го полка поставили гроб на превращенную в катафалк коляску (сейчас она находится в Доме инвалидов), похоронный кортеж, за которым следовали генералы Бертран и Монтолон, слуги Императора, губернатор и леди Лоу и офицеры гарнизона, направился в долину Сейны (*Sane*). Покойному были оказаны генеральские почести: войска, всего 3 тысячи человек, стояли вдоль дороги, опустив ружья дулом вниз, а корабельные и береговые пушки стреляли каждую минуту.

От дороги до могилы гроб несли двадцать четыре солдата, сменявшие друг друга на опасной дороге, по которой и сейчас ходят посетители и которая тогда специально была

расширена. Место своего последнего упокоения Наполеон выбрал сам во время одной из прогулок в этой долине, где течет прохладная речка, питающая своими водами Лонгвуд. Французы хотели, чтобы на могильной плите было выгравировано *Наполеон*, но Хадсон Лоу, не смягчившийся даже после смерти своего пленника, требовал, чтобы было написано *Наполеон Бонапарт*. К согласию они так и не пришли, и плита осталась безымянной.

После похорон у могилы были поставлены часовые — простая предосторожность, принятая, чтобы не позволить похитить останки изгнанника, а вовсе не знак почтения и уважения. И это продолжалось до того дня 1840 года, когда отправленная королем Луи-Филиппом экспедиция, прибывшая на корабле *La Belle Poule*, вернула во Францию прах Императора, коему отныне суждено было покоиться на берегах Сены. Сбылось пророчество Юго:

Сир, вы возвратитесь в вашу столицу.
Без набата, без боя, без борьбы и без ярости,
Влекомый восьмеркой лошадей под триумфальной аркой,
В императорском облачении.

Двенадцать кипарисов — некоторые из них погибли — были посажены в 1840 году в память о двенадцати великих победах Наполеона; араукарии посадили в 1858 году, когда долина стала собственностью Франции; дикую оливу посадил принц Уэльский (будущий король Эдуард VIII) в 1925 году, а другую оливу — принц Филипп, герцог Эдинбургский, в 1957 году. Три дерева были посажены по случаю посещения Святой Елены кораблем «Жанна д'Арк» в 1935, 1958 и 1963 годах. Олива, посаженная от имени маршала Фош, напоминает о праздновании столетия со дня смерти Императора в 1921 году.

**Остров Святой Елены: основные даты
и некоторые географические сведения**

- 1502 — остров открыт португальским мореплавателем Хуаном де Нова.
- 1515 — на острове появился первый поселенец, Фернан Лопес, португальский офицер, осужденный за измену.
- 1588 — на остров прибывает английский мореплаватель Кавендиш.
- 1633 — остров оккупирован английскими войсками.
- 1659 — остров становится владением Индийской компании.
- 1673 — Хартия Карла II закрепляет за Святой Еленой статус «колонии».
- 1769 — прибытие на остров Бутенвиля на корабле *La Boudeuse*.
- 1770 — капитан Кук посещает Святую Елену.
- 1815 — прибытие Наполеона на «Нортумберленде».
- 1821 — смерть Наполеона.
- 1825 — Дюперре на корабле *La Coquille* посещает остров.
- 1829 — Дюмон д'Юрвиль на корабле *Astrolabe* посещает остров.
- 1833 — окончательное освобождение рабов.
- 1834 — передача колонии Британской короне.
- 1835 — остров посещает Чарлз Дарвин.
- 1840 — останки Наполеона перевозят во Францию.
- 1858 — основание Французских владений на Святой Елене.
- 1880 — визит императрицы Евгении.
- 1890 — интернирование зулусского вождя Динизулу, сына Сетавайо.
- 1921 — празднование столетия со дня смерти Наполеона.
- 1925 — визит принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VIII).
- 1947 — визит короля Георга VI и его семьи.
- 1957 — визит принца Филипа, герцога Эдинбургского.
- 1958 — передача дома Бриаров Франции.
- 1966 — введение Конституции.
- 1971 — празднование 150-й годовщины со дня смерти Наполеона.
- 1972 — празднование трехсотлетия колонии.
- 1980 — визит Их Императорских Высочеств, принца и принцессы Наполеон.
- 1984 — визит принца Эндрю из Великобритании.

ПОЛОЖЕНИЕ: 15°55'33" южной широты
5°43'18" западной долготы

РАССТОЯНИЯ:

до Великобритании: 4400 миль
до мыса Доброй Надежды: 1700 миль
до острова Вознесения: 703 мили
до Африканского побережья: 1200 миль
до побережья Южной Америки: 1800 миль

ВЫСОТА:

Пик Дианы, 850 метров
Пик Актеона, 825 метров
Лонгвуд Хаус, 545 метров

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ: 212 источников

ВРЕМЕНА ГОДА: лето начинается 22 декабря, зима —
21 июня

Долгота дня зимой 11 часов, летом — 12 часов

ТЕМПЕРАТУРА: приблизительно от 13° до 28° по Цельсию

ОСАДКИ: в Лонгвуде в среднем около 1,20 мм.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ВЛАЖНОСТЬ: очень высокая, достигающая в Лонгвуде 87%.

НАСЕЛЕНИЕ:

в 1815 году: 5218 человек
в 1820 году: 7998 (включая военных)
в 1966 году: 4649
в 1971 году: 5056
в 1987 году: 5640.

Лица, находившиеся в Лонгвуде в апреле 1817 года

Наполеон
Генерал Бертран, его супруга и четверо детей
Генерал Гурго
Маршан, камердинер
Сен-Дени, именуемый Али, камердинер
Новерра, камердинер
Чиприани, дворецкий
Лепаж, повар
Пьеррон, кондитер
Аршамбо, конюший
Джентилини, лакей
Жанетт, кухарка
Хейман, его супруга и ребенок (в услужении у Бертранов)
Жозефина, горничная мадам де Монтолон

Солдаты, исполнявшие обязанности слуг:

Хонли (Ch. Honley), лакей
Эбвелл (P. Ebwel), помощник кондитера
Холл (W. Hall), конюх
Эйлес (R. Eyles), конюх
Мейбен (R. Mayben), конюх
Кларк (F. Clarke) (в услужении у Монтолонов)
Фритс (G. Frith) (в услужении у Гурго)
Уильямс (Williams), конюх
Брэдли (Bradley), повар Бертранов
Уайт (White), в услужении у Монтолонов

Служанки женщины (англичанки):

Гордон (Mrs Gordon), кормилица у Бертранов
Хэйуорд (Mrs Hayward), в услужении у Бертранов
Диллон (Mrs Dillon), кормилица у Монтолонов
Скотт (Mrs Scott), в услужении у Монтолонов

Английские слуги:

Дж. Уатт (John Wyatt), слуга Монтолонов
Дж. Лоу (Jeremiah Law), «бой»

Китайцы:

Двое работают на кухне

Английский персонал:

Капитан Поплтон

Доктор О'Мира

Два ординарца

Всего — 46 человек

Конституция 1966 года

В соответствии с Конституцией 1966 года, определяющей политическую жизнь колонии, были созданы:

Законодательный совет, включающий губернатора, генерального секретаря, казначея и 12 избираемых членов;

Исполнительный совет, включающий (под председательством губернатора) генерального секретаря, казначея и президентов законодательных комитетов, каковые все являются членами Законодательного совета.

Законодательные комитеты, где большинство должны составлять члены Законодательного совета, назначаются губернатором и наделяются исполнительной властью в области общественных работ, образования, здравоохранения, сельского хозяйства и природных ресурсов, общественных и финансовых вопросов.

Законодательный совет избирается раз в четыре года.

Лица из ближайшего окружения

Antommarchi, Francesco. Mémoires du docteur Antommarchi ou les derniers moments de Napoléon. Paris, 1825.

Bertrand, Comte Henri Gratien. Cahiers de Sainte-Hélène, janvier—mai 1821. Paris, 1946.

Idem. Cahiers de Sainte-Hélène, 1816—1817. Paris, 1951.

Idem. Cahiers de Sainte-Hélène, 1818—1819. Paris, 1959.

Gourgaud, Baron Gaspard. Journal de Sainte-Hélène. Paris, 1899 / Edition augmentée, préfacée et annotée par Octave Aubry. Paris, 1947.

Las Cases, Emmanuel Auguste Dieudonné Marie Joseph, comte de. Mémorial de Sainte-Hélène ou journal où se trouve consigné jour par jour tout ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois, du 20 juin 1815 au 25 novembre 1816. Paris, 1823.

Marchand, Louis. Mémoires de Marchand, premier valet de chambre et exécuteur testamentaire de l'Empereur / Publiés par Jean Bourguignon et le commandant Henri Lachouque. Paris: Talandier, 2003 (coll. «Bibliothèque napoléonienne»).

Montholon, Comtesse Albine Hélène de Vassal. Souvenirs de Sainte-Hélène, Paris, 1901. (Réédités, avec des compléments, en 2002 par François de Candé-Montholon sous le titre inexact Journal secret d'Albine de Montholon.)

Montholon-Semonville, Charles Tristan. Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène. Paulin, Paris, 1847. (Voir également Gonnard Philippe. Lettres du comte et de la comtesse de Montholon (1816—1819). Paris, 1906.)

O'Meara, Barry. Napoléon dans l'exil / Présentation et notes de Paul Ganeère, traduction revue par Charles-Otto Ziesenis. Paris, 1993.

Santini, Natale. Appel à la Nation anglaise sur le traitement éprouvé par Napoléon Bonaparte dans l'île de Sainte-Hélène. Lnd., 1817.

Ali (Louis Etienne Saint-Denis, dit le mameluk). Souvenirs du mameluk Ali sur l'empereur Napoléon / Avec une introduction de G. Michaut. Paris, 1926.

Прочие

Abell, Elizabeth. Napoléon à Sainte-Hélène. Paris, 1898 (nouv. éd. rev. et augm. par Jacques Macé et présentée par Jean Tulard, sous le titre La Petite Fiancée de Napoléon, Souvenirs de Betsy Balcombe à

Sainte-Hélène (1815—1818). Paris: Tallandier, 2005 (coll. «Bibliothèque napoléonienne»).

Balmain, Alexandre Antonovitch (comte Ramsay de). Le Prisonnier de Sainte-Hélène // Revue bleue. 8 mai — 12 juin 1897.

Cockburn, Rear-Admiral sir George. Extract from a diary, Lnd., 1888.

Darling, Andrew. Napoléon's Funeral, extrait du Journal d'Andrew Darling / Publié par The Times Literary Supplément, Lnd., 30 septembre 1915 (traduction et commentaires de J. Macé, dans la Revue du Souvenir napoléonien, N° 445, février-mars 2003).

Montchenu, Marquis / Voir Firmin-Didot, Georges. La Captivité de Sainte-Hélène, d'après les rapports inédits du marquis de Montchenu. Paris, 1894.

Glover, John R. Taking Napoléon to St. Helena. Lnd., 1893.

Gorrequer, Major Gideon. Journal privé / Edité avec préface et notes par J. Kemble sous le titre Gorrequer's diary. Lnd., 1969.

Home, Sir George. Memoirs of an aristocrat and reminiscences of Emperor Napoleon, by a midshipman of the Bellerophon. Lnd., 1838.

Hook, Theodore. Facts illustrative of the treatment of Napoleon Bonaparte at St. Helena. Lnd., 1819.

Jackson, Lt.-colonel, Basil. Notes and reminiscences of a staff-officer relating to Waterloo and St. Helena. Lnd., 1903.

Lutyens, Capitaine, Engelbert / Voir Knowles, Sir Lees. Letters of Captain Engelbert Lutyens. Lnd., 1915.

Lowe, Hudson. History of the captivity of Napoléon // Mémoires apocryphes / Publiés par William Forsyth. Lnd., 1853, 3 vol.

Maitland, Capitaine F. L. Narrative of the surrender of Bonaparte and of his residences on H.M.S. Bellerophon. Lnd., 1826.

Ross, Capitaine, Charles B. Hodgson. Lettre à son ami W. J. Hall / Publiée par Cl. Shorter dans Napoléon and his fellow-travellers.

Stokoe, Dr., John. With Napoleon at St. Helena. Lnd., 1902.

Stürmer, Barthélémy, baron. Napoléon à Sainte-Hélène, rapports officiels. Paris, s. d.

Verling, Dr., James Roche. Journal manuscrit conservé // Archives nationales (AB XIX 92, entrée n° 34).

Warden, Dr., William. Letters from the Northumberland and St. Helena. Lnd., 1816.

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть и бессмертие. <i>А. П. Левандовский</i>	6
Предисловие к французскому изданию. <i>Жак Журкен</i>	9
Глава первая. Государственные пленные	13
Прибытие на Святую Елену	16
Дом Бриаров	26
Меры безопасности	31
Глава вторая. Лонгвуд Хаус	38
Обстановка	41
Окружение	42
День Наполеона	61
Денежный вопрос	75
Снабжение	91
Климат	94
Болезнь	99
Смерть	107
Глава третья. Плантейшн Хаус	112
Сэр Хадсон Лоу	114
Леди Лоу	127
Штаб	130
Надзирающий офицер	140
Гарнизон	144
Морской флот	145
Местная администрация	151
Глава четвертая. Иностранные комиссары	154
Маркиз де Моншеню	155
Барон фон Штюрмер	167
Граф Бальмен	172
Глава пятая. Военные	186
Сухопутная армия	187
Королевский флот	196
Санитарные условия	205
Женщины	214
Любовные увлечения	222
Глава шестая. Население	226
«Белая знать»	227
«Рядовые» белые. Официальные приемы	236
Продовольственные ресурсы	241
Духовенство	243
Рабы	253
Китайцы	258

Приложения	262
<i>Приложение 1.</i> Наиболее заметные лица из числа находившихся на острове Святой Елены (но не входивших в штат Лонгвуда) между 1815 и 1821 годами ..	262
<i>Приложение 2.</i> Французские владения на Святой Елене ..	294
<i>Приложение 3.</i> Лонгвуд Хаус	296
<i>Приложение 4.</i> Остров Святой Елены: основные даты и некоторые географические сведения	305
<i>Приложение 5.</i> Лица, находившиеся в Лонгвуде в апреле 1817 года	307
<i>Приложение 6.</i> Конституция 1966 года	309
Главнейшие свидетельства с острова Святой Елены ..	310

М 29 **Мартино Ж.** Повседневная жизнь на острове Святой Елены при Наполеоне / Жильбер Мартино; пер. с фр. М. В. Добродеевой; вступ. ст. А. П. Левандовского; предисл. к фр. изд. Ж. Журкена. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 313[7] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03116-6

Маленький остров, затерянный в Атлантическом океане, стал последним прибежищем Наполеона. Те пять с половиной лет, которые он провел здесь (1815—1821), можно назвать временем угасания и медленной агонии великого человека, умерщвляемого бесконечными и по большей части бессмысленными придирками английских тюремщиков и самой природой этого унылого острова — Скалы, как называли его французы. Едва ли кто-нибудь смог бы лучше рассказать о жизни Наполеона и других обитателей острова, нежели Жильбер Мартино — человек, в течение сорока лет занимавший должность хранителя Французских владений на Святой Елене и собравший бесценный материал о последних годах жизни Императора французов и его окружении.

УДК 94(44)“176/182”
ББК 63.3(4)52

Мартино Жильбер

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **И. И. Сулов**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 25.12.2007. Подписано в печать 09.04.2008. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 16,8+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 83094.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03116-6

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Герцык
«ЛИКИ И ОБРАЗЫ»

Т. Маврина
«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 ГГ.»

Н. Матвеева
«МЯЧ, ОСТАВШИЙСЯ В НЕБЕ»

М. Нестеров
«О ПЕРЕЖИТОМ. ВОСПОМИНАНИЯ»

С. Дурылин
«В СВОЕМ УГЛУ»

О. Гильдебрандт-Арбенина
«ДЕВОЧКА, КАТЯЩАЯ СЕРСО...»

И. фон Гонтер
«ЖИЗНЬ НА ВОСТОЧНОМ ВЕТРУ:
МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И МЮНХЕНОМ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Малявин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КИТАЯ В ЭПОХУ МИН**

У. Макдональд

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА**

Л. Реньё

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ IV ВЕКА**

И. Курукин, Е. Никулина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XIX ВЕКА**

А. Каспи

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
В ЭПОХУ «СУХОГО ЗАКОНА»**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>, dsej@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Вульф

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ**

Н. Никитина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ**

П. Фор

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АРМИИ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО**

С. Ру

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАРИЖА В СРЕДНИЕ ВЕКА**

О. Елисева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕКАТЕРИНЫ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

М. Филин
«АРИНА РОДИОНОВНА»

А. Митрофанов
«ГИЛЯРОВСКИЙ»

К. Давид
«КАФКА»

Г. Пржиборовская
«ЛАРИСА РЕЙСНЕР»

Ю. Зобнин
«МЕРЕЖКОВСКИЙ»

А. Кобринский
«ДАНИИЛ ХАРМС»

Н. Старосельская
«НАТАЛЬЯ ГУНДАРЕВА»

А. Кудря
«ВАЛЕНТИН СЕРОВ»

Н. Будур
«КНУТ ГАМСУН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Бондаренко
«МИЛОРАДОВИЧ»

Э. Матонина, Э. Говорушко
«К. Р.»

Н. Павленко
«ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ»

Е. Анисимов
«ИВАН VI АНТОНОВИЧ»

А. Пензенский
«НОСТРАДАМУС»

Б. Соколов
«ТУХАЧЕВСКИЙ»

Л. Млечин
«БРЕЖНЕВ»

Р. Скрынников
«ЕРМАК»

Ж. Аттали
«КАРЛ МАРКС»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

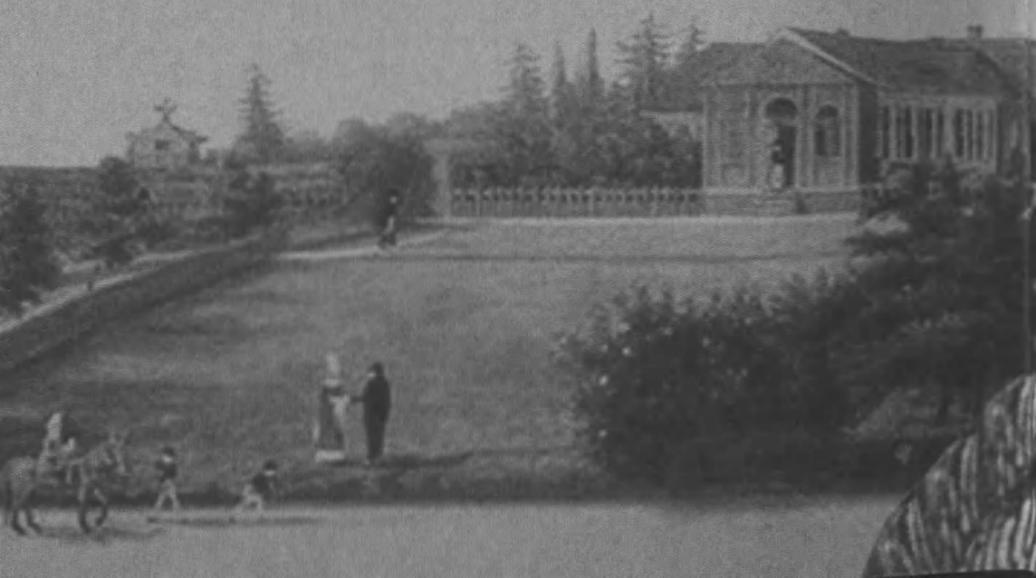

**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

**Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».**

**Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru**

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ж. Карколино
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ

Л. Реньё
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ
IV ВЕКА

В. Малявин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КИТАЯ
В ЭПОХУ МИН

Н. Будур
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ
И ЗНАХАРЕЙ

И. Курукин, Е. Никулина
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ

ISBN 978-5-235-03116-6

9 785235 031166 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ